

Вопросы элитологии
Issues in Elitology
2021, Том 2, No 3

ВОПРОСЫ ЭЛИТОЛОГИИ

Научный электронный журнал

www.elitology-journal.com

Том 2, №3

«Историческое наследие великой эпохи: к 300-летию Российской империи (pro et contra)»

2021

ISSUES IN ELITOLOGY

Academic E-Journal

www.elitology-journal.com

Volume 2 No 3

**“The Historical Legacy of a Great Era: Toward the
300th Anniversary of the Russian Empire (pro et
contra)”**

Dear friends, colleagues, readers and authors!

The “Issues in Elitology” is a periodical academic e-journal without printed forms (published since 2020). The journal publishes academic articles, reviews, information resources, reports on expeditions, conferences and other research materials.

The journal consolidates the elite community in order to identify and establish the most challenging problems of modern elite studies, to conduct a comprehensive analysis of all elite theories, concepts, and doctrines having been existed in science throughout the history. The editors of the journal consider elitology as a researches that deals with whatever concerning elite studies issues from politics and law to philosophy, history, culture, and religion. Both theoretical and applied field of the elite phenomenon are considered.

Determining the ELITE as a cultural and historical phenomenon we thereby insist on a system and integrated approach to the study of its foundations and matters. The elites have always played an extremely important part influencing the fate of people and the world. Therefore it becomes a key point in the analysis of the grade state of mankind as a whole. In this regard we see the need to intensify the academic discourse around the phenomenological essence of the elite in order to further constructive development of elite studies.

Applied Elite Studies concern mainly the selection and the recruitment of the elites. Considering the elites from the point of view of their professional communities (political, scientific, cultural, etc.) is of particular interest. It is done to develop the most optimal effective mechanisms for the professionalization and socialization of elite communities. It is becoming more and more obvious that the formation of the professional competence of the elites should finally receive serious academic support, not as a matter of chance.

The journal creates a virtual platform for exchange of views and discussions in the field of Elite Studies. We make no distinction between reputed scientists and aspiring young authors. The main criterion for selecting material is that manuscripts must be of high research quality and meet the spirit of functional professional cooperation.

The editors respect the positions of any author even if they do not agree with his or her point of view, provided that the work is in keeping with the mood of open competition and is conducted within ethics. Selecting material for publication the journal is guided primarily by the principles of objectivity, academic character, and verifiability.

All articles are published FREE, but the fee is not paid to the authors.

- ◆ Certificate of registration issued by Roskomnadzor: ЭЛ № ФС 77 - 80 146 since 04 February 2021
- ◆ Materials are intended for persons over 18 years old.

Уважаемые друзья, коллеги, читатели и авторы!

Сетевое издание «Вопросы элитологии» является периодическим научным изданием, не имеющим печатной формы, и выпускается с 2020 года. В сетевом издании публикуются научные статьи, рецензии, информационные ресурсы, отчеты об экспедициях, конференциях и прочие научные материалы.

Сетевое издание призвано консолидировать вокруг себя элитологическое сообщество, выявить и установить наиболее актуальные проблемы современных исследований элит, провести всесторонний анализ всех существовавших в философской и научной истории теорий, концепций и доктрин, касающихся элит. Редакция сетевого издания рассматривает элитологию как комплексную научную дисциплину, занимающуюся всем корпусом элитологических проблем – от политики и права до философии, истории, культуры и религии. Рассматриваются как сугубо теоретико-методологические, так и прикладные эмпирические исследования феномена элиты и элитности.

Оценивая элиту в качестве культурно-исторического феномена, мы тем самым настаиваем на системном комплексном подходе к изучению его основ, сущности и смыслов. Мы призываем рассматривать этот феномен, как в диалектическом единстве, так и в метафизическом формате, работая в режиме «pro et contra». Поскольку роль элиты всегда носила исключительно важный характер и от ее решений зависели судьбы людей и мира, она становится узловым моментом в анализе качественного состояния всего человечества в целом. В этой связи мы видим необходимость активизировать научный дискурс вокруг феноменологической сущности элиты и элитности с целью дальнейшего конструктивного развития элитологии как науки.

Прикладные элитологические исследования касаются главным образом селекции и рекрутирования элит. Особый интерес представляет возможность рассматривать элиты с точки зрения их профессиональных сообществ (политических, научных, культурных и т.д.) с целью выработки наиболее оптимальных эффективных механизмов профессионализации и социализации элитных сообществ. Сегодня становится все более очевидным то, что формирование профессиональной компетентности элит должно, наконец, получить серьезное научное сопровождение, а не быть делом случая.

Сетевое издание предоставляет свою площадку для открытой научной дискуссии, не делая при этом никакого различия ни для именитых учёных, ни для начинающих молодых авторов. Главный критерий отбора материала – рукописи должны быть высокого научного качества и отвечать духу конструктивного профессионального сотрудничества.

Редакция уважительно относится к позициям любого автора, даже если и не согласна с его точкой зрения, при условии, если работа отвечает духу открытой конкурентной борьбы и ведется с соблюдением этических норм. В отборе к публикации материала журнал руководствуется в первую очередь принципами объективности, академичности, верифицируемости.

Все статьи публикуются в журнале бесплатно, но и гонорар авторам не выплачивается.

- ◆ Свидетельство о регистрации выдано Роскомнадзором: ЭЛ № ФС 77 - 80 146 от 04.02.2021
- ◆ Опубликованные в журнале материалы предназначены для лиц старше 18 лет

EDITOR-IN-CHIEF	ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Pavel L. Karabuschenko Dr. Habilitatus in Philosophy, professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia	Павел Леонидович Карабущенко д. филос. наук, профессор, Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия
JOURNAL MANAGER	МЕНЕДЖЕР СЕТЕВОГО ИЗДАНИЯ
Yuriy D. Goncharenko e-journal "Issue in Elitology". Astrakhan, Russia	Юрий Дмитриевич Гончаренко сетевое издание "Вопросы элитологии". Астрахань, Россия
EDITORIAL TEAM	РЕДАКЦИЯ
Leonid Ya. Podvoisky (Responsible Editor), PhD, Associate Professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia	Леонид Яковлевич Подвойский (ответственный редактор), канд. филос. наук, доцент, Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия
Maria M. Bicharova PhD, Associate Professor, Caspian Institute of Sea and River Transport. Astrakhan, Russia	Мария Михайловна Бичарова канд. филол. наук, доцент, Каспийский институт морского и речного транспорта им. генерал- адмирала Ф.М. Апраксина. Астрахань, Россия
Ekaterina V. Gainutdinova PhD, Associate Professor, Astrakhan State Technical University. Astrakhan, Russia	Екатерина Валерьевна Гайнутдинова канд. филос. наук, доцент, Астраханский государственный технический университет. Астрахань, Россия
Irena V. Lebedeva PhD, Associate Professor, Caspian Institute of Sea and River Transport. Astrakhan, Russia	Ирэна Валерьевна Лебедева канд. соц. наук, доцент, Каспийский институт морского и речного транспорта им. генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. Астрахань, Россия
EDITORIAL BOARD	РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Arushan A. Vartumyan Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, North Caucasus Federal University (NCFU). Pyatigorsk, Russia	Арушан Арушанович Вартумян д. полит. наук, профессор, Северокавказский федеральный университет. Пятигорск, Россия
Nikolay V. Grishin Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, St. Petersburg State University. Saint-Petersburg, Russia	Николай Владимирович Гришин д. полит. наук, профессор, Санкт- Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия.
Elena E. Zavyalova Dr. Habilitatus in Philology, Professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia	Елена Евгеньевна Завьялова д. филол. наук, профессор, Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия

Gennady V. Kosov Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, Sevastopol State University. Sevastopol, Russia	Геннадий Владимирович Косов д. полит. наук, профессор, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия
Victor P. Mokhov Dr. Habilitatus in History, Professor, Perm National Research Polytechnic University. Perm, Russia	Виктор Павлович Мохов д. ист. наук, профессор, Пермский национальный исследовательский политехнический университет. Пермь, Россия
Evgeny N. Moschelkov Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia	Евгений Николаевич Мощелков д. полит. наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, Россия
Larissa I. Nikovskaya Dr. Habilitatus of Sociology, Professor, Chief Researcher, Institute of Sociology of the Federal of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences / professor, RANEPA. Moscow, Russia	Лариса Игоревна Никовская д. соц. наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН / профессор, РАНХиГС. Москва, Россия
Alexander V. Ponedelkov Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, South Russian Institute - a branch of the The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (The Presidential Academy, RANEPA). Rostov-on-Don, Russia	Александр Васильевич Понеделков д. полит. наук, профессор, Южно- Российский институт - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Ростов-на-Дону, Россия
Ravil G. Rezakov Dr. Habilitatus in Pedagogy, Professor, Moscow City University. Moscow, Russia	Равиль Гарифович Резаков д. пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет. Москва, Россия
Maria M. Fedorova Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia	Мария Михайловна Федорова д. полит. наук, профессор, Институт философии РАН. Москва, Россия
Alexander N. Chumakov Dr. Habilitatus in Philosophy, Professor, Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia	Александр Николаевич Чумаков д. филос. наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, Россия
Elena V. Khlyshcheva Dr. Habilitatus in Cultural Studies, Professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia	Елена Владиславовна Хлыщева д. филос. наук, профессор, Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия

КОНТАКТЫ:

Учредитель: Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие «Генезис.Фронтир.Наука»

Адрес редакции: 414 056, Россия, Астрахань, Татищева 16ж, кв. 40

Главный редактор:
Павел Леонидович Карабущенко
Email: elitologyjournal[at]gmail.com

Дирекция журнала:
Растям Туктарович Алиев
Email: rastaliev[at]gmail.com

Мнение редколлегии журнала может не совпадать с мнением авторов

CONTACT:

Founder: Limited Liability Company Scientific Industrial Enterprise "Genesis. Frontier. Science"

Address of Editorial board: 16zh, Tatischeva St. apt 40, Astrakhan, Russia, 414 056

Editor-in-Chief:
Pavel L. Karabuschenko
Email: elitologyjournal[at]gmail.com

CEO:
Rastyam T. Aliev
Email: rastaliev[at]gmail.com

The opinion of the editorial board may not coincide with the opinion of the authors

Table of Content

TO THE 300-THE ANNIVERSARY OF THE RUSSIAN EMPIRE

Paul L. Karabushenko	
The Idea of «Empire» in the Context of World History	10
Tatyana A. Shebzukhova	
The Sacredness of Power in the Russian Imperial Tradition	30
Leonid Ya. Podvoisky	
The Last Byzantine: K.N. Leontiev on the Byzantine Roots of the Russian Empire	56
Andrey V. Baranov	
Manifestations of the Continuity of Imperial and Soviet Ethnopolitics in the 1920-S (On the Materials of the Southern Russia)	88
Aleksey A. Ilin	
Peter's "Regular State": a Masonic Conspiracy or a Demand of the Epoch	110
Gennady V. Kosov, Vladimir D. Nechaev, Dmitry B. Tatarkov	
Russian Project of the Greater Mediterranean: from Imperial Traditions to a New Round of Great Confrontation	123
Konstantin A. Markelov	
New Imperial Trends Of Eurasia: Political Elites In Search Of Their Leadership	140
Vyacheslav G. Golovin, Ekaterina E. Golovina	
Imperial Ambitions of Modern Transnational Corporations	156

SCIENTIFIC LIFE

Alexander Va. Ponedelkov, Konstantin Vi. Kudryashov	
Geopolitical, Socio-Cultural, Elitological Aspects of the Formation, Degradation and Revival of Imperial Intentions: Informing and Discussing	190

CRITICISM AND REVIEWS

Arushan A. Vartumyan	
Russian Imperial Project: Russification Of The National Outskirts – Review Of The Monograph "National Outskirts In The Politics Of The Russian Empire And Russian Social Thought. Edited By A.T. Ureshadze - Rostov-On-Don: Unts Ras Publishing House. 2020".	226
Irene R. Upir	
Anglosaxon Historiography of Modern US Imperial Ambitions (Analysis of Conceptual Moments)	238

Содержание

К 300-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Карабущенко Павел Леонидович	
Идея «империи» в контексте всемирной истории	10
Шебзухова Татьяна Александровна	
Сакральность власти в русской имперской традиции	30
Подвойский Леонид Яковлевич	
«Последний Византиец»: К.Н. Леонтьев О Византийских Корнях Российской Империи	56
Баранов Андрей Владимирович	
Проявления преемственности имперской и советской этнополитики в 1920-х гг. (На материалах юга России)	88
Ильин Алексей Александрович	
«Регулярное государство» Петра: масонский заговор или требование эпохи	110
Косов Геннадий Владимирович, Нечаев Владимир Дмитриевич, Татарков Дмитрий Борисович	
Российский проект Большого Средиземноморья: от имперских традиций к новому витку большого противостояния	123
Маркелов Константин Алексеевич	
Новые имперские тенденции Евразии: политические элиты в поисках своего лидерства	140
Головин Вячеслав Григорьевич, Головина Екатерина Евгеньевна	
Имперские амбиции современных транснациональных корпораций	156

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Понеделков Александр Васильевич, Кудряшов Константин Викторович	
Геополитические, социально-культурные, элитологические аспекты формирования, деградации и возрождения имперских интенций: информируем и обсуждаем	190

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

Вартумян Арушан Арушанович	
Имперский проект России: русификация национальных окраин - рецензия на монографию «Национальные Окраины В Политике Российской Империи И Русской Общественной Мысли. Под общей редакцией А.Т. Урушадзе.- Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2020».	226
Упир Ирина Романовна	
Англосаксонская историография об имперских амбициях США (анализ концептуальных моментов)	238

THE IDEA OF «EMPIRE» IN THE CONTEXT OF WORLD HISTORY

Paul L. Karabushenko

Astrakhan State University. Astrakhan, Russia. E-mail: [Pavel_karabushenko\[at\]mail.ru](mailto:Pavel_karabushenko[at]mail.ru)

ORCID 0000-0003-2776-4089

Abstract

In world political history, the history of empires is a key moment around which the bulk of all political and socio-cultural events, values and meanings are concentrated. Each historical era has its own history of empires fighting for world leadership. This struggle most often acquired a worldwide character, in the sense that it involved many peoples in it, which became a means for the realization of specific imperial goals. Therefore, each historical epoch has its own rich and unique experience of the existence of empires as the highest form of state existence. This experience can be both positive and negative. It is necessary to study this experience in order to use it in modern political practices and in assessing the actions of modern imperial centers.

The idea of "empire" occupies a key position in the context of world history, determining the vector of its development. At the same time, each history of the empire is presented as the history of outstanding political and cultural figures who, by their life feats, contribute to the development and strengthening of a specific imperial project. International relations are determined by the struggle of empires for world domination, and within each empire the rhythm of its development is determined by the elites who are constantly in the process of the struggle for power. The originality of each historical experience explains the diversity that we observe in the analysis of this historical and political phenomenon. Each empire has its own imperial project, its own historical rhythms of development and its own end result of triumph and degradation. On the whole, the imperial project is, in essence, a plan for the struggle and achievement of world leadership.

Keywords

empire; elite; historical era; genesis; apogee; a crisis; the idea of an empire; power; domination; meaning; competition; struggle for leadership

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ИДЕЯ «ИМПЕРИИ» В КОНТЕКСТЕ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

Карабущенко Павел Леонидович

Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия.
E-mail: [Pavel_karabushenko\[at\]mail.ru](mailto:Pavel_karabushenko[at]mail.ru). ORCID 0000-0003-2776-4089

Аннотация

Во всемирной политической истории история империй является узловым моментом, вокруг которого концентрируется основной массив всех политических и социокультурных событий, ценностей и смыслов. Каждая историческая эпоха имеет свои истории империй, борющихся за мировое лидерство. И эта борьба чаще всего приобретала всемирный характер, в том смысле, что вовлекала в нее многие народы, которые становились средством для реализации конкретных имперских целей. Поэтому каждая историческая эпоха имеет свой богатый и неповторимый опыт существования империй, как высшей формы бытия государства. Опыт этот может носить как позитивный, так и негативный характер. Но изучать этот опыт необходимо для того, чтобы использовать его в современных политических практиках и в оценках действий современных имперских центров.

Идея «империи» занимает ключевую позицию в контексте всемирной истории, определяя вектор ее развития. При этом каждая история империи представляется как история выдающихся политических и культурных деятелей, своим жизненным подвигом содействующих развитию и укреплению конкретного имперского проекта. Международные отношения определяются борьбой империй за мировое господство, а внутри каждой империи ритм ее развития определяют элиты, постоянно находящиеся в процессе борьбы за власть. Своеобразие каждого исторического опыта и объясняет то многообразие, которое мы наблюдаем в анализе этого историко-политического явления. У каждой империи свой имперский проект, свои исторические ритмы развития и свой конечный результат триумфа и деградации. И в целом имперский проект есть в сущности своей план борьбы и достижения мирового лидерства.

Ключевые слова

империя; элиты; историческая эпоха; генезис; апогей; кризис; идея империи; могущество; доминация; смысл; конкуренция; борьба за лидерство.

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) [Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Вся всемирная политическая история представляет собой хронологию исторических эпох, в основе которых лежит политическое могущество конкретной империи или группы империй, борющихся за мировое могущество. Еще Блаженный Августин в своем труде «О граде Божием» (413-426 гг.) впервые давая периодизацию всемирной истории человечества, опирался на этот принцип, выделяя в политической истории царства-эпохи: египетскую, персидскую, греческую, римскую... (Аврелий Августин, 1998).

Империя есть форма развития политической системы государства. Империя это возможность продвигать свою волю и отстаивать свои интересы на мировом уровне. Поэтому базовыми признаками империи являются: превосходство, могущество, господство, первенство, абсолютный авторитет. Империю мы склонны рассматривать как политический феномен, регулярно воспроизводящийся во всемирной истории. Как известно, у каждого феномена есть свой определенный смысл и в определенных случаях он может быть не один, а несколько.

Задача империи - беспредельно владеть всем самым лучшим, что есть в мире (богатством, технологиями, знанием). Империя стремится быть первой во всем – и в войне, и в культуре. Но самое главное – иметь перед всеми моральное господство: судить все по своим особым меркам. В обязанности империи входит постоянное навязывание всем своего стандарта. И этот самый стандарт и становится главным признаком имперского превосходства. Империя по существу есть достигнутое и навязанное всем остальным превосходство в качестве.

Борьба с империей вписывает самые важные (героические) страницы в историю их соперников. Победа над империей (даже если она мнимая, фейковая) приносит победителям авторитет и информационное превосходство. При этом на них переходит часть имперской славы побежденного соперника. Так было с Персией, когда она победила Древний Египет, так было с Грецией, когда она победила Персию, так же было и с Римом, когда он победил Грецию... Процесс борьбы за мировое лидерство не имеет политического завершения – здесь всегда одни непременно побеждают других, а эти другие всегда вынашивают реваншистские планы, способные перечеркнуть достижения победителей... Дух империи борется с другими, равными себе или превосходящими его силами.

МЕТОДОЛОГИЯ

Проблему империи мы намерены рассматривать с точки зрения современной элитологической науки. Для этого будем опираться на принцип элитности. *Принцип элитности – определение наибольшей ценности и важности в чем-либо.* Например, в герменевтике это выявление наиболее важной идеи текста, несущей максимальную величину истины и содержащиеся в изложенных идеях смысла. Главный принцип империи – все самое лучшее в мире должно быть нашим, ибо, только обладая этим самым лучшим, можно гарантировать себе необходимое не только военно-техническое, но и политическое, духовное, главное – моральное превосходство. Именно на таком избыточном элитарном превосходстве и основываются могущества всех империй.

СМЫСЛОВЫЕ ПОЛЯ ИДЕИ ИМПЕРИИ

Одним из первых идею империи пытался сформулировать Платон, на примере анализа политической истории Афин и истории великой персидской державы. Суммируя приведенные Платоном признаки империи, можно вывести некие общие параметры этой идеи: 1) стремление быть первыми; 2) брать на себя инициативу и ответственность; 3) жертвовать своими личными интересами во имя общего блага; 4) идти до конца в реализации своих целей; 5) формулировать и продвигать свои системы ценностей... Указанная сумма, и дает основания для того, чтобы называть конкретное государство империей (Менексен, 237a-243d) (Платон, 1990, стр.145-151).

Идея империи фактически выражает собой реализованный на практике синтез гегемонии и могущества. Империя это политическая власть, осуществляющая мировое господство (лидерство, руководство, управление). Идея империи заключается в обретении могущества и реализации своего превосходства над соперниками. В истории империй у них всегда было три инструмента воздействия на мир: обман, запугивание, подкуп. И все они выражали их тройственную сущность насилию.

Политика империи это вечная экспансия и когда она заканчивается, кончается и сама империя. Именно поэтому империя всегда представляет собой расцвет мирового могущества того государства, которому удалось реализовать свой глобальный проект и установить свою гегемонию над уступающими им в могуществе соседями. Именно могущество дает империи преобладание в силе и возможность диктовать свою волю другим.

Как показывает мировая политическая история, в своем историческом развитии идея империи проходит три стадии: 1) «генезис» (становление имперской мощи), 2) «апогей» (расцвет могущества) и 3) «закат» (наступление немощи, выражающейся в упадке и деградации). Для каждой из этих фаз развития присущи свои смыслы, которые точно определяют характер каждого этапа.

Объективный закон империи гласит: закат империи наступает тогда, когда ее политическая система из состояния *аристократического возбуждения*¹ скатывается в состояние *олигархического опьянения*.² Расцвет и закат империй характеризуется блеском и нищетой ее правящих элит. В первом случае – это элита героев, во втором – серая безликая масса высокопоставленных привилегированных чинов, неспособных адекватно ответить на вызов своего исторического времени. Качественное состояние элит может служить барометром процветания или упадка возглавляемых ими империй.

Как свидетельствует политическая история империй, диалектика их развития, расцвета и упадка подчиняется неким общим правилам. В общей формуле *империи* (I) мы выделяем две главные движущие величины, определяющие ее доминацию: военно-экономическое *могущество* (m) и *волю* (v) её правящих политических элит ($I = m : v^2$). Из этой формулы и вытекает сущность имперской власти.

Самое главное в империи – это осознание своих пространственных возможностей и способность контролировать эти возможности как единый политический центр. Поэтому что такое империя, наглядно демонстрируют ее границы, расширение которых указывает на рост ее могущества. При этом центр империи (особенно ее столица) начинает становиться эталоном идеологической помпезности и культурного величия. До сих пор столицы империй – Вена, Санкт-Петербург, Берлин, Лондон, Париж – поражают всех своей имперской роскошью. И до сих пор они эксплуатируют свой «золотой век», как вершину культурной жизни своей нации.

Главная идея Империи – это объединение под единым началом, тех, кто стремится к господству, но не в состоянии этого сделать в одиночку вне этой системы. Идею имперской гегемонии чаще всего выра-

1 *Аристократическое возбуждение* – состояние элиты, когда ее субъекты путем своего героического поведения, завоевывают себе аристократические привилегии, создавая новые системы и ценности.

2 *Олигархическое опьянение* – когда правящая элита утопает в присвоенном себе богатстве и отказывается действовать, если эти действия не ведут к ее еще большему обогащению. Период окончательного пресыщения всем (абсолютной властью, материальными благами, мировым могуществом и т.д.), свидетельствующий о начале деградации системы имперского могущества.

жают их политические лидеры, которые формулируют понятные для всех цели и задачи развития своего имперского проекта. «Мечта о гегелианском единстве находилась в ядре видения лидеров во все времена. Все они – от Александра Великого и Августа, до Дария, Наполеона, ЛюБана, императоров Тан и Мин, без исключения выбирали гегемонию и подчинение в достижении этой мечты. В конце концов, они выстраивали культуру и идеологию так, чтобы система была гармонично объединена» (Vasilis Trigkas, 2015).

С точки зрения исторического персонализма, история империи есть история выдающихся людей и их великих идей. На каждом этапе своего развития империя предоставляет возможность проявить свои таланты тем из своих подданных, которые становятся выдающимися людьми своей эпохи. Собственно говоря, история империй и есть история выдающихся людей, которые своим жизненным подвигом упрочили имперский статус своего государства, достигнув наивысших пределов в своей профессиональной сфере деятельности. Такие люди, благодаря деятельности которых империи достигали вершины своего исторического развития, и спустя века продолжают ассоциироваться с величием имперского могущества.

Перед империями всегда остро стоял моральный аспект их деятельности. Чаще всего они закрывали на это глаза, стараясь не замечать совершаемые ими преступления. Имперцы всегда использовали тезис о том, что они несут благо для своих подданных, что они решают благородную (а значит, морально оправданную) задачу обеспечить имперское господство своим потомкам на неограниченный срок в будущем. Однако «утверждение, что Империя является благом в себе, все же не означает, что она есть благо для себя» (Hardt & Negri, 2000, p. 43). Сам дух имперства может калечить душу нации, порождая аморальных чудовищ. И политическая история таких империй, как Британская и США дает нам обширный иллюстративный материал.

Помимо всего прочего у истории каждой конкретной империи есть свой конкретный историко-культурный *контекст*, свой *текст* и свой особый *подтекст*. Если *контекст* описывает культурно-исторический ландшафт, в котором развивались имперские институты и традиции, то *подтекст* содержит в себе основные смыслы и культурно-политические коды, характеризующие сущность этого феномена. Под «*текстом*» истории империи мы подразумеваем оставленные ею конкретные официальные документы (законы, дипломатические акты и т.д.), свидетельства очевидцев (мемуары), труды историков того времени. Только в единстве контекста, текста и подтекста мы сможем получить точную герменевтическую оценку рассматриваемой истории.

«ГЕНЕЗИС»

Все государства в своем историческом потенциале стремятся к приобретению имперского статуса, но лишь некоторым на время удается это сделать. У кого-то состояние империи длится столетиями, кто-то достигает имперского величия на короткий миг. Но в их историях (несмотря на все их многообразие) мы находим некие закономерности, которые позволяют нам сделать некие обобщения.

Начало возникновения имперских признаков, начинается с наведения порядка и процветания на «коренной» территории, которая становится образцом («сердцем») будущей империи: в Персидской империи это Мидия, в Римской - Апеннины, в Византийской – Малая Греция и Малая Азия и т.д. В империи Рюриковичей (IX - XII вв.) это была «Киевщина» (земли полян-руси), а в Российской империи – «Московия». Эти центры выступали в роли неких политических стандартов и силы управления всем этим огромным имперским механизмом.

Генезис империи выражается в развитии эффективного экономического и военного механизма, позволяющего государству формировать свою волю, выражать свои интересы и реализовывать амбиции властвующих политических элит.

Генезис империи означает процесс ее территориального расширения и усиления качества, дающего ей превосходство и приоритет формирования идеи сверхдержавы, которая стремится во всем быть первой. Формирование идеи могущества и превосходства приходили многим государствам, но не всем удавалось довести этот процесс до стадии империи. Примером служат античные Афины эпохи их политического расцвета. Так, Платон весьма подробно анализирует эту фазу развития Афинской гегемонии, указывая, что граждане этого полиса переживали в этот момент чувства величия и благородного превосходства (*Менексен, 235b-c*) (Платон, 1990).

Могущество Афин ковали их победы, а идея свободы – стала главной политической ценностью их политики. Более того, Платон открыто указывает на то, что жители Афин по происхождению были чистокровными эллинами, в отличие от жителей других греческих полисов, имевших смешанное с варварами происхождение (*Менексен, 237a-e*) (Платон, 1990). Именно это (чистота крови) и делает их превосходство абсолютным. Именно благодаря этому, им удалось построить идеальный политический режим – основанный на равенстве всех граждан по рождению и «воспитанные в условиях полной свободы» (*Менексен, 238e-239a*) (Платон, 1990). Платон явно предпринимает попытку задним числом создать идеологию афинского политического превосходства.

Однако, выделяемые им черты того превосходства являются общими для всех империй стадии генезиса.

На данном этапе формируется сама идея могущества и притязания на мировое признание ее гегемонии; закладывается базис будущей мощи, которая станет основой реализации национальных интересов конкретного имперского проекта. Достигнутая политическая стабильность позволяет выстраивать внешнюю политику целенаправленного роста территории империи и закрепления за ней статуса гегемона.

«АПОГЕЙ».

На вершине своего могущества каждая империя ощущает себя вечной и непоколебимой силой (константой, аксиомой). Могущество опьяняет имперские элиты, находящиеся в состоянии эйфории. В это время империя устанавливает монополию на Правду и объявляет Истиной только то, что она считает для себя полезной. Её «министерство правды» становится информационным оружием массового поражения, с помощью которого она объединяет свои силы и подавляет силы, конкурирующие с ее могуществом.¹

Апогей имперского могущества не одновременное явление. В истории римской империи мы можем насчитать несколько таких подъемов и спадов. И каждый раз, оказавшись в режиме падения, власти не теряли надежду на возрождения империи, которая вновь станет мировым гегемоном. Именно в способности преодолевать эти спады и заключается секрет долголетия и выживания многих успешных имперских проектов.

Апогей – время наибольшего расцвета могущества империи, максимальная величина достигнутого ею могущества; годы процветания политической системы и общественного порядка, сопровождающиеся высокими достижениями в сфере культуры (науки и искусства). За время своего существования империя может переживать несколько таких апогеев. В этом смысле ритм ее политической истории напоминает собой зубцеобразную кривую, чередующую время подъема и периодами спада.

Могущество империи зиждется на принципе перманентной победы: империя процветает тогда, когда идет по восходящей: от одной победы к другой и все сателлиты ориентируются на этого победителя.

1 В романе Д. Оруэлл «1984», в «новом мире», Океании (которая ассоциируется с англосаксонской цивилизацией), существует «министерство правды» – «руководящий мозг, чертивший политическую линию, в соответствии с которой одну часть прошлого надо было сохранить, другую фальсифицировать, а третью уничтожить без остатка» (Оруэлл, 2008, стр.47).

На этом пути активно используются приемы манипуляции и фальсификации, когда для сохранения гегемонии не хватает реальных сил.

Мировое лидерство складывается из совокупности мощи конкретного государства, претендующего на гегемонию.

Главное для империи - осуществлять постоянный контроль захваченных территорий. Поэтому важнейшее значение имеет логистика. Империи сосредотачивают своё внимание на торговых маршрутах, которые связывают их колонии между собой и с метрополией и по которым они перемещают не только товары, но и своих чиновников и армию (Torkildsen, 2005, p.48; Fahad M. 2009, p.91). Утрата контроля над логистикой означает потерю колоний и извлекаемого колониального дохода, на который и существует империя. Для того, чтобы осуществлять свой непосредственный контроль над Индией, Великобритании было необходимо дополнительно захватить Египет и построить Суэцкий канал. Созданный ими логистический маршрут (Англия – Суэцкий канал – Индия) приносил им колоссальные доходы.

На завершающем этапе своего становления империя превращается в живой организм, обладающий коллективным мышлением, волей и даже системой нравственных ценностей. Элиты начинают себя ассоциировать и олицетворять с империей. Идея империи оживает и живет в них как некая самостоятельная политическая субстанция (как некий дух). Таковыми в свое время были римские патриции и византийская знать (Федорова, 1990). На первоначальном этапе носителями этой идеи являлась родовая монархия и аристократия, впоследствии к ним присоединялась еще и аристократия духа, создававшая наиболее узнаваемую идеологическую (духовную) оболочку империи.

«ЗАКАТ».

После краха империи, многими странами их имперскость по инерции охранялась еще некоторое время. В разные периоды в состоянии *post-imperium* находились многие страны, которые перестали быть империями. Некоторые из них (как, например, Англия или Франция), расстались со своими империями гораздо раньше России, но так и не смогли выйти из этого своего постимперского состояния (Тренин, 2012).

Империя в эпоху своего экзистенциального заката представляет собой «раненого зверя». Причем этот зверь всегда бывает ранен в голову. Это означает системный кризис имперских элит, утративших свою гегемонию, но продолжающих вести себя так, как будто ничего не случилось. Художественным образом такого раненого «зверя является» образ «дохлого льва».

Постимперский синдром – весьма болезненное состояние, которое переживают бывшие имперские элиты, все еще надеющиеся на возвращение своего прежнего имперского статуса. Но чуда не происходит. Слом устаревшего имперского величия напоминает снос обветшавшего здания, с фасада которого давно уже осыпалась некогда богатая лепнина, а само оно представляет угрозу для окружающих его зданий (государств).¹

Закат завершается стадией *агонии*, когда «раненая в голову» империя не в состоянии синтезировать ни одной конструктивной идеи, способной вывести ее из экзистенциального кризиса (пример Византии и современных США - наглядная тому иллюстрация).

Агония империи сопровождается расколом элит – усилением борьбы «плюралистической политической серости» за уже шатающуюся власть. Политика погружается в мир суеты и умножающегося хаоса. В целом агония приводит к *аннигиляции* имперских структур: разрушается все – от материальной базы, до системы идей и ценностей. Вместе с этим в качестве постимперского синдрома появляется запрос на возрождение (реванш) имперского проекта. *Реванизм* может быть весьма агрессивен и наносить неприятелю ощутимые последствия, но в целом он обречен, если не восстановится необходимая ресурсная база и не появятся новые объединительные идеи/ценности.

В это время элиты начинают лгать не только своему обществу и всему миру, но и начинают врать самим себе. В этом мире полно карнавальных перевертышей, которые доводят реальность до абсурда. Когда политики начинают утверждать, что «война - это мир. Свобода - это рабство. Незнание - сила» (Оруэлл, 2008, стр.10), мир погружается в мир политического карнавального абсурда.

Практически все империи на своей завершающей стадии развития переживали одни и те же процессы, связанные с кризисом их величия. При этом их «министерство правды» продолжает утверждать, что они великие и вечные, тогда как на самом деле они просто отказываются смотреть правде в глаза и видеть в них свой неизбежный конец.

1 Так, например, сами английские исследователи отмечают, что с потерей «внешней и внутренней империи» название «Англия», прежде ассоциировавшееся с метрополией вообще, стало обозначать ту землю, которой больше не существует (Ваусон, 1999, Р.276, 277). Но в психологии британских имперских элит по-прежнему существует устойчивый миф о том, что Великобритания продолжает играть важную роль в мировых процессах и без ее согласия в мире не решается ни одна существенная проблема... (Липкин, 2007)

ИДЕЯ «ИМПЕРИИ» В ЕЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Всемирная история состоит из ключевых событий, которые являются реперными точками истории. И чаще всего эти события связаны с политической деятельностью империй, утвердивших в мире свое могущество в виде геополитического превосходства.

Об успешности имперского проекта свидетельствует отпущенное ему историей время. Так, рекордсменом является Римская империя, которая просуществовала 1480 лет (с 27 г. до н.э. по 1453 г.); Царство Куш (северная часть современного Судана - примерно с 1070 г. до н.э. по 350 н.э.); Венецианская республика - 1100 лет (697 – 1797 гг.); Священно Римская империя (962 – 1806); Империя Канем (на территории Чада, Ливии, Нигера: с 700 – 1876 гг.); Эфиопская империя (с 1270 по 1930-е гг.); Кхмерская империя (Камбоджи) (с 802 по 1432 г.); Османская империя (с 1299 по 1922 гг.); Португальская империя (с 1415 по 1999 гг.)...

Российская империя демонстрирует историческую живучесть – в ее прошлом были взлеты централизации ее власти и смутные времена ее падения и децентрализации. Датой ее рождения можно считать 882 г., когда великий князь Олег захватил Киев и создал первое централизованное государство, с имперскими геополитическими амбициями и имперскими географическими очертаниями (Карабущенко, 2018, стр.44-47). В дальнейшем в ее истории были периоды упадка и возрождения, которые и определяли ритм ее развития.

Империя возникает как экономическое, техническое, военное и политическое превосходство одной этно-территориальной общности над другими. При этом они демонстрировали предельно возможную централизацию власти, которая внешне могла восприниматься и оцениваться как деспотия. Как отмечает В.Н. Порус, все исторически существовавшие империи носили в себе элементы деспотии (Порус, 2008). Их судьбы определялись столкновениями "имперской идеи" с деспотическими и деструктивными (хаотическими) силами. Подробно это взаимодействие применительно к Российской империи рассмотрено в книге В.К. Кантора (Кантор, 2008, стр.9). По мнению исследователя, соотечественник прежде осознал себя гражданином империи, а уже потом представителем российской нации. В.К. Кантор подчеркивает: имперский замысел для России – прежде всего социально-культурный проект "русского европеизма" как единственной альтернативы российскому, а значит, мировому катаклизму (Кантор, 2008, стр.493). У российского имперского проекта есть только одна альтернатива – потеря субъектности, развал и хаос. Именно об этом мечтают все русофобы.

Но для патриотов подобная «альтернатива» равнозначна предательству.

У России нет имперских амбиций (обострённого самолюбия, спесивости, чванства). У России просто есть Империя. Амбиции вынашивают те, кто упустил или еще не достиг стадии империи. Россия всегда была, есть и будет империей. Амбиции указывают на комплекс неполноценности. Такова «Речь Посполитая» – польский имперский проект. Русофобия польских элит тем и объясняется, что их собственный имперский проект не был ими реализован и не принес желаемого господства над другими. Их политическое могущество так и не стало геополитическим господством. Но Россия (в отличие от Польши) всегда была и будет империей (достаточно взглянуть на её географическую карту!). *Быть империей – значит объединять народы вокруг центральной нации, которая создает благоприятные условия для развития всех как единого культурно-политического целого.* Польский проект с этой задачей исторически и политически не справился. Английский проект мог справиться с этой задачей только путем кровавого насилия над «отсталыми» народами («варварами»). «Бремя белого человека» («*The White Man's Burden*») было для англосаксов сутью их имперского колониального проекта (Киплинг, 1936). В сущности, Вторая мировая война между Третьим Рейхом и Великобританией была по поводу того, кем должен быть сверхчеловек – немцем или британцем (Саркисянц, 2008). Каждая из враждующих сторон решала этот вопрос в свою пользу, используя для этого свои имперские возможности. Победителем оказался «величайший британец в истории» этой нации сэр У. Черчилль, получивший в 1953 г. Нобелевскую премию по литературе за свой фундаментальный «научный» труд по истории «Второй мировой войны» (Черчилль, 1991). В нем он «убедительно» доказал всему миру ведущую роль Британской империи в победе над германским нацистским империализмом. В это же самое время Д. Оруэлл писал по этому поводу: *«Кто управляет прошлым, управляет будущим. Кто управляет настоящим, управляет прошлым»* (Оруэлл, 2008). Черчилль пытался управлять всем – и прошлым, и настоящим, и будущим... В этом плане он был имперским человеком, про которого можно было бы сказать: «Империя – это Я».

Главная идеологическая цель империи состоит в том, чтобы управлять историей в свою пользу. Если поверить всему, что писал о политической истории У. Черчилль, то британская империя была вершиной политического развития, идеальной политической системой, отказ от которой стал трагедией для всего человечества (Черчилль, 2012). Но это Черчилль и его имперский комплекс неполноценности.

На самом деле к Британской империи у историков и политиков масса неприятных вопросов. И в частности вопрос о том, как тяга к свободе, привела англосаксов к рабству?¹ Найти ответа на этот вопрос, сами британцы не могут.

Различие между Британской и Российской империей было давно и вполне корректно сформулировано ещё де Лакостом: «Если русские стараются проникнуться духом побежденного народа, чтобы его ассимилировать, то англичане всегда сохраняют свою европейскую культуру и навязывают себя покоренному населению» (Лакост, 1908, стр.41). В начале XX века Англия контролировала территорию, на которой проживала примерно четверть населения мира (Maddison, 2003). Но по своей изначальной природе Британская империя всегда была торгашеской империей. Дж. Чемберлен, британский министр по делам колоний, прямо об этом говорил: «Империя – это торговля» (James, & Amery, 1969, p.85; Фергюсон, 2013).²

Существующая разница объясняется тем, что Британская империя и Российская принадлежали двух разным типам государств – первая была и есть морская держава, вторая была и есть сухопутная.³ По мнению профессора С.А. Караганова, «Российская империя формировалась по-иному, чем другие европейские. Она была не заокеанской, но континентальной, делала больший упор на интеграцию элит завоеванных или присоединенных земель, нежели на прямое подавление и жесткое навязывание своей веры. Может быть, следуя исторической памяти империи Чингизидов, полузависимой частью которой, но и интегрируясь с которой, древняя Русь была на протяжении двух с половиной веков. Монголы, пользуясь своим военным превосходством,

1 Общепринятую точку зрения в Великобритании выражает вопрос: «Почему народ, который считал себя свободным, в итоге поработил большую часть мира? Почему империя свободных людей стала империей рабов»? Почему, несмотря на свои "благие намерения", британцы пожертвовали общечеловеческим ради "фетиша рынка"?» (Фергюсон, 2013).

2 Российские аналитики отмечают, что «английское военно-морское превосходство послужило, как оказалось, основой принципа или, вернее, мифа о свободной торговле, которая была выгодна прежде всего самой Великобритании. Затем в XX в. ее место заняли США. И сейчас за попытками подорвать претензии Китая на ведущую роль в Южно-Китайском море стоит старая политика, нацеленная на контроль над главными морскими путями» (Караганов, 2019, стр.13).

3 Историки задаются вопросом: «почему во главе борьбы континентальных держав против европейского (мирового) гегемона оказывались сверхъяркие личности, исторические деятели крупнейшего калибра, вожди. Морские гегемоны этим похвалиться не могут. А чем они могут похвалиться? Ответ прост: отлаженной политико-экономической машиной, в основе которой – не только экономическое могущество, но и мощный, хорошо организованный и отлаженный социально умелый и опытный господствующий класс, навязавший населению свои ценности и представления («культурная гегемония»). Именно такой класс сформировался в англосаксонских странах, прежде всего в Великобритании и именно этот класс был самым мощным социальным оружием англосаксов на мировой арене» (Фурсов, 2017).

грабили, собирали дань, но не навязывали свои политические порядки, религию и культуру, в отличие от того, что позже неизменно делали европейцы, а потом и американцы. В создании и развитии Российской империи военная сила в ее экономическом преломлении играли крайне важную роль» (Караганов, 2019, стр.12).

Англосаксонская имперская традиция, помимо торговли, активно использовала политический шантаж и фальсификацию. «Империи лжи» по другому существовать не могут. Самым эффективным и потому излюбленным средством реализации своего торгашеского имперского проекта были санкции против своих прямых конкурентов. Так, имперский Лондон запрещал импорт индийских товаров, одновременно принуждая Индию к потреблению преимущественно более дорогих британских товаров (Gopal, 1963). С начала XXI в. этим курсом следуют США, принуждая и своих «вассалов» тоже вводить выгодные для их интересов санкции.

Классикой американской политики является постоянный поиск пределов эскалации в шантаже противника. В этой политической практике англосаксы достигли известного совершенства. Именно у Британской империи США позаимствовали то, что противника можно шантажировать и проверять его психологические пределы. В случае, когда шантаж проваливался, о нем просто забывали – в силу вступали отработанные технологии по фальсификации политической истории.

БОРЬБА ИМПЕРИИ ЗА ГЕГЕМОНИЮ

Всемирная история есть история борьбы политических сил за доминанцию и борьба доминаций за гегемонию. Конкуренты находятся или в состоянии баланса сил, или в состоянии острого конфликта, решающего кто из них самый главный (гегемон).

На Западе все всегда делалось через насилие. Британский экономист и политический философ Р. Скидельски откровенно констатировал, что «именно (военная) мощь привела к тому, что западная мысль стала казаться универсальной. Захваты, а не миссионеры распространяли христианство по миру» (Skidelsky, 2019). Об этом убедительно свидетельствует западная статистика: с 1550 г. по 1850 г. войны между крупными европейскими державами велись от 30 до 70 % времени (Hoffman, 2015). Именно через насилие и посредством насилия Британская империя и создала свою мировую химеру, которая приносила пользу только для себя и своих, за счет ограбления и порабощения других и истребления чужих.

Как показывает политическая история, мировое лидерство основывается на достижении и сохранении за собой доминации в ключе-

вых зонах соперничества с другими претендентами на этот статус. Самым главным союзником России на данный момент является коррупция военно-политической элиты США. Высшие военные и политические чины этой страны разворачивают свой военный бюджет с такой скоростью, которая в разы превышает возможное продвижение русских танков к Вашингтону. Этот «союзник» является главной угрозой развития самих США. Нет ничего страшнее самообмана, подпитываемого кажущимся могуществом.¹

По оценкам самих же американских политических аналитиков, США давно уже вошло в состояние имперского кризиса. Так, по мнению Ф. Фукуямы, «пик американской гегемонии продлился менее 20 лет — от падения Берлинской стены в 1989 году до финансового кризиса 2007-2009 годов. В то время страна господствовала во многих сферах власти — военной, экономической, политической и культурной. Кульминацией американского высокомерия стало вторжение в Ирак в 2003 году, когда они рассчитывали переделать не только Афганистан (куда вторглись двумя годами ранее) и Ирак, но и весь Ближний Восток» (Фукуяма, 2021). О спаде имперского импульса США заговорили даже ее ведущие политики. Экс-президент США Д. Трамп в сентябре 2021 г. заявил о том, что если сохранятся нынешние деструктивные тенденции, то эта страна протянет еще пару лет — её погубят ложь и непрофессионализм ее правящих элит и лидеров. Неоднократно американские политики предрекали крушение и своих врагов (России, Китая, Ирана и т.д.). Но эти «пророчества» отражали их желания, а не возможности, тогда как сами США не имеют желания, но имеют возможность самим кануть в Лету истории.

В сущности своей *политика России в начале XXI в. есть не что иное, как исправление ошибок допущенных в 1991 г.* И на этом фоне все геополитические концепты З. Бжезинского и его К° безнадежно устарели и могут быть списаны в архив политической истории. Судьба российской империи во многом зависит от её успеха в соперничестве с США. Именно возможность эффективно все делать самой и определяет уровень выживаемости империй. Имперский дух России кроется в ее самодостаточности. Она привыкла все делать сама.

Россия сама себя пытала, Россия сама себя и спасала...

1 По мнению президента России В.В. Путина, Соединенные Штаты столкнулись с проблемами империй и сейчас идут по пути СССР. Проблема империй заключается в том, что «им кажется, что они такие могущественные, что они могут позволить себе небольшие погрешности и ошибки. Этих купим, этих напугаем, с этими договоримся, этим дадим бусы, этим погрозим военными кораблями. И это решит проблемы. Но количество проблем нарастает. Наступает момент, когда с ними уже не справиться. И Соединенные Штаты уверенной поступью, уверенной походкой, твердым шагом идут прямо по пути Советского Союза» (Путин высказался об «империи США», 2021).

Она сама себе вредила. Она сама себя и лечила...

Имперский импульс России находится в самом ее географическом факторе – в необходимости охранения уже имеющейся у нее территории и тех ресурсов, которые на ней находятся. В приобретении «новых» территорий Россия не заинтересована, поскольку у нее не хватает сил для качественного освоения уже имеющихся у нее пространств (но этот тезис не относится к тем территориям, которые были ею утрачены после распада СССР).

При оценке роли империи во всемирной истории важно помнить, что империя это всегда весьма затратный проект, требующий колоссальных человеческих и материальных ресурсов. Элиты полагают, что достижение цели (статуса империи) оправдывает безвозвратные людские потери как своих, так и чужих. Строители империй, как правило, никогда не считают такие потери. Они идут к своей цели по головам своих и чужих подданных. И здесь Цезарь или Наполеон мало чем отличались от Гитлера, Сталина или Черчилля.

ВЫВОДЫ

В настоящее время большинство ранее ведущих имперских держав переживают серьезный системный кризис, связанный с застоем олигархического опьянения. Относительный подъем аристократического возбуждения замечается в тех странах, которые успешно реализовывают или пытаются реализовать свои реваншистские программы, направленные на восстановление своего бывшего величия. Империи разрушаются изнутри вследствие потери нравственности, а извне в силу утраты геополитического превосходства. Когда оба эти вектора сходятся в одной точке, наступает окончательный закат конкретного имперского проекта.

Империя является наивысшей формой проявления государственного могущества, свидетельство того, что держава способна диктовать свою волю другим и отстаивать, не смотря ни на что свои национальные интересы. То, чем является империя, есть предел мечтания и стремления для многих политиков. В истории империи мы обнаруживаем действие силы двух законов: 1) закона роста количественных накоплений, приводящего к установлению её качественного господства и 2) убыль качественных показателей, приводящих к количественному распылению её базовых достоинств, главным из которых является потеря нравственной опоры политической системы.

Империи являются узловыми пунктами всемирной истории. От точности диагностики их состояния зависят геополитические прогнозы и реальные расклады сил в международных отношениях. В настоя-

щей работе мы постарались осветить наиболее значимые, с нашей точки зрения, законы и правила, по которым живут и развиваются империи как историко-политический феномен. Но это лишь то малое, что мы могли сделать в исследовании этого историко-политического феномена.

Список литературы

- Baucom, I. (1999). *Out of place: Englishness, Empire, and the Locations of Identity*. Princeton, N.J: Princeton University Press.
- Fahad, M. (2009). *The Origins of Saudi-American Relations: From Recognition to Diplomatic Representation (1931-1943)* (с. 262). Wash: Arab Scientific Publishers.
- Gopal, R. (1963). *British Rule in India: An Assessment* (R. Gopal, Ред.). London: Asia Publishing House.
- Hardt, M., & Negri, A. (2000). *Empire*. New York: Harvard University Press.
- Hoffman, P. T. (2015). *Why Did Europe Conquer the World?* Princeton: Princeton University Press.
- James, L., & Amery, J. (1969). *The Life of Joseph Chamberlain* (Т. 6). London: MAT Press.
- Maddison, A. (2003). *The World Economy: Historical Statistics*. OECD. doi: 10.1787/9789264104143-en
- Skidelsky, R. (2019, июль 22). The Fall of the Economists' Empire. Извлечено от Project Syndicate website: <https://www.project-syndicate.org/commentary/western-power-underpinned-universalism-of-economics-by-robert-skidelsky-2019-07>
- Torkildsen, G. (2005). *Leisure and Recreation Management*. Routledge: Psychology Press.
- Trigkas, V. (2015, май 4). Chimerica in Decline? Извлечено от The Diplomat website: <https://thediplomat.com/2015/05/chimerica-in-decline/>
- Аврелий Августин. (1998). О граде Божием. В С. И. Еремеева (Ред.), *Августин. Творения*. (Т. 3, сс. 1-13–600). Санкт-Петербург: «Алетейя».
- Ашин, Г. К. (2010). *Элитология: История, теория, современность: Монография*. Москва: МГИМО (У).
- Кантор, В. К. (2008). *Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России*. Москва: РОССПЭН.
- Карабущенко, П. Л. (2018). Вещий Олег. В П. Л. Карабущенко, А. А. Вартумян, & Т. А. Шебзуховой (Ред.), *Иностранцы на службе у России: «элита пришельцев»*. Энциклопедический словарь. (с. 688). Пятигорск: Изд-во «РИА-КМВ».
- Караганов, С. (2019). Уход военного превосходства Запада и геэкономика. *Политические исследования*, (6), 8–21. doi: 10.17976/jpps/2019.06.02
- Кишлинг, Р. (1936). *Избранные стихи* (Р. Миллер-Будницкой, Ред.; Вал. Стенича, Пер.). Ленинград: «Художественная литература».

- Лакост, Г. де. (1908). Россия и Великобритания в Центральной Азии. В *Отчет о поездке в Сред.Азию фр. Службы майора Лякоста, опубликованный в журн. «Comitédel' Asiefrancaise»*. Ташкент: Штаб Туркестанского военного округа.
- Липкин, М. А. (2007). Двадцать первый век по Гринвичу: Британия в поисках постимперской идентичности. В В. А. Тишкова & В. А. Шнирельмана (Ред.), *Национализм в мировой истории* (с. 122–142). Москва: Издательство «Наука».
- Оруэлл, Дж. (2008). 1984. *Скотный Двор*. Москва: «АСТ».
- Платон. (1990). Менексен. В А. Ф. Лосев (Ред.), *Собрание сочинений в 4 т.* (Т. 1, с. 142–157). Москва: «Мысль».
- Порус, В. Н. (2008). Имперское сознание... после империи? (Размышления над книгой В. К. Кантора). *Вопросы философии*, (9), 125–134.
- Путин высказался об «империи США» (2021): «Они идут по пути СССР». (2021, июнь 5). Извлечено от Znak website: https://www.znak.com/2021-06-05/putin_vyskazalsya_ob_imperii_ssha_oni_idut_po_puti_ssr
- Саркисянц, М. (2008). *Английские корни немецкого фашизма. От британской к австро-баварской «расе господ»* (с. 400). Санкт-Петербург: «Академический проект».
- Тойнби, А. Дж. (2001). *Постижение истории: Сборник* (с. 640). Москва: Рольф.
- Тренин, Д. В. (2012). *Post-Imperium: Евразийская история* (с. 326). Москва: Московский центр Карнеги, РОССПЭН.
- Федорова, Е. В. (1990). *Люди имперского Рима*. Москва: Издательство МГУ.
- Фергюсон, Н. (2013). *Империя: Чем современный мир обязан Британии* (с. 560). Москва: Астрель, CORPUS.
- Фукуяма, Ф. (2021). Будущее американской мощи: Фрэнсис Фукуяма о конце гегемонии США. Извлечено от Глобальная Авантюра website: <https://glav.su/blog/9642/1568228/>
- Фурсов, А. И. (2017). *Мировая борьба. Англосаксы против планеты*. Москва: «Книжный мир».
- Черчилль, У. (2012). *Защита империи: Автобиография* (с. 480). Москва: «Эксмо».
- Черчилль, У. (1991). *Вторая мировая война*. Москва: «Воениздат»

References

- Ashin, G. K. (2010). *Elitology: History, Theory, Modernity: Monograph*. Moscow: MGIMO (U) (In Russian).
- Aurelius Augustine. (1998). On the City of God. In S. I. Yermeeva (Ed.), *Augustine. Works*. (Vol. 3). St. Petersburg: Aletheia (In Russian).
- Baucom, I. (1999). *Out of place: Englishness, Empire, and the Locations of Identity*. Princeton, N.J: Princeton University Press.
- Churchill, W. (1991). *World War II*. Moscow: Voenizdat (In Russian).
- Churchill, W. (2012). *Defending the empire: Autobiography*. Moscow: Eksmo (In Russian).

- Fahad, M. (2009). *The Origins of Saudi-American Relations: From Recognition to Diplomatic Representation (1931-1943)*. Wash: Arab Scientific Publishers.
- Fedorova, E. V. (1990). *People of Imperial Rome*. Moscow: Moscow State University Press (In Russian).
- Ferguson, N. (2013). *Empire: What the modern world owes Britain*. Moscow: Astril (In Russian).
- Fukuyama, F. (2021). The Future of American Power: Francis Fukuyama on the End of U.S. Hegemony. Retrieved from Global Adventure website: <https://glav.su/blog/9642/1568228/> (In Russian)
- Fursov, A. I. (2017). *World Struggle. Anglo-Saxons against the planet*. Moscow: Book World (In Russian).
- Gopal, R. (1963). *British Rule in India: An Assessment* (R. Gopal, Eds.). London: Asia Publishing House.
- Hardt, M., & Negri, A. (2000). *Empire*. New York: Harvard University Press.
- Hoffman, P. T. (2015). *Why Did Europe Conquer the World?* Princeton: Princeton University Press.
- James, L., & Amery, J. (1969). *The Life of Joseph Chamberlain* (Vol. 6). London: MAT Press.
- Kantor, V. K. (2008). *Russian Empire versus Russian Chaos. To the problem of imperial consciousness in Russia*. Moscow: ROSSPEN (In Russian).
- Karabushchenko, P. L. (2018). Prophetic Oleg. In P. L. Karabushchenko, A. A. Vartumyan, & T. A. Shebzukhova (Eds.), *Foreigners in the service of Russia: The "alien elite."* *Encyclopedic Dictionary* (p. 688). Pyatigorsk: RIA-KMV Publishing House (In Russian).
- Karaganov, S. (2019). The departure of the West's military superiority and geoeconomics. *Polis. Policy Studies*, 6, 8–21. doi: 10.17976/jpps/2019.06.02 (In Russian).
- Kipling, R. (1936). *Selected Poems* (R. Miller-Budnitskaya, Ed.; V. Stenich, Trans.). Leningrad: Artistic Literature (In Russian).
- Lacoste, G. de. (1908). Russia and Great Britain in Central Asia. In *Report of the Trip to Central Asia of the French Service of Major Lacoste, published in "Comité del' Asie française."* Tashkent: Headquarters of the Turkestan Military District (In Russian).
- Lipkin, M. A. (2007). The Twenty-First Century by Greenwich: Britain in search of a post-imperial identity. In I. N. A. Tishkov & V. A. Shnirelman (Eds.), *Nationalism in World History* (pp. 122–142). Moscow: Nauka Publisher (In Russian).
- Maddison, A. (2003). *The World Economy: Historical Statistics*. OECD. doi: 10.1787/9789264104143-en
- Orwell, G. (2008). 1984. *Animal Farm*. Moscow: AST (In Russian).
- Plato. (1990). Menexen. In I. N. A. F. Losev (Ed.), *Collected Works in 4 Volumes* (Vol. 4, pp. 142–157). Moscow: Thought (In Russian).
- Porus, V. N. (2008). Imperial Consciousness... After Empire? (Reflections over V.K. Kantor's book). *Voprosy Filosofii*, 9, 125–134 (In Russian).

- Putin speaks out about the "U.S. empire.: "They are going the way of the USSR." (2021, June 5). Retrieved October 13, 2021, from Znak website: https://www.znak.com/2021-06-05/putin_vyskazalsya_ob_imperii_ssha_oni_idut_po_puti_ssr (In Russian).
- Sarkisyants, M. (2008). *The English Roots of German Fascism. From the British to the Austro-Bavarian "race of lords*. St. Petersburg: Academic Project (In Russian).
- Skidelsky, R. (2019, July 22). The Fall of the Economists' Empire. Retrieved from Project Syndicate website: <https://www.project-syndicate.org/commentary/western-power-underpinned-universalism-of-economics-by-robert-skidelsky-2019-07> (In Russian).
- Torkildsen, G. (2005). *Leisure and Recreation Management*. Routledge: Psychology Press.
- Toynbee, A. J. (2001). *The Making of History: A Collection*. Moscow: Rolf (In Russian).
- Trenin, D. V. (2012). *Post-Imperium: Eurasian History*. Moscow: Moscow Carnegie Center, ROSSPEN (In Russian).
- Trigkas, V. (2015, May 4). Chimerica in Decline? Retrieved from The Diplomat website: <https://thediplomat.com/2015/05/chimerica-in-decline/>.

THE SACREDNESS OF POWER IN THE RUSSIAN IMPERIAL TRADITION

Tatyana A. Shebzukhova

Institute of Service, Tourism and Design of the North-Caucasus Federal University

Pyatigorsk, Russia E-mail: [shebzuhovaistd\[at\]pfncfu.ru](mailto:shebzuhovaistd[at]pfncfu.ru)

Abstract

In world political culture, the sacralization of power played an exceptional role in the process of elitization of a particular ruler and his dynasty, giving them the character of political esotericism, charisma and passionarity. The concept of the sacred nature of monarchical power goes back to the pre-state period in the history of mankind. The sacralization of power is a universal historical phenomenon around which the orbits of other historical and political problems have been built. The society's understanding of power as a sacred institution focused on itself the social, political, legal and cultural-religious aspects of public life.

Sacrality has always played an important constructive role in consolidating power. Thanks to it, the elites gained authority and respect from their ruled societies. The sacredness of the political elite is used to enhance their charisma and realize the passionate impulse leading to imperial hegemony. The world history of the monarchy is, in essence, the history of the formation and confirmation of the sacredness of the supreme power. Moreover, the sacredness of the supreme power partially extends to the elites, to whom this power delegates part of its “divine” political powers. In sacredness, the elites look very respectable, while, having gone beyond it, they face the problem of their de-coralization and collapse. This work is devoted to the analysis of the problem of the influence of the sacredness of the Russian government on the formation of the imperial project of its ruling elite.

Keywords

sacredness; elite; power; imperial tradition; imperial project; tsar; charisma; patriotism; passionarity; desacralization

САКРАЛЬНОСТЬ ВЛАСТИ В РУССКОЙ ИМПЕРСКОЙ ТРАДИЦИИ

Шебзухова Татьяна Александровна.

Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) Северо-Кавказского федерального университета (г. Пятигорск) Пятигорск, Россия E-mail: [shebzuховаistd\[at\]pfncfu.ru](mailto:shebzuховаistd[at]pfncfu.ru)

Аннотация

В мировой политической культуре сакрализация власти играла исключительную роль в процессе элитизации конкретного правителя и его династии, придавая им характер политической эзотерики, харизматичности и пассионарности. Представления о сакральной (священной) природе монархической власти восходят своими корнями в догосударственный период истории человечества. Сакрализация власти является универсальным историческим явлением, вокруг которой выстраивались орбиты других историко-политических проблем. Понимание обществом власти как священной инстанции, фокусировало на себе социальные, политические, правовые и культурно-религиозные стороны общественной жизни.

Сакральность всегда играла важнейшую конструктивную роль в упрочении власти. Благодаря ей, элиты приобретали авторитет и уважение со стороны своих управляемых обществ. Сакральность политической элиты используется для усиления своей харизмы и реализации пассионарного импульса, ведущего к имперской гегемонии. Мировая история монархии есть по сути своей история становления и утверждения сакральности верховной власти. Причем сакральность верховной власти частично распространяется и на элиты, которым эта власть делегирует часть своих «божественных» политических полномочий. В сакральности элиты выглядят весьма респектабельно, тогда как, выйдя за ее пределы, оказываются перед проблемой своей десакрализации и краха. Настоящая работа посвящена анализу проблемы влияния сакральности русской власти на процесс становления имперского проекта ее правящей элиты.

Ключевые слова

сакральность; элита; власть; имперская традиция; имперский проект; царь; харизма; патриотизм; пассионарность; десакрализация.

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

В политической истории России такие понятия, как «самодержавие» и «империя» неразрывно слиты и представляют собой единое смысловое целое. Внутренней скрепой этого единства является сакральность власти, порождающая внутренний гражданский патриотический подъём, во внешней сфере выражающийся в геополитической доминанте.

Российская империя не могла утвердиться в своем имперском статусе, не добившись признания сакральности своей верховной власти. Помимо дипломатического признания статуса империи/царства необходимо было еще добиться легитимации царской власти в качестве единственно законной политической силы на Руси/России.

Империи держатся на патриотизме ее подданных, пассионарности ее элит и сакральности ее высшего руководства (национальных лидеров). Как только единство этой триады разрушается, наступает общий кризис конкретного имперского проекта.

МЕТОДОЛОГИЯ

Изучение истории империй дает современным общественным наукам (прежде всего исторической и политической) богатейший материал для анализа и диагностики многих современных процессов, связанных с политическим доминированием. Тема сакральности и десакральности власти как раз относится к одной из таких ключевых тем. *Объектом* настоящего исследования является зависимость имперской элиты от состояния качества сакральности их вождя, а в качестве *предмета* - реализация их имперского проекта.

Особый интерес для настоящей работы представляют труды Б.А. Успенского, который исследовал процесс сакрализации власти в России, формирование гражданского культа императора, а также феномен самозванчества (Успенский, 1996). Автор опирается на труды П.В. Лукина, рассматривавшего феномен представлений о сакральности царской власти на примере следственных дел о «непригожих речах» (Лукин, 2000), Эрнста Зицера, посвященных формированию культа личности царя Петра Первого, в контексте анализа его политики и понимания сущности власти (Зицер, 2008), Б.А. Колоницкого по демонизации (десакрализации) царской власти (Колоницкий, 2010), Л.А. Андреевой о сакрализации царской власти, где сакрализация власти объясняется формированием наместнической модели (император должен был символически репрезентовать Христа) (Андреева, 2007) и др.

ВЛАСТЬ САКРАЛЬНОГО И САКРАЛИЗАЦИЯ ВЛАСТИ

Прежде всего, нам необходимо разобраться с самим понятием «сакральное». Известно, что в широком смысле *сакральное* (от лат. *sacrum* — священное, посвященное Богу: дословно «священная кость») обозначает всё выходящее по ту сторону объективной реальности, всё, что имеет отношение к божественному миру (небесному, потустороннему, иррациональному, мистическому); это всё, что отличается от обыденного и имеет сверхъестественное происхождение. Как атрибут божественного сакральное обладает некими божественными качествами (чудесного характера), что делает его уникальным, поскольку в нем есть некое божественное присутствие.¹ Таким образом, сакральное — все, что подчеркивает связь человека с потусторонним миром.

Сакральное обладает признаком священного, выражающегося в конкретных предметах и действиях, посвящённых Богу или богам, и используемого в религиозных и политических ритуалах. Власть обладает сакральностью вне зависимости от своей формы и типа. Это своего рода «магия власти», выходящая за пределы рационального объяснения ее природы. Сакрализация власти присуща магическому сознанию, воспринимающему сверхъестественный мир как логическое продолжение естественного. Магия чаще всего встречается там, где присутствует элемент опасности. Она выполняет «крайне важную, социальную функцию... магия является действенным элементом в организации труда и его систематическом упорядочении» (Малиновский, 2004, стр.328). Возникшая в результате всего этого психологическая иерархия, выражалась в первую очередь в психологии управления, регулирующей эмоции страха и почтения по отношению к высшим социально-политическим категориям (Фрейзер, 2003, стр.227). Сакрализация

1 Российские исследователи отмечают, что «в ситуации с понятием сакрального возникает неизбежная терминологическая путаница. «Сакральное», «священное», «святое» используются как синонимы и в то же время очевидным образом не совпадают по своему значению. Священное представляется более открытым термином, который маркирует принадлежность социальной сфере. Сакральное — более замкнутое внутреннее явление, наполнение которого закрыто, герметично и не до конца ясно. Оно определяет феномен не только изолированный, но и противостоящий принятой системе идентификации содержания и смысла, противостоящий принципу знакового обмена. В рамках данной работы слова «сакральное» и «священное» в некоторых случаях будут использоваться как синонимы — в основном в ситуациях, когда содержательное наполнение терминов совпадает. Тем не менее, не следует забывать, что речь идет о разных категориях, которые могут быть соотнесены друг с другом лишь отчасти» (Ямпольский, 2012, стр.35).

власти представляла собой религиозный политико-правовой регулятор, который в жесткой форме предписывал власти ритуал ее поведения. Это была своего рода «Конституция» власти, от буквы которой правитель не имел право отступать.¹

Ещё в античные времена считалось, что «Цари имеют свой сан вследствие того, что они являются жрецами общественного культа» (Аристотель, «Политика», VI, 5,11) (Аристотель, 1983). Римский грамматик конца IV в. Мавр Сервий Гонорат отмечал: «Таков обычай древних, чтобы царь был также жрецом и понтификом» («Комментарий к Энеиде», III, 268) (Малеин, 1926). И христианская политическая концепция словами апостола Павла утверждала, что: «нет власти не от Бога» (Рим. 13:1). Под этим лозунгом и развивалась вся средневековая европейская теократическая традиция.

В основе монархической сакральности лежит *любовь* к монарху, как земному продолжению идеи Бога. Именно сила любви измеряла принятия или отрицания того или иного монарха. Любовь так же иррациональна, как и сама сакральность. Поэтому одно есть продолжение другого, и наоборот. Вся метафизика власти основана на утверждении или отрицании любви и ненависти, принятия или непринятия ее сакральности. Сакрализация фактически представляет собой безотчетную любовь патриота к своему политическому лидеру (монарху), который в его представлении наделяется всеми превосходными свойствами и качествами. Это всегда было свойственно для всех сакральных монархий, как Запада, так и Востока.

В православной традиции идеология священной империи (в качестве государственного культа) начинает складываться в политическую теологию (призванную обосновать союз церкви и государства), соединяющую безраздельную власть монарха и его харизму, в Византии во времена правления Юстиниана Великого (527 – 565 гг.). Наиболее емко эту идею выразил диакон храмасв. Софии в Константинополе Агапит (Agapetus, 2009), который видел идеал царской власти в ограничении ее законом и нравственностью: «Государь по существу своего тела равен каждому человеку, но властью, с достоинством его соединенною, подобен есть всех начальнику Богу. Ибо он не имеет никого выше себя на земле» (Буланин, 1989, стр.300). Агапит устанавливал нравственные границы царской власти – царю необходимо было полностью соответствовать всем христианским идеалам о правителе, кото-

1 «Жизнь египетских фараонов не похожа на жизнь других монархов, которые ни за что не отвечают и могут делать все, что им заблагорассудится. Напротив, все, что относится к фараонам, установлено законом: не только их официальные обязанности, но и детали обыденной жизни... Днем и ночью были предусмотрены часы, когда фараон должен был делать не то, что ему нравится, а то, что ему предписывается» (Фрейзер, 2003, стр.183).

рый в первую очередь нес на себе груз ответственности перед Богом за своих подданных. Это была трудная, многим правителям непосильная задача. Поэтому данный концепт находится на грани идеализма и утопии.

Тогда же сложилась и концепция симфонии двух властей - церковной и государственной, согласно которой, Бог дал человечеству два равноценных дара священство и царство. Византийский император получал свою власть непосредственно от Бога, а патриарх занимствовал ее у него (Успенский, 1996, стр.134). Эти традиции со временем были перенесены и в Россию, став важнейшей составляющей теологической традиции царской власти. Хотя специалисты и признают, что «история Византии дает примеры самого разнообразного отношения императоров как к своей власти, так и к делам церкви, и к церковным властям» (Вальденберг, 2006, стр.71). Поэтому, попав на русскую почву, этот опыт мог деформироваться и приобретать совершенно иной вид.

С точки зрения клерикальной традиции, власть богустановлена и Русские цари всегда были призваны сдерживать пришествие Антихриста (и в этом последний русский царь не справился со своей задачей, допустив пришествие и воцарение царства безбожников). «Божественное, трансцендентное происхождение... Верховной власти на протяжении тысячелетий человеческой истории не подвергалось сомнению, служа прочной религиозной основой человеческого общежития равно в Ассирийском Царстве и Древней Персии, в Римской Империи и Арабском Халифате, в Византии и на просторах Российской Державы» (Митрополит Иоанн, 1994, стр.352).

Сакрализация власти происходила и по линии приписывания к действующим политикам несуществующих у них качеств, которые могли их, как демонизировать, так и напротив – причислить к святым. Срабатывал эффект непредумышленного воображения, когда нереальное приобретало черты реальности, но только мистической потусторонней. Правитель наделялся некими сверхъестественными качествами, имевшими для средневекового человека принципиальное значение.¹ В этой связи исследователи отмечают, что «власть в обществе не совпадает с производством религиозной силы, сакральной силы, сконцентрированной в одной личности. Она не совпадает также с военной силой командира. Власть – это институциональное соединение са-

1 «Это не значит, что сверхъестественные сущности менее реальны, чем физические тела, перемещающиеся в пространстве и времени. Для древнего и средневекового человека сверхъестественные существа так же, если не более, реальны, как материальные сущности. Их видимая форма, однако, зависит от активности человеческого воображения» (Wolfson Elliot R., 2001, P.117).

кравальной силы и военной мощи в одной личности, которая использует их ради своей индивидуальной выгоды и только посредством нее – в интересах института» (Олье, 2004, стр.127)

Следует также упомянуть, что в природе политической власти могли быть и некие тайные знания, которые передавались только в устной форме от отца к сыну. И в этом плане правитель всегда знал больше остальных, поскольку владел этими секретами. Подобные традиции шли еще со времен язычества и были на Руси признаком «по священности» (Миролюбов, 1996, стр.216).

Сакральность власти выражается посредством политической мифологии, возвеличивающей правящую династию и ставящую ее в один ряд с мировыми имперскими традициями. В этом плане история о «Шапке Мономаха» наглядно иллюстрирует нам такой сакральный монархический миф, подчеркивающий уникальное происхождение царской власти на Руси. Причем эта уникальность была всеми общепризнана и не вызывала в монархических кругах никаких открытых возражений.

В царствование Алексея Михайловича формировался образ вселенского православного монарха, весьма привлекательного для российского самодержавия (Андреев, 2008, стр. 265). По своей природе этот образ носил пусть и виртуальной, но по сути своей имперский характер. Российским элитам того времени было важно подчеркнуть, что теперь их политическая система стоит во главе всего православного мирового сообщества.

Абсолютистская модель государственной власти Московии XVI - XVII вв. базировалась на её божественном происхождении, а также историческом мессианском предназначении. Возникшая во времена царя Алексея Михайловича и патриарха Никона теократическая модель, подчеркивала, что церковная и государственная власть могут быть представлены в одном лице, но церковь оказывается все равно превыше государства (Боханов, 2002.Стр.219). Первый российский император исправил этот тезис в пользу светской государственной власти, отменив патриаршество и сделав клириков чиновниками российской империи.

Согласно же патриарху Никону, «священство» выше «царства», потому, что выполняемые им задачи и полномочия превышают задачи земного царства, которому поручено земное (т.е. низшее), тогда как священству - небесное (высшее). Это неравенство выводилось им из самой библейской истории. «Священство не от человек, ни человеком, но от самого Бога, и древнее и нынешнее, а не от царей» (Карташев, 1992, стр.196-200).

В понимании сущности сакральности власти особое место занимает тема просвещенной монархии, которая была особенно популярна в тех странах, которые начинали планировать и осуществлять свой имперский проект. Поэтому специально выделим эту сторону рассматриваемой нами проблемы и посмотрим, в каких культурно-исторических образах эта идея была представлена в истории российского государства.

ПРОСВЕЩЕННАЯ МОНАРХИЯ НА ПУТИ К АБСОЛЮТИЗМУ

Известно, что правящие элиты постоянно создают политическую мифологию о своем прошлом (своих предках), приписывая им некие благородства и превосходства, которые обеспечивали в их представлениях политическую гегемонию и доминирование в сравнении с их конкурентами.

Образованность на фоне подавляющей безграмотности населения воспринималась как некий дар свыше, как атрибут верховной власти. Причастность к власти требовала от субъекта наличия конкретных профессиональных знаний. Это была не просто грамотность, но и образованность. Именно этим отличалось семейство и потомство Ярослава Мудрого, что позволяет нам говорить об элементах «просвещенной монархии» (Карпов, 2010). Для XIV в. византийский канон просвещения был эталоном. И для того софийного периода истории русского мировоззрения было характерно стремление к светскому типу просвещения в духе византийской цезарийской традиции.¹

Идею просвещенной монархии поддерживали в разное время и Владимир Мономах, и Андрей Боголюбский и Иван III. Сама же идея просвещенной правителя на Руси была озвучена Максимом Греком: «*Велику власть принимавшему велик подобает ум иметь*» (Цит. по: Семенов, 1893, стр.104). По этой формуле жил и правил первый русский царь Иван Грозный. Ее продолжателями были цари Борис Годунов и Алексей Михайлович. Идея просвещенной монархии из отдельных случайностей постепенно становилась системой, пока в XVIII в. не стала нормой. На примере политической истории России мы видим, что идея просвещенной монархии усиливалась по мере продвижения реализации имперского проекта.

1 В религиозной истории Руси выделяют три исторических эпохи, для которых были характерны свои особенности мышления: 1) время св. Софии (Киевская Русь, когда в крупных городах воздвигались храмы, посвященные св. Софии); 2) время Пресвятой Троицы (XIV - XV вв. – Владимиро-Московская традиция) и 3) время св. Богородицы (Успенский период) (Лисовой, 1991, стр.418-419).

Выразителем имперской идеи XVI в. стал храм Покрова Пресвятой Богородицы, что на рву (известный как храм Василия Блаженного) (1555-1561), возведенный по приказу Ивана IV по случаю присоединения Казанского ханства к Московии. Собор содержал имперский идеологический посыл – Москва объявлялась не только третьим Римом, но и вторым Иерусалимом. Собор стал фактически отправной точкой постепенного превращения Московского великого княжества в Россию – присоединение Казанского, Астраханского, а затем и Сибирского ханств дала мощный толчок к реализации российского имперского проекта. Изначально заложенная в архитектурном плане собора идея совершенной геометрии, должна была по замыслу его строителей распространиться в дальнейшем и на само российское государство.

В следующем XVII столетии патриарх (1652 – 1666 гг.) Никон (1605 - 1681) попытался воплотить эту же имперскую идею в своем Воскресенском Новоиерусалимском монастыре на Истре (основан 1656 г.). По замыслам его создателей, под Москвой должен был быть воссоздан комплекс святых мест Палестины. Заложенные в этом проекте идеи, были призваны усилить достижения Московского царства в деле укрепления его международных позиций (Зеленская, 2008). В этих указанных нами архитектурных образах российская власть пыталась закрепить свои имперские амбиции и достижения. Это была своеобразная «идеология в камне», призванная показать всем успехи и достижения самодержавной власти.

Не последнюю роль в деле распространения и упрочения сакрального характера власти играли придворные ритуалы, которые тоже несли на себе отпечатки притязаний на имперское признание, как со стороны подданных, так и со стороны главных конкурентов в международных отношениях. Поэтому дипломатический протокол Московского царства подчеркивал величия царской власти и самого царства в глазах иноземных гостей и дипломатов.

ЦЕРЕМОНИАЛ

Священность власти опирается на политические символы, конкретные ритуальные практики и на «народную любовь». Последней всегда свойственно придумывать различного рода истории (мифы и сказки) о своем правителе. Поэтому культ правителя основан на необходимости культивирования подобных мифов, которые усиливают сакральность его власти, создающие надмировой образ фигуры первого лица в государстве.

Уже сама обрядность царской власти, окружающий ее церемониал создавали вокруг личности царя ореол мистической таинственности,

святости (Мосс, 2000, стр.154). Именно «церемонии подчеркивали сакральный статус и христианские добродетели русского государя и воплощали в себе образ власти... церемонии, призванные демонстрировать гармонию светской и церковной властей, в зависимости от конкретной политической ситуации меняли соотношение власти царя и патриарха» (Скрипкина, 2016). Русские власти пытались показать во всем его величии и блеске образ «Царя Земного», а стольный град Москву представить в качестве нового Иерусалима (Андреев, 2008, стр. 259-260). Последнее было чрезвычайно важно, поскольку у российских подданных актуализировалась ассоциация Кремля с Иерусалимом, что еще больше придавало власти сакральный характер, а самих русских царей ставило в один ряд с византийскими василевсами (Савва, 1901, стр.173-175; Успенский, 1998, стр.440-448). Как замечают историки, церемонии были своего рода «театром власти», «в представлениях которого находили свое выражение основополагающие политические идеи, образы и стереотипы» (Уортман, 2004, стр.18). Театрализованная политическая условность со временем превращалась в политическую реальность, которая требовала от всех своего почитания и даже религиозного поклонения.

Еще И.Е. Забелин обратил внимание на пышность облачений российских монархов во время церемоний. «Во время больших праздников и торжеств государь надевал царский наряд, к которому принадлежали: царское платно, собственно порфира, с широкими рукавами царский становой кафтан, царская шапка или корона, диадема или бармы, наперстный крест и перевязь, возлагаемые на грудь; вместо посоха - царский серебряный жезл. Все это блистало золотом, серебром и другими камнями. Самые башмаки, которые надевал государь в это время, были также богато вынизаны жемчугом и украшены камнями. Свита, окружавшая государя, была также одета более или менее богато, смотря по значению празднества и соответственно одежде государя. Для этого из дворца отдавался приказ, в каком именно платье быть на выходе. Если же боярин был недостаточен и не имел богатой одежды, то на время выхода такую одежду выдавали из царской казны» (Забелин, 2000, стр.394-395). На первый взгляд выходит, что принимали не по уму, а по одежке. Но в эпоху расцвета родовой аристократии аристократия духа никак не могла быть на первом месте. Селекция достоинства шла по совершенно иным каналам и кроилась по иным, чем в наше время, лекалам.

Как свидетельствует политическая история, в основном царские регалии могли видеть жители столицы Московии «Нового Иерусалима» (Москвы). Но имеются редкие свидетельства, когда царь мог их де-

монстрировать при особо важных случаях. Таковым, например, стало взятие осенью 1657 г. Смоленска. В мае 1658 г. царь посетил этот город, где состоялся его торжественный выход в регалиях и парадных одеяниях в церковь к причастию (Ракитина, 2009, стр.164). Тем самым присоединение Смоленска к Московскому государству получило подтверждение на самом высоком сакральном уровне.

Самозванцы чаще всего прокалывались именно на несоблюдении царских ритуалов. В обществе и в элите было принято считать, что «только тот правитель воспринимается в России как настоящий царь, кто твердо соблюдает монархический ритуал» (Полежаев, 2013). Поэтому самозванцы (Лжедмитрии и Е. Пугачев) усиленно имитировали царскую форму, плохо ориентируясь в ее истинном содержании. Это несоответствие (формы и содержания) в конце концов, и приводило их к политическому краху.

Десакрализация проявлялась вспышками, и носила перманентный характер. Она проявлялась в том, что некоторых русских императоров называли «антихристом» (Петра I), кого-то случайно придушили (Петра III), кого-то убили табакеркой по голове (Павла I), кого-то взорвали (Александра II), кого-то и вовсе расстреляли со всей его семьей (Николая II)...Фокусом этих событий была точка убийства того, кто олицетворял собой сумму сакральности власти.

Эти истории поколебали устои сакральности царской власти. Основа «колебания умов» шла с просвещенного Запада, через «Liberté, Égalité, Fraternité» - от рационалистических философских течений, от антихристианского (в частности антиправославного) мировоззрения, анархизма и нигилизма. И главными носителями этих разрушительных сил был не русский народ, а «культурные слои» российского общества (аристократия, дворянство, буржуазия, интеллигенция). Именно они в первую очередь и порождали волны смутных времен, периодически захлестывавших корабль Российской империи. И он потерпел кораблекрушение, когда были разрушены каноны сакральности царской власти.

САКРАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Как показывает политическая история, носителями сакрального чаще всего были политические лидеры, лица, наделенные высшей государственной властью. М. Элиаде по этому поводу отмечал, что в душе народа укоренилась надежда «всеобщего, универсального обновления, совершаемого новым героем, в одной из новых форм: он может быть реформатором, революционером, мучеником (во имя свободы народов), руководителем партии» (Элиаде, 2002, стр.166). Но он всегда об-

ладает некой рациональной недосказанностью, которая свидетельствует о его харизматичности и сакральности.

Представление обожественности высшей власти на Руси оформляется еще во времена Ярослава Мудрого, когда появилась доктрина митрополита Илариона, изложенная в его труде «Слово о законе и благодати» (Митрополит Иларион, 2011). Сакральность власти того времени выражалась в идее св. Софии, храмы которой Ярослав возвел в Новгороде и в Киеве, в качестве символа утверждающегося по византийскому образу и подобию имперского проекта Руси. При этом мудрость была присуща не только самой церкви, но и княжеской власти – недаром строитель этих храмов великий князь Ярослав Владимирович получил прозвище «Мудрый». В глазах своих современников и потомков он был мудр потому, что воздвиг храм Мудрости Божией.

В начале XVI в. на Руси утвердилась идея псковского монаха Филофея «Москва - Третий Рим». Согласно Б.А. Успенскому, падение Константинополя совпало с окончанием татаро-монгольского владычества: «оба эти события естественно связываются на Руси, истолковываясь как перемещение центра мировой святости — в то время как в Византии имеет место торжество мусульманства над православием, в России совершается обратное, т.е. торжество православия над мусульманством» (Успенский, 1996, стр.67-68). Из этого вытекало, что только московский государь становится единственным царем, единоличным властителем «Ромейского царства».

Начиная с Ивана Грозного, на Руси утверждается византийская идея о том, что земная монархия является повтором монархии небесной и что царь земной должен отвечать перед Богом за свой народ. При этом легитимность такой власти непосредственно восходит к этому божественному источнику. Объявлялось, что царская власть дарована Богом. Сакрализация правителя стало важнейшим содержанием политической власти, а придворные и церковные ритуалы подтверждали его полномочия.

В сознании подданных царь становился сверхъестественной фигурой. Его царское происхождение отличало его от всех других людей. Поэтому самозванцы были вынуждены всегда доказывать своими «особыми отметками» свою принадлежность к этой избранной касте. И самым главным доказательством для народа была «царская доброта», выражающаяся в том, что царь всегда желает благо своему народу. Этот «народный или наивный монархизм» продвигал идею сакрализации власти в массы под лозунгом (половицей): «царь хочет, бояре сопротивляются» (Филд, 2002).

В русском понимании власть не столько была дарована царю от Бога, сколько предопределена и освящена им. Поэтому согласно Аврааму Палицы, царь понимается как «прежде рождения его от Бога избранный» (Палицын, 1909). Согласно русским воззрениям, царь становится царем еще до своего избрания на престол и помазания, поскольку свою избранность он получает уже в утробе матери (Палицын, 1909, стр.32). «Истинный» государь таковым является по рождению. Об этом в свое время указывал Иван Грозный, когда ставил ниже себя (урожденного царя) тех правителей, которые пришли к власти в результате дворцового переворота (Лихачев, & Лурье, 1951, стр.74).

Капитан царской гвардии времен Бориса Годунова и Лжедмитрия I француз Яков Маржерет отмечал особое восприятие и почитание царского титула в Московии. Согласно его свидетельству, русские считают, что само слово «царь» создано не человеком, а Богом; «соответственно, царский титул противопоставляется всем другим титулам как имеющий божественную природу» (Маржерет, 1913, стр.83).

Даже самозванство на Руси тоже было связано с сакральной царской властью. Б.А. Успенский отмечал, что в основе самозванства лежат религиозные представления: «специфика отношения к царю определяется, прежде всего, восприятием царской власти как власти сакральной, обладающей божественной природой. Можно полагать, что самозванчество как типичное для России явление связано именно с сакрализацией царя (которая, в свою очередь, связана с византизацией монаршей власти)» (Успенский, 1996, стр.143).

Култ царя Петра I стал утверждаться в придворных кругах, посредством установление особых придворных отношений. Он был призван репрезентовать императорскую харизму и безграничную власть царя. Американский исследователь Э. Зицер утверждает, что «политические таинства Преображенного царства возвышали Петра над придворными группами и кланами, демонстрировали его власть над церковью и создавали вокруг него своего рода экуменическую религиозно-рыцарскую общину» (Зицер, 2008, стр.240). Сам Петр рассматривал свое правление не просто как служение Богу, но и Русскому государству. «Петр I вводит новый закон "русскости", заменяя принцип "русский = православный" на "русский = имперский служащий" или, иными словами, заменяет принцип родства по крови/роду социополитическим критерием» (Белобородова, 2000, стр.53).

В отличие от своих предшественников, которые были ориентированы на Византию, Петр был ориентирован на Рим. Поэтому его молодая империя была развернута лицом к Западу и стремилась впитать в себе как можно больше западного. Идея Рима даже проявляет себя в

строительстве Петербурга: Вечный Рим – город апостола Петра и новая русская столица тоже посвящена этому святому. Если Москва была новым Константинополем, то Санкт-Петербург был новым Римом. Именно при царе Петре стал распространяться культ Петра и Павла. «Символика герба Петербурга расшифровывается именно в этой связи. С одной стороны, якорь — символ спасения и веры и в этом значении прекрасно известен в эмблематике барокко; сопоставление его с ключом естественно и уместно. Но одновременно якорь метонимически обозначает флот — помещенный на место ключей апостола Петра, он знаменует то, чем Петр (император, а не апостол) намерен отворить дверь своего «парадиза»» (Успенский, 1996, стр.587). Петербург для царя Петра был «святой землей» («парадизом»), в который он вложил всю свою душу и царскую энергию. Для самого Петра единственной подлинной молитвой становится – государственная служба (Успенский, 1996, стр.597). А чтобы эта «молитва» не переросла в новое ханжество, следовало беспринципно бороться с коррупцией, которая изнутри разъедает любое государство. Справился этой задачей царь? Судя по всему, нет... Коррупция одолела его.

В век просвещенного абсолютизма сакральность власти базировалась на культе личности великого человека, каковым был официально еще при его жизни объявлен царь Петр I. Екатерина Великая использовала этот образ для утверждения своей легитимности и сакральности, объявив себя продолжательницей начатого Петром дела. Вершиной этой ее деятельности стал Санкт-Петербург, который при ней превратился в имперский город, идеологическим сердцем которого стал «Медный всадник». Если раньше сакральность служила для обоснования самости и уникальности русской цивилизации, то в эпоху Екатерины Великой эта идея уже стала опорой для идеологии величия имперской державы. Собственно говоря, Россия как империя состоялась (уже в ее завершенном виде) именно при Екатерине II.

Император Павел Петрович разделял веру в сакральность власти. Но понимал ее весьма своеобразно. «Прибавим ко всему этому сознательную или подсознательную веру в божественное начало верховной власти... Экзальтированный Павел был куда более склонен не к благочестивому православию, а, так сказать, к «мистике власти» (Эйделеман, 2002, стр.57). Современники отмечали влечение императора кразного рода мистическим знакам, в которых он сам искал опору своей власти. По утверждению самого царя, он держался смирно в своей простоте, ожидая наступления великих перемен, за разъяснением смысла которых постоянно обращался в Священному Писанию (Понятовский, 1912, стр.34). Чувствуя неуверенность своего престола, Павел терзался

сомнениями относительно законности своей сакральности. И терзался небезосновательно. Как продолжатель линии своего прадеда царя Петра I, император Павел попытался соединить православные сакральные традиции власти с западно-католическими, приняв в 1798 г. титул Великого магистра Мальтийского ордена (Барыкина, 2021). Как мы знаем, попытка оказалась неудачной. Император стал жертвой дворцового переворота, организованного на английские деньги. Но еще до его убийства, заговорщики стали распускать слухи и анекдоты о безумстве императора, тем самым посредством этого святотатства разрушая в глазах его подданных сакральный характер его власти.

Как свидетельствует политическая история, многие русские цари (и в первую очередь первый русский царь) стали жертвами откровенной русофобской клеветы. «Антихрист не может появиться среди нас по причине самодержавной власти, сдерживающей бесчинное шатание и нелепое учение безбожников» (Митрополит Иоанн, 1994, стр. 200). Русский царь нес благое начало, поскольку его власть была ему дарована Богом и освящена таинством миропомазания. Иван Грозный стал приемником византийского василевса и хранителем православия «воцарение Грозного стало переломным моментом: русского народа – как народа-богоносца, русской государственности – как религиозно осмысленной вероохранительной структуры... Соборность народа и его державность слились воедино, воплотившись в личности Русского Православного Царя» (Митрополит Иоанн, 1994, стр. 200). Клерикализм утверждает, что самодержавие на Руси было залогом того, что власть Антихриста никогда не придет на эти земли.

В это время элиты были на пике своей пассионарности и могли решать сложные геополитические задачи, не обращая внимания на внутренние проблемы, которые, постепенно накапливаясь, грозили обрушить всю иерархическую пирамиду Российской Империи. В середине XIX столетия российский имперский проект достиг своего наивысшего предела и стал постепенно скатываться в сторону системного политического кризиса.

КРАХ САКРАЛЬНОСТИ = КРУШЕНИЕ САМОДЕРЖАВИЯ

Политическая традиция предписывала всем верноподданным российского императора не только почитать своего государя, но и любить его. Со своей стороны император всеми силами обязан был пробуждать народную любовь. В этом взаимном стремлении и состояла суть порядка в Российской империи. Но в XIX в. этот порядок был нарушен распространившимся нигилизмом, который привел в начале XX в. к катастрофическим для России событиям революции и гра-

жданской войны. Именно в предшествующие революции годы в высших кругах Российской империи нарастают эсхатологические ощущения, свидетельствующие о политической безысходности правящей политической системы (Карабущенко, Красноженова, & Кулик, 2020). Революционный кризис возрастал пропорционально убывания сакральности имперской власти.

Еще во времена царствования Александра III мрачным предчувствием томились отдельные представители правящей царской элиты. Так, в 1881 г. обер-прокурор Священного Синода К.П. Победоносцев в одном из писем к царю был вынужден признать очевидное - «все зло у нас шло сверху, от чиновничества, а не снизу» (Победоносцев, 1925, стр. 346). Тем самым ответственность возлагалась на элиту и ее лидеров (сторонников реформ Александра II), которые, по его мнению, демонстрировали не должный уровень профессиональной компетентности. История так до сих пор и не рассудила этот спор, который пусть лучше остаётся на их совести...

К тому времени правящие элитные группы уже утратили (полностью израсходовали) свою пассионарность и потянули за собой в революционную пропасть своего утратившего сакральность вождя. При этом кризис гражданского патриотизма вылился в откровенное недоверие правящим кругам и переход значительной части общества на стону радикальной оппозиции. В результате всего этого пошатнулась и начала распадаться иерархическая пирамида Российской Империи, от которой стали отпадать одна за другой ее окраины.

Вместо сакральности политические элиты этого времени получают десакрализацию своей власти – полного краха авторитета и влияния на общество. Десакрализация – означает банкротство элитности, деградацию и аннигиляцию политической системы империи.

При всей его сакральности Николая II в церковной среде недолюбливали по причине его отказа восстанавливать патриаршество в годы Первой русской революции (Колоницкий, 2010). В наше время весьма сложно точно установить, насколько искренне люди того времени выражали свой восторг при встречах с императором. Были те, кто формально к этому относился. Так, по воспоминаниям генерала А.И. Деникина, его встречи с царем на него особого впечатления не произвели (Деникин, 2015). «Восторги» выражали лишь те, кто был приближен к императорской семье и мог наблюдать её жизнь без официальной мишуры (Боткина, 2010).

Сакральный кризис самодержавия можно рассматривать как кризис патриотической любви подданных к царю. В августе 1915 г. председатель Совета министров И.Л. Горемыкин утверждал, что необходимо

ставить знак равенства между монархизмом и патриотизмом, между понятиями «царь» и «Россия», которые были для него неразделимы. Свои представления И.Л. Горемыкин характеризовал как «архаичные», опирающиеся на консервативные (патриархальные) традиции, которые отвергали дух монархического плюрализма. Такие как он отстаивали свое понимание любви к императору как единственно правильное: «Мое мнение сводится к тому, что воля Царя есть воля России, что Царь и Россия неразделимы, что этой воле мы обязаны подчиняться и что русскому человеку нельзя бросать своего Царя на перепутье, как бы лично ни было трудно» (Яхонтов, 1926, стр.95-96). Его политические оппоненты утверждали свое право любить царя по-своему. Обер-прокурор Св. синода А.Д. Самарин тогда заявлял: «Я тоже люблю своего Царя, глубоко предан Монархии и доказал это всей своею деятельностью. Но если Царь идет во вред России, то я не могу за ним покорно следовать» (Яхонтов, 1926, стр.95). В этом рассуждении явно ощущается «болезненный конфликт между чувством любви к монарху и патриотическим долгом» (Колоницкий, 2010).

Но самое главное – в борьбе за умы своих подданных царизм проиграл информационную войну. Он допустил «вражеской пропаганде» демонизировать себя и дискредитировать саму идею самодержавия. По выражению баронессы С.К. Буксгевден (близкой к императрице Александре Федоровне придворной дамы), в последние годы русского царизма «слухи заменяли информацию» (Buxhoevden, 1928, р.213). Причем «вздорных слухов» (самых «мрачных и темных») было в разы больше, чем позитивных. И в этом потоке агрессивного и враждебного компромата царизм оказался совершенно беззащитен. Когда власти спохватились, было уже поздно. Слухи победили – им верили больше, чем официальным СМИ, а за самим самодержавием закрепилась дурная слава (Джунковский, 1997, стр.402). Общество колебалось. И это его колебание было не в пользу существующего социально-политического строя.

По поводу этого колебания (свидетельствующего о кризисе сакральности власти) откровенно писал известный русский богослов отец С. Булгаков. И здесь снова и снова всплывает тема любви. О событиях 1905 – 1907 гг. С. Булгаков писал, как о времени, которое отвернуло его от революции и сделало его «почвенником», почти монархистом (до этого он не полюбил царя и не верил в монархию): «В мою “почвенность” идея монархии и монархической государственности отнюдь не входила. Вопрос о монархии есть, в сущности дела, вопрос любви или нелюбви (есть любовь и в политике), и я не любил Царя» (Булгаков, 1991, стр.81). «Царистом» он стал в канун Первой мировой вой-

ны, пропитавшись духом патриотизма и любви к Отечеству: «Не хочу здесь богословствовать о царской власти, скажу только, что это чувство, эта любовь родилась в душе моей внезапно, молниеносно, при встрече Государя в Ялте, кажется в 1909 году, когда я его увидел (единственный раз в жизни) на набережной. Я почувствовал, что и Царь несет свою власть, как крест Христов, и что повиновение Ему тоже может быть крестом Христовым и во имя Его. В душе моей, как яркая звезда, загорелась идея священной царской власти, и при свете этой идеи по-новому загорелись и засверкали, как самоцветы, черты русской истории; там, где я раньше видел пустоту, ложь, азиатчину, загорелась божественная идея власти Божьей милостью, а не народным произволением. Религиозная идея демократии была обличена и низвергнута, во имя теократии в образе царской власти» (Булгаков, 1991, стр.82).

Последний раз восторженные толпы торжественно встречали царя во время объявления им войны 20 июля (2 августа) 1914 г.¹ – тогда многие стояли на коленях и пели гимн «Боже, Царя храни». В своем дневнике великая княжна Татьяна Николаевна записала: «Масса народа на коленях крича ура и благословляя Папа и Мама» (Зверева, 2006, стр.13). После этого все покатило под гору и завершилась катастрофой 1917 – 1921 гг.

С. Булгаков вспоминал об этом так: «Начавшаяся война принесла неожиданный и небывалый на моем веку подъем любви к Царю. ...особенно потрясло меня описание первого выхода в Зимнем Дворце, когда массы народные, повинаясь неотразимому и верному инстинкту, опустились на колени в исступлении и восторге, а царственная чета шла среди любящего народа на крестный подвиг. О, как я трепетал от радости, восторга и умиления, читая это. ...Для меня это было явление Белого Царя своему народу, на миг блеснул и погас апокалипсический дух Белого Царства. Для меня это было откровение о Царе, и я надеялся, что это – откровение для всей России» (Булгаков, 1991, стр.86).

Единодушный патриотизм того времени выражался в горячей любви россиян к царю и родине (Дубенский, 1915, стр. XII). В тот момент Империя была еще сплоченной «вокруг своего Державного Вождя, ведущего Россию в священный бой с врагом славянства» (Максимов, & Тотфалушин, 2007, стр.6). Но эта сплоченность оказалась эфемерной. Мировая война ускорила агонию Империи. Самодержавие не справилось с вызовом своей исторической эпохи. Не справилось во

1 В царском Манифесте, в частности, говорилось: «Да благословит Господь Вседержитель Наше и союзное Нам оружие, и да поднимется вся Россия на ратный подвиг с железом в руках, с крестом в сердце» (Шацилло, 2002, стр.101).

многим благодаря тому, что утратило сакральность своей монархической власти, разрушившей единство ее с народом.

Политическая имперская риторика того времени вращалась вокруг идеи и царя (руководителя), сплоченной элиты и преданного народа. Патриотический порыв объединил тогда всех. Но военные неудачи привели к довольно быстрой утрате этого единства, а радужные настроения сменились мрачными предчувствиями. Вскоре маятник качнулся в другую сторону. От патриотической любви до социально-политической ненависти действительно оказался один шаг. Ореол сакральности самодержавия таял практически на глазах многомиллионной Российской Империи. Разрушение таинства святости самодержавия поставило на грань выживания и сам российский имперский проект. 1917 год стал роковым как для самодержавия, так и для империи. Через некоторое время произошла реставрация и сакральности и империи, но теперь уже на новых идеологических основаниях. Родовая аристократическая элита была заменена на партийно-бюрократическую элиту (номенклатуру), власть которой повторила судьбу Российской империи в ускоренном темпе и пришла к такому же трагическому результату в 1991 г. Россия дважды за XX в. утрачивала свой имперский проект.

Смысл любого имперского проекта – независимо ни от кого проводить свою волю во внешней политике, отстаивая свои национальные интересы. При этом именно империя является наивысшей формой проявления этого могущества. Крах сакральности монархической власти привел к крушению самодержавия, не справившегося со своим имперским проектом.

ВЫВОД

Рассмотренная нами в настоящей работе проблема еще много раз будет подниматься в отечественной и зарубежной научной литературе. Мы лишь попытались связать в историческом анализе два таких фактора, как зависимость имперской элиты от состояния качества сакральности их вождя и реализации их имперского проекта.

Рассмотренная нами проблема подтверждает наш исходный тезис о том, что мировая история монархии есть по сути своей история становления и утверждения сакральности верховной власти в качестве единоначального правления. Действительно, сакральность верховной власти распространяется и на политические элиты, которым эта власть делегирует часть своих «божественных» политических полномочий.

Как показывает политическая история Руси/России, весьма часто в активном политическом сознании элит самодержавная сакральность

распространялась и на саму Российскую империю, в результате чего она становилась «священным царством». Начавшаяся в XVIII в. секуляризация этого царства, привела к революционному нигилизму и аннигиляции всего царского имперского проекта 1917 г. Было замечено, что рост сакральности в русском самодержавии сопровождался и ростом мощи и расширением границ Российской империи. Но как только оба эти процессы достигли своей предельной величины, начался спад и кризис имперской сакральности. Эта проблема остается актуальной и для современного российского государства, власти которого начали новый этап в восстановлении его имперского статуса и возвращения в клуб ведущих мировых держав.

Список литературы

- Bell, P. N. (2009). *Three Political Voices from the Age of Justinian: Agapetus, 'Advice to the Emperor'; Dialogue on Political Science; Paul the Silentiary, «Description of Hagia Sophia»*. Liverpool University Press.
- Buxhoeveden, B. S. (1928). *The Life & Tragedy of Alexandra Feodorovna, Empress of Russia, a Biography*. London; New York; Toronto: Longmans, Green and Company.
- Wolfson, E. R. (2001). Phantasmagoria: The Image of the Image in Jewish Magic from Late Antiquity to the Early Middle Ages. *Review of Rabbinic Judaism*, 4(1), 78–120.
- Андреев, И. Л. (2008). Образ шествующей власти. Первые Романовы в церковных и придворных церемониях. В *Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время* (с. 439). Москва: Наука.
- Андреева, Л. А. (2007). *Сакрализация власти в истории христианской цивилизации. Латинский Запад и православный Восток*. Москва: Издательство «Ладомир».
- Аристотель. (1983). Политика. В *Аристотель. Сочинения в 4-х томах* (Т. 4). Москва: «Мысль».
- Барыкина, И. Е. (2021). *Павел I* (с. 448). Санкт-Петербург: Издательство «Пушкинского фонда».
- Белобородова, И. Н. (2000). Этноним «немец» в России: Культурно-политологический аспект. *Общественные науки и современность*, (2), 96–102.
- Боткина, Т. Е. (2010). Воспоминания о Царской Семье. В *Царский лейб-медик. Жизнь и подвиг Евгения Боткина* (с. 49–435). Санкт-Петербург: «Царское дело».
- Боханов, А. Н. (2002). *Самодержавие: Идея царской власти* (с. 349,). Москва: Русское слово.
- Буланин, Д. М. (1989). Поучение Агапита. В Д. С. Лихачев (Ред.), *Словарь книжников и книжности Древней Руси* (2-е изд., с. 300). АН СССР. ИРЛИ.
- Вальденберг, В. Е. (2006). *Древнерусские учения о пределах царской власти*. Москва: Издательский дом «Территория будущего».

- Деникин, А. И. (2015). *Путь русского офицера*. Санкт-Петербург: «Питер».
- Джунковский, В. Ф. (1997). *Воспоминания: В 2 т.* Москва: Изд-во им. Сабашниковых.
- Дубенский, Д. Н. (1915). *Его Императорское Величество государь император Николай Александрович в действующей армии* (Д. М. Дубенский, Ред.).
- Забелин, И. Е. (2000). *Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. 1: Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях*. Москва: Языки рус.культуры: Кошелев.
- Зверева, Н. К. (2006). *Августейшие сестры милосердия*. М: «Вече».
- Зеленская, Г. М. (2008). *Новый Иерусалим. Образы дольного и горнего* (с. 288). Москва: Изд. Дизайн. Информация. Картография.
- Зицер, Э. (2008). *Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого* (с. 240; Д. Хитровой & К. Осповата, Ред.). Москва: «Новое литературное обозрение».
- Иоанн, М. (1994). *Самодержавие духа. Очерки русского самосознания*. СПб: Издательство Л.С. Яковлевой.
- Карабущенко, П. Л., Красноженова, Е. Е., & Кулик, С. В. (2020). Эсхатологические представления царской элиты кануна Великой русской революции. *Былые Годы. Российский Исторический Журнал*, (58 (4)). doi: [10.13187/bg.2020.4.2742](https://doi.org/10.13187/bg.2020.4.2742)
- Карпов, А. Ю. (2010). *Ярослав Мудрый* (3-е изд.). Москва: «Молодая гвардия».
- Карташев, А. В. (1992). Очерки по истории русской церкви. В *Собрание сочинений: В 2 т.* (Т. 2, сс. 565, 3). Москва: «Тerra».
- Колоницкий, Б. А. (2010). «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны (с. 664). Москва: «Новое литературное обозрение».
- Лисовой, Н. (1991). Школа Преподобного Сергия. В В. А. Девятников (Ред.), *Сергий Радонежский: Сборник* (сс. 414–429). Москва: «Патриот».
- Лихачев, Д. С., & Лурье, Я. С. (1951). *Послания Ивана Грозного*. Москва: Издательство Академии наук СССР.
- Лукин, П. В. (2000). *Народные представления о государственной власти в России XVII века*. Москва: «Наука».
- Максимов, Е. К., & Тотфалушин, В. П. (2007). *Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны*. Саратов: «Научная книга».
- Малеин, А. И. (1926). *Рукопись комментария Сервия к «Энеиде», принадлежащая Библиотеке Академии наук*.
- Малиновский, Б. (2004). *Избранное: Динамика культуры*. Москва: РОССПЭН.
- Маржерет, Ж. (1913). *Состояние Российской державы и Великого княжества Московского в 1606 году*. Москва: «Полюза».
- Марсель, М. (2000). *Социальные функции священного*. Москва; Санкт-Петербург: «Евразия».

- Миролюбов, Ю. П. (1996). *«Сакральное Руси». Собрание сочинения в 10 томах* (Т. 1). Москва: АДЕ «Золотой Век».
- Митрополит Иларион. (2011). *Слово о Законе и Благодати* (В. Дерягин, Пер.). М: Институт русской цивилизации.
- Олье, Д. (2004). *Коллеж социологии. 1937-1939* (с. 588; И. С. Вдовиной, Н. В. Вдовиной, & В. М. Володина, Ред.; Ю. Б. Бессоновой, Пер.). Санкт-Петербург: Наука.
- Палицын, А. (1909). *Сказание*. СПб: Изд. Императорской Археографической Комиссии. Тип. М. А. Александрова.
- Победоносцев, К. П. (1928). *Письма Победоносцева к Александру III* (с. 448). Москва: «Новая Москва».
- Полежаев, П. Л. (2013). Значение сакральности власти в современной России. *Вестник Восточно-Сибирской открытой академии*, (11).
- Понятовский, С. А. (1912). Запись бесед с императором Павлом. *Русский архив*, 1(1), 21–45.
- Протоиерей Булгаков, С. (1991). Агония. В *Автобиографические заметки* (с. 166). Париж: YMCA-press.
- Ракитина, М. Г. (2009). Презентация царской власти в Смоленске в 1654-1655 гг. В *Верховная власть, элита и общество в России XIV - первой половины XIX века. Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй* (с. 236). Москва: ФГУК «Государств. Историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль».
- Савва, В. (1901). *Московские цари и византийские василевсы* (Т. 4, с. 400). Харьков: Тип. М. Зильберберг и С-ва.
- Семенов, В. (1893). *Древняя русская Пчела по пергаментному списку*. СПб: тип. «Императорской Академии наук».
- Скрипкина, Е. В. (2016). Сакральность власти царя Алексея Михайловича: Церемониальный и символический аспекты проблемы. *Вестник омской православной духовной семинарии*, (1), 108–113.
- Уортман, Р. С. (2004). Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В *От Петра Великого до смерти Николая I* (Т. 1, с. 606). Москва: ОГИ.
- Успенский, Б. А. (1996). *Избранные труды. Том 1. Семиотика истории. Семиотика культуры*. Москва: «Языки русской культуры».
- Успенский, Б. А. (1998). *Царь и патриарх: Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление)* (с. 676). Москва: Язык .русской культуры: А. Кошелев.
- Филд, Д. (2002). Размышления о наивном монархизме в России от эпохи Пугачева до революции 1905 г. В П. Л. И. Бородкина (Ред.), *Экономическая история. Обзорение: Т. Вып. 8* (с. 110–115). М.
- Фрэзер, Д. (2003). *Золотая ветвь. Исследование магии и религии*. Москва: «Академический проект».

- Шацилло, В. К. (2002). *Мировые войны XX века. В 4 Книгах. Кн. 2: Первая мировая война (Документы и материалы)* (Б. М. Туполев, В. К. Шацилло, & А. П. Жилин, Ред.). Москва: «Наука».
- Эйдельман, Н. Я. (2002). *Грань веков: Политическая борьба в России, конец XVIII - нач. XIX ст* (сс. 382, 2). СПб: ЭТС «Экслибрис».
- Элиаде, М. (2002). *Священное и мирское*. М: «Критерион».
- Ямпольский, М. (2012). Сакральное и воображение. *Новое литературное обозрение*, (118), 35–40.
- Яхонтов, А. Н. (1926). Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 года. В А. Н. Яхонтов (Ред.), *Архив русской революции: Т. Т. 18* (сс. 95–96). Берлин.

Reference

- Andreev, I. L. (2008). The Image of the Processional Power. The First Romanovs in Church and Court Ceremonies. In *Images of Power in the West, in Byzantium and in Russia: Middle Ages. The New Time* (p. 439). Moscow: Nauka (In Russian).
- Andreeva, L. A. (2007). *Sacralization of Power in the History of Christian Civilization. Latin West and Orthodox East*. Moscow: Ladomir Publishing House (In Russian).
- Archpriest Bulgakov, S. (1991). Agony. In *Autobiographical Notes* (p. 166). Paris: YMCA-press (In Russian).
- Aristotle. (1983). Politics. In *Aristotle. Essays in four volumes* (Vol. 4). Moscow: Thought (In Russian).
- Barykina, I. E. (2021). *Paul I*. St. Petersburg: Pushkin Foundation Publishing House (In Russian).
- Bell, P. N. (2009). *Three Political Voices from the Age of Justinian: Agapetus, 'Advice to the Emperor'; Dialogue on Political Science; Paul the Silentary, "Description of Hagia Sophia."* Liverpool University Press.
- Beloborodova, I. N. (2000). Ethnonym "German" in Russia: Cultural and political aspect. *Social Sciences and Modernity*, 2, 96–102 (In Russian).
- Bokhanov, A. N. (2002). *Self-Reliance: The Idea of Tsarist Power*. Moscow: Russkoe slovo (In Russian).
- Botkina, T. E. (2010). Memories of the Royal Family. In *Tsarist Life-Medicine. Life and feat of Evgeny Botkin* (pp. 49–435). St. Petersburg: Tsar's Deed (In Russian).
- Bulanin, D. M. (1989). The Exhortation of Agapit. In I. N. D. S. Likhachev (Ed.), *Dictionary of Scribes and Scribes of Ancient Rus'* (2nd ed., p. 300). ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR. IRLI (In Russian).
- Buxhoeveden, B. S. (1928). *The Life & Tragedy of Alexandra Feodorovna, Empress of Russia, a Biography*. London; New York; Toronto: Longmans, Green and Company.
- Denikin, A. I. (2015). *The Way of the Russian Officer*. St. Petersburg: Peter (In Russian).

- Dubensky, D. N. (1915). *His Imperial Majesty the Tsar Nicholas Alexandrovich in the Active Army* (D. M. Dubensky, Ed.) (In Russian).
- Dzhunkovsky, V. F. (1997). *Memories* (Vol. 2). Moscow: Izdvo im. Sabashnikov (In Russian).
- Eidelman, N. Y. (2002). *Verge of the Centuries: Political Struggle in Russia, the End of the 18th—The Beginning of the 19th Century*. St Petersburg: ETS “Exlibris.” (In Russian).
- Eliade, M. (2002). *The Sacred and the Secular*. Moscow: Criterion (In Russian).
- Field, D. (2002). Reflections on Naive Monarchism in Russia from the Pugachev Era to the 1905 Revolution. *Economic History. Review*, 8, 110–115 (In Russian).
- Fraser, D. (2003). *The golden branch. A study of magic and religion*. Moscow: Academic Project.
- John, M. (1994). *Self-Reliance of the Spirit. Essays on Russian Self-Consciousness*. St. Petersburg: L. S. Yakovleva Publishing House (In Russian).
- Karabushchenko, P. L., Krasnozhenova, E. E., & Kulik, S. V. (2020). Eschatological Perceptions of the Tsarist Elite on the Eve of the Great Russian Revolution. *The Bygone Years. Russian Historical Journal*, 58 (4). doi: 10.13187/bg.2020.4.2742 (In Russian).
- Karpov, A. Y. (2010). *Yaroslav the Wise* (3rd ed.). Moscow: Young Guard (In Russian).
- Kartashev, A. V. (1992). Essays on the History of the Russian Church. In *Collected Works: In 2 vols* (Vol. 2). Moscow: Terra (In Russian) (In Russian).
- Kolonitsky, B. A. (2010). *Tragic Erotica”: Images of the Imperial Family during the First World War*. Moscow: New Literary Review (In Russian).
- Likhachev, D. S., & Lurie, Y. S. (1951). *Ivan the Terrible’s Messages*. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR (In Russian).
- Lisovoy, N. (1991). The School of Reverend Sergius. In I. N. A. Devyatnikov (Ed.), *Sergii Radonezhskii: Sbornik* (pp. 414–429). Moscow: Patriot (In Russian).
- Lukin, P. V. (2000). *People’s perceptions of the state power in Russia in the XVII century*. Moscow: Nauka (In Russian).
- M Hilarion. (2011). *Word on the Law and Grace*. Moscow: Deryagin (In Russian).
- Maksimov, E. K., & Totfalushin, V. P. (2007). *Saratov Volga Region during the First World War*. Saratov: Nauchnaya kniga (In Russian).
- Malein, A. I. (1926). *Manuscript of Servius’ commentary on the Aeneid, belonging to the Library of the Academy of Sciences*. (In Russian).
- Malinowski, B. (2004). *Selected: The Dynamics of Culture*. Moscow: ROSSPEN (In Russian).
- Marcel, M. (2000). *The Social Functions of the Sacred*. Moscow; St. Petersburg: Eurasia (In Russian).
- Margeret, J. (1913). *State of the Russian Power and the Grand Duchy of Moscow in 1606*. Moscow: Polza (In Russian).
- Mirolubov, Y. P. (1996). The Sacred of Russia. In *Collected Works in Volumes* (Vol. 1). Moscow: ADE “Zolotoy Vek.” (In Russian).

- Olier, D. (2004). *Collegium of Sociology 1937-1939* (p. 588; I. S. Vdovina, N. V. Vdovina, V. M. Volodin, & Yu. B. Bessonova, Eds.). St. Petersburg: Nauka (In Russian).
- Palitsyn, A. (1909). *The Tale*. St. Petersburg: Izd. of the Imperial Archaeographic Commission; Typography of M. A. Alexandrov (In Russian).
- Pobedonostsev, K. P. (1928). *Letters of Pobedonostsev to Alexander III*. Moscow: Novaya Moscow (In Russian).
- Polezhaev, P. L. (2013). Significance of the Sacredness of Power in Modern Russia. *Vestnik of the East Siberian Open Academy*, 11 (In Russian).
- Poniatovsky, S. A. (1912). Record of Conversations with Emperor Paul. *Russian Archive*, 1(1), 21–45 (In Russian).
- Rakitina, M. G. (2009). Presentation of Tsarist Power in Smolensk in 1654-1655. In Supreme Power, Elite and Society in Russia XIV—First Half of XIX Century. In *The Russian Monarchy in the Context of European and Asian Monarchies and Empires* (p. 236). Moscow: FGUK "State. Historical and Cultural Museum-Reserve "The Moscow Kremlin." (In Russian).
- Savva, V. (1901). *Moscow Tsars and Byzantine Vassilevs* (Vol. 4). Kharkov: Tip. M. Zilberberg and S-via (In Russian).
- Semenov, V. (1893). *Ancient Russian Pchel according to a parchment list*. Spb: type. "The Imperial Academy of Sciences." (In Russian).
- Shatsillo, V. K. (2002). World Wars of the Twentieth Century. In B. M. Tupolev, V. K. Shatsillo, A. P. Zhilin, & Ed) (Eds.), 4 Books. Book 2: *World War I (Documents and Materials)*. Moscow: Nauka (In Russian).
- Skripkina, E. V. (2016). Sacrality of the Power of Tsar Alexei Mikhailovich: Ceremonial and Symbolic Aspects of the Problem. *Vestnik Omsk Orthodox Theological Seminary*, 1, 108–113 (In Russian).
- Uspensky, B. A. (1996). Semiotics of History. Semiotics of Culture. In *Selected Works* (Vol. 1). Moscow: Languages of Russian Culture (In Russian).
- Uspensky, B. A. (1998). *The Tsar and the Patriarch: Charisma of Power in Russia (The Byzantine Model and its Russian Reconsideration)*. Moscow: Languages of Russian Culture (In Russian).
- Waldenberg, V. E. (2006). *Ancient Russian Doctrines on the Limits of Tsar's Power*. Moscow: The Territory of the Future Publishing House (In Russian).
- Wolfson, E. R. (2001). Phantasmagoria: The Image of the Image in Jewish Magic from Late Antiquity to the Early Middle Ages. *Review of Rabbinic Judaism*, 4(1), 78–120 (In Russian).
- Wortman, R. S. (2004). Scenarios of Power: Myths and Ceremonies of the Russian Monarchy. In *From Peter the Great to the Death of Nicholas I* (Vol. 1, p. 606). Moscow: OGI (In Russian).
- Yakhontov, A. N. (1926). Heavy Days (Secret Sessions of the Council of Ministers. In I. N. Yakhontov (Ed.), *Archive of the Russian Revolution: Vol. T. 18* (pp. 95–96). Berlin (In Russian).

- Yampolsky, M. (2012). The sacred and the imagination. *New Literary Review*, 118, 35–40 (In Russian).
- Zabelin, I. E. (2000). *Domestic Life of the Russian People in the XVI and XVII Centuries. Vol. 1: Domestic Life of the Russian Tsars in the XVI and XVII Centuries*. Moscow: Languages of Russian Culture: Koshelev (In Russian).
- Zelenskaya, G. M. (2008). *New Jerusalem. The Images of the Real and the High*. Moscow: Izd. Dizayn. Information. Cartography (In Russian).
- Zitzer, E. (2008). *The Kingdom of Transfiguration: Sacred Parody and Tsarist Charisma at the Court of Peter the Great* (D. Khitrova, K. Ospovat, Eds.). Moscow: New Literary Review (In Russian).
- Zvereva, N. K. (2006). *The August Sisters of Mercy*. Moscow: Veche (In Russian).

THE LAST BYZANTINE: K.N. LEONTIEV ON THE BYZANTINE ROOTS OF THE RUSSIAN EMPIRE

Leonid Ya. Podvoisky

Astrakhan State University. Astrakhan, Russia. E-mail: [leonid.podv\[at\]gmail.com](mailto:leonid.podv[at]gmail.com)

Abstract

2021 is a jubilee year for the outstanding Russian philosopher, writer, publicist, literary critic Konstantin Nikolaevich Leontiev. Jubilee is by birth - 190 years, and by death - 130 years. An outstanding personality, contradictory in character, and in life, and in scientific and literary creativity. He was a doctor by education, a diplomat by vocation, a religious conservative and esthete by the mindset, and shortly before his death he took monastic vows. These features of his personality are reflected in this article.

K.N. Leontiev did not leave strictly systematized philosophical and political works. At the same time, he presented the concept of the historical and cultural process, in the focus of which he considered the future of Russia.

The central concept of the historiosophical concept of K.N. Leontiev - the concept of "Byzantism". He was the first to apply this term and introduced it into the system of philosophical concepts. The theoretical substantiation of Byzantist ideas and the possibility of their further development in new historical conditions was given by him in the work "Byzantine and Slavicism". K.N. Leontiev was a talented follower of N. Ya. Danilevsky, author of the famous work "Russia and Europe". K. Leontiev developed and substantiated the idea of cyclical development of states, peoples, cultures, put forward in this work. According to K.N. Leontiev, Russia, having adopted Orthodoxy, joined the Byzantine culture. Byzantine culture in Russia collided with a culture that was still in its infancy. Byzantineism created Russia, K. Leontiev concluded. The Byzantine idea of tsarism, that is, unrestricted autocratic power on Russian soil, was expressed in the idea of the Russian tribal monarchy as the organizing beginning of the people's life. Leontiev sees the roots of the Russian empire in this, but the significance of Byzantism lies not only in the formation of a strong statehood, but also in the formation of the culture of Russia.

Keywords

Byzantium; Byzantine; West; Russia; Westernism; Slavophilism; empire; progress; conservatism; culture; religion; Christianity

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

«ПОСЛЕДНИЙ ВИЗАНТИЕЦ»: К.Н. ЛЕОНТЬЕВ О ВИЗАНТИЙСКИХ КОРНЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Подвойский Леонид Яковлевич

Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия E-mail: [leonid.podv\[at\]gmail.com](mailto:leonid.podv[at]gmail.com)

Аннотация

2021 год – юбилейный для выдающегося русского философа, писателя, публициста, литературного критика Константина Николаевича Леонтьева. Юбилейный и по рождению – 190 лет, и по смерти – 130 лет. Личность незаурядная, противоречивая и по характеру, и по жизненному пути, и по научному и литературному творчеству. По образованию он был врачом, по призванию дипломатом, по складу мысли религиозным консерватором и эстетом, а незадолго перед смертью принял монашеский постриг. Эти особенности его личности и нашли отражение в данной статье.

К.Н. Леонтьев не оставил строго систематизированных философско-политических работ. В то же время у него представлена концепция историко-культурного процесса, в фокусе которой он и рассматривал будущее России.

Центральное понятие историософской концепции К.Н. Леонтьева – понятие «византизма». Он первым применил этот термин и ввел его в систему философских понятий. Теоретическое обоснование византистских идей и возможность их дальнейшего развития в новых исторических условиях дано им в работе «Византизм и славянство». К.Н. Леонтьев был талантливым последователем Н.Я. Данилевского, автора знаменитого труда «Россия и Европа». К. Леонтьев развил и обосновал идею цикличности развития государств, народов, культур, выдвинутую в этом труде.

По К.Н. Леонтьеву, Россия, приняв православие, приобщилась к византийской культуре. Византийская культура столкнулась на Руси с культурой, которая находилась ещё в зачаточном состоянии. Византизм и создал Россию, сделал вывод К.Н. Леонтьев. Византийская идея царизма, то есть ничем не ограниченной самодержавной власти на русской почве выразилась в идее русской родовой монархии как организующем начале народной жизни. Иначе говоря, К.Н. Леонтьев видит в этом корни российской империи. Но значение византизма не только в становлении сильной государственности, но и в формировании культуры России.

Ключевые слова

Византия; византийство; Запад; Россия; западничество; славянофильство; империя; прогресс; консерватизм; культура; религия; христианство.

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) [Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

В 2021 году исполняется 190 лет со дня рождения и 130 лет со дня смерти выдающегося русского философа, писателя, литературного критика Константина Николаевича Леонтьева (13/25.01.1831 – 12/24.11.1891). По образованию врач, по призванию дипломат, по складу мысли религиозный консерватор он незадолго перед смертью (28 августа 1891 г.) принял монашеский постриг с именем Климент, он стал одним из тех, кем по праву гордится отечественная философская наука. К.Н. Леонтьев был участником Крымской войны и пронес через всю жизнь патриотическое отношение к своей Родине, за успехи и неудачи которой он переживал всем своим сердцем (Чижов, 2016). Его философское наследие ставит мыслителя в один ряд с такими выдающимися отечественными философами, как В.С. Соловьев, С. Булгаков, Н.А. Бердяев... (Леонтьев, 2010).

Следует подчеркнуть, что именно его дипломатическая работа в течение 10 лет на консульских должностях на Крите, в Константинополе и других восточных городах способствовала тому, что за это время он имел возможность изучить и понять культурные и исторические традиции славянских народов, которые своими корнями уходят в византийскую цивилизацию.

Эти знания и понимание позволили ему ощутить глобальность и катастрофичность мировых проблем, возникающих на стыке христианского и мусульманского миров (Моцелков, 2000, стр.140).

К.Н. Леонтьев был менее известен, чем его современники – Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев и др. Но он, безусловно, представляет собой элитную личность философско-политической мысли России. В свое время теоретические изыскания К.Н. Леонтьева в целом современники не восприняли по причине их ярко выраженного эсхатологизма. Высказывалось и мнение, что реакционная направленность философских, социально-политических и литературно-эстетических взглядов была очевидна даже его современникам. Однако идеи К.Н. Леонтьева носили замкнуто-элитарный характер и не получили в то время широкого распространения (Овсянников, 1987, стр. 280).

Когда говорят, что для русской интеллигенции начала XX он был малоизвестен, неизвестный, забытый, неразгаданный, сложный, то это далеко не соответствует действительному положению вещей. По числу рецензий среди своих современников К.Н. Леонтьев уступал Ф.М. Достоевскому, едва ли В.С.Соловьеву, но тем не менее постоянно присутствовал в поле зрения.

К тому же, влияние отдельных его идей на развитие философской мысли в России было довольно значительно. Достаточно сказать, что В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский и многие другие искали в его учении и находили те идеи, которые овладевали их умами в данный период. При этом они с немалым удивлением обнаруживали, что эти идеи уже получили развитие в его работах.

Элитологический принцип мышления обнаруживается у философа уже в особенностях самой его этики. Так, Н.А. Бердяев обратил внимание на то, что мораль К.Н. Леонтьева — есть «мораль ценностей, а не мораль человеческого блага. Сверхличная ценность выше личного блага. Достижение высших целей, целей сверхличных и сверхчеловеческих, оправдывает жертвы и страдания истории. Называть это аморализмом есть явное недоразумение. И Ницше не был аморалистом, когда проповедовал мораль любви к дальнему в противоположность морали любви к ближнему. Это — иная мораль... Аморалистом К. Н. можно назвать лишь в поверхностном и условном смысле. Ибо, в конце концов, он утверждает тождество эстетики и морали, он провозглашает особую мораль, как и Ницше. Для него самое существование морали требует разнообразия и контраста, то есть того же, чего требует и эстетика» (Бердяев, 1991). Но еще больше внимания К.Н. Леонтьев уделял эстетике.

ЛИЧНОСТЬ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА: ЦЕЛЬНОСТЬ И ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ

*«Я полюбил жизнь со всеми ее противоречиями»
К.Н. Леонтьев*

Исследователи жизни и творчества К.Н. Леонтьева отмечают, что он многое сказал о себе в романах, повестях, письмах, записях, статьях. Это дает основания оценивать его творчество в целом как широко и страстно написанную автобиографию (Корольков, 1991, стр. 6).

В.В. Зеньковский замечает, что герой повести «Египетский голубь» К.Н. Леонтьева говорит слова, характерные для самого Леонтьева в юности: «Я полюбил жизнь со всеми ее противоречиями и стал считать почти священнодействием мое страстное участие в этой удивительной драме земного бытия» (Зеньковский, 1999, стр. 503). Соглашаясь с выдающимся русским философом и богословом, мы хотели бы подчеркнуть, что восприятие противоречивости жизни осталось у Леонтьева и далее. К тому же, и сама его личность отмечена определенной противоречивостью, несмотря на ее цельность при этом. И здесь

тоже противоречие. Как замечает О.Д. Волкогонова в своей книге о нем, изданной в серии «Жизнь замечательных людей» (2013), К.Н. Леонтьеву была свойственна та самоуверенность, оборотной стороной которой являлась крайняя неуверенность в себе. С одной стороны, он чувствовал в себе силы и таланты, которые, как полагал, дают ему право на неординарную жизнь, с другой стороны, сомневался в себе ежедневно, ежеминутно и страдал от этих сомнений (Волкогонова, 2013).

Приведем ряд характеристик, которые, будучи взяты вкуче, как раз и говорят о противоречивости его личности, воспринимаемой современниками и более поздними исследователями его жизни и творчества:

- «разочарованный романтик» (Г.В. Флоровский);
- «разочарованный славянофил» (С.Н. Трубецкой, С.А. Левицкий);
- «боец консервативной партии» (Ф.М. Достоевский);
- «глубоко консервативный политический мыслитель» (Б.В. Яковенко);
- «оригинальный и талантливый проповедник крайне консервативных взглядов» (В.С. Соловьев);
- «очень оригинальный и самостоятельный мыслитель» (В.В. Зеньковский);
- «гениальный мыслитель», «одиноким мыслитель», «не признанный мыслитель», «самобытный гений» (С.Л. Франк);
- «русский Ницше» (В.В. Розанов, Н.А. Бердяев, В.В. Зеньковский);
- «философ реакционной романтики» (Н.А. Бердяев);
- «пламенный эстет», «эстет из эстетов» (С.Н. Булгаков);
- «первый эстет» России», «один из самых блестящих русских умов»,
- «предшественник Ницше», (Н.А. Бердяев);
- «эстетический сноб» (Овсянников, 1987, стр. 277);¹
- «один из самых блестящих стилистов в истории русской мысли» (С.А. Левицкий);
- эстетизм Леонтьева – это предельное выражение безбожного гуманизма (С.Н. Булгаков);
- война была для него прежде всего эстетическим феноменом (Н.А. Бердяев);

¹ Для эстетического снобизма Леонтьева характерно, например, такое заявление: «Я вообще могу сказать, что у меня давно уже *вкус опережал творчество*» (Овсянников, 1987, стр. 277). Кстати, А. Корольков говорит, что в теоретических рассуждениях Леонтьева нетрудно обнаружить эстетический снобизм (Корольков, 1991, стр. 13).

- эстетический элемент преобладал у него над этикой (свящ. К. Аггеев);
- «сатанист, надевший на себя христианское обличие» (Н.А. Бердяев);
- «философский представитель темного христианства» (Н.О. Лосский);¹
- «сторонник сурового, аскетического и даже деспотического христианства» (Л.Н. Столович);
- «по своей природе и по своему дарованию он прежде всего художник» (Н.А. Бердяев);
- из всех русских писателей он более других склонен орудовать глыбами времени (О. Мандельштам).

Покажем некоторые из этих характеристик в развернутом виде.

Гениальным мыслителем называл К.Н. Леонтьева С.Л. Франк в статье «Русское мировоззрение» (1924). Интересно, что так он оценивает его в ряду других известных русских мыслителей: Хомякова, Киреевского, Чаадаева, Владимира Соловьева, называя их просто по фамилиям (Франк, 1992, стр. 474). В то же время С.Л. Франк отмечает, что именно Владимир Соловьев оказал мощное влияние на К.Н. Леонтьева в последние годы его жизни, хотя и был гораздо моложе его (Франк, 1992, стр. 497).

В этой же работе С.Л. Франк называет К.Н. Леонтьева одиноким мыслителем. Приведем две его мысли в связи с этим. Так, выделяя две эпохи в истории русских духовных течений XIX века в области религиозной философии и религиозного мировоззрения: одна – 1830-50-е годы, другая начинается в 1880-е гг. В.С. Соловьевым, С.Л. Франк говорит, что между двумя этими эпохами загорается как одинокая звезда, совершенно не замеченный современниками самобытный гений Константина Леонтьева (Франк, 1992, стр. 493).

Продолжая эту мысль, С.Л. Франк констатирует, что между «славянофилами» и «западниками», не принадлежа ни к одной из этих партий и заметно возвышаясь над большинством их представителей, стоит одинокая фигура Константина Леонтьева – мыслителя, в свое время совершенно не признанного, к которому относились с пренебрежением и значительность которого русским стала ясна лишь в последнее время (Франк, 1991, стр. 496).

Более того, по мнению С.Л. Франка, Леонтьев не только не философ в узкоспециальном смысле, не систематизатор, но даже и не теоре-

1 По Н.О. Лосскому, темное христианство основано не на любви, а на страхе. Причем даже не на страхе Божиим, а просто на страхе перед всякими земными бедами, особенно на страхе смерти (Лосский, 1994, стр. 213).

тик вообще, поскольку мысль в целом прокалена горячей страстью и направлена исключительно на оценку жизни. Это русский Ницше, утверждает С.Л. Франк, - как по стилю, так частично и по содержанию своего мышления (Франк, 1991, стр. 496).

В работе «Крушение кумиров» С.Л. Франк в контексте горьких рассуждений о том, «сколько жертв вообще было принесено на алтарь революционного или «прогрессивного» общественного мнения» также называет К.Н. Леонтьева гением: «Аполлон Григорьев и Достоевский, Лесков и Константин Леонтьев – вот первые приходящие в голову, самые крупные имена гениев или по крайней мере настоящих вдохновенных национальных писателей, травимых, если не затравленных, моральным судом прогрессивного общества» (Франк, 1990, стр. 154).

Известно, что еще В.С. Соловьев, определявший К.Н. Леонтьева как «оригинального и талантливое проповедника крайне консервативных взглядов» (Соловьев, 1990, стр.464), писал, что в своем презрении к чистой этике и в своем культе самоутверждающейся силы и красоты К.Н. Леонтьев предвосхитил многие мысли Ф. Ницше (Соловьев, 1990, стр.467).

Обратим внимание на историю отношений К.Н. Леонтьева с В.С. Соловьевым в изложении В.В. Зеньковского. Будучи близок к русским реакционным кругам (М.Н. Катков и др.) лишь по политическим вопросам, Леонтьев был им чужд по существу религиозно-философского мировоззрения, и по этой причине у него было мало друзей и близких по духу людей. Главная причина его одинокой и печальной жизни, не столько в его идеях, сколько в его глубокой *принципиальности* (курсив Зеньковского – автор). Страстное отношение Леонтьева к своим идеям и построениям в случае принципиальных разногласий с людьми, их не разделявшими, приводило к разрыву с ними, как это произошло с В.С. Соловьевым, влияние которого он испытал на себе, которого любил, ценил. В.С. Соловьев тоже высоко ценил Леонтьева, но тоже был по-своему принципиален. К.Н. Леонтьев совершенно порвал с Соловьевым после того как тот сделал доклад на тему «Об упадке средневекового миросозерцания», в котором проповедовал прогресс в духе западной демократии. К.Н. Леонтьев же был решительным и категорическим противником всякого «эгалитарного движения» (Зеньковский, 1999, стр. 504).

Добавим к этому два факта его принципиальности. Так, известно, что в 1864 г. К.Н. Леонтьев нанес «оскорбление действием», ударив хлыстом французского консула Дерше, за его грубый отзыв о России и

о нем самом как русском человеке¹. А в 1873 году он бросил дипломатическую службу из-за принципиальных разногласий с руководителями внешней политики в России.

В этой принципиальной верности своим взглядам проявляется цельность его личности по формуле «не могу поступаться принципами». Известно, что в оценке творчества К.Н. Леонтьева еще при жизни не было единства, наоборот, оно вызывало довольно жаркие споры. При этом, и сторонники, и противники его идей никак не могли ему простить его неуступчивости, неговорчивости, негибкости. Но по сути это была твердая позиция в отстаивании своих взглядов, что и говорит о цельности его личности.

Глубоко консервативным политическим мыслителем считал К.Н. Леонтьева Б.В. Яковенко, относя его к группе мыслителей-славянофилов. Следует заметить, что современные исследователи менее категоричны в отношении славянофильства К.Н. Леонтьева. Они считают, что в принципиальной оценке перспектив развития Европы и России К.Н. Леонтьев сближался со славянофильством, но славянофилом никогда не был. Заметим, что по свидетельству Н.А. Бердяева, сам К.Н. Леонтьев однажды назвал себя славянофилом, но только в смысле любви к своеобразию культуры России.

Хотелось бы обратить внимание вот на какой пример противоречивости натуры К.Н. Леонтьева. Этот пример связан не с его научно-философской деятельностью, а с личной жизнью, но в контексте разговора о его личности может быть вполне уместен здесь.

Во время дипломатической службы на Востоке у него были многочисленные страстные увлечения женщинами. Причем даже присутствие красавицы-гречанки жены его не смущало, хотя она была осведомлена об его любовных похождениях. В общении с женщинами К.Н. Леонтьева не сдерживали никакие нравственные христианские добродетели. При этом он в дальнейшем хотя и отзывался критически о своем культе сладострастия, но никогда не осуждал языческие страсти, исходя из чисто моральной дидактики. Бывало, что он жаждал признания своих талантов, но бывало даже, что успех у женщин радовал его более, чем литературный успех.

На наш взгляд, этот пример о его любовных похождениях не делает ему чести. И мы не можем принять позицию А.М. Коноплянцева, автора подробной биографии К.Н. Леонтьева, отмечающего, что это не был простой пошлый разврат, которому предаются многие люди. Здесь был разврат, возведенный в поэзию. Это были по своему идеалу

1 Тем не менее, однажды, уже позже этого случая, он признался, что нынешняя Россия ему не нравится. И поэтому он не знает, стоит ли за нее или на службе ей умирать?

те вершины красоты, вечной, сияющей, которые не только не доступны многим другим людям, но они их и не замечают (эта история и позиция биографа изложены нами по книге А.А. Королькова (Корольков, 1991, стр.13).

«Разврат, возведенный в поэзию» - звучит для нас, по меньшей мере, странно. Разврат верующего человека он и есть разврат, причем здесь поэзия?! Значит, у других людей многочисленные измены жене, хорошо знающей об этом (да если бы даже и не знающей!), это разврат, а здесь, видите ли, поэзия.

Более того, о какой поэзии можно говорить, если принять в внимание предположение Н.А. Бердяева. Так, он замечает, что во время жизни в Тульче, где К.Н. Леонтьев был вице-консулом, начались первые признаки умопомешательства его жены от ревности, на почве измен мужа (Бердяев, 1991, стр. 172). На этом «поэзия» и закончилась – болезнь жены была тяжелым испытанием всей его дальнейшей жизни.

Немного о противоречивости личности К.Н. Леонтьева уже как философа, мыслителя. Не стремясь создать стройную систему своих взглядов в историософии, он опирался на разные, а то и взаимоисключающие философские системы. Так, в его работах по соседству размещаются революционер А.И. Герцен с его критикой западной буржуазной жизни, Г. Спенсер - один из родоначальников эволюционизма, идеи которого пользовались большой популярностью в конце XIX века, основатель органической школы в социологии; идеолог либерализма, Эд. Гартман - один из представителей пессимистического иррационализма XIX в., В.С. Соловьев - объективный идеалист, первый русский «системный» философ, пантеист, хотя он всегда считал себя православным, но полагал единственность материального мира и абсолюта. В трудах этих авторов К.Н. Леонтьев находил аргументы для своих теоретических построений. Более того, он не чуждался и Корана, придерживаясь при этом ортодоксального православия.

Вот еще примеры противоречивости его личности как мыслителя. Сторонясь русской идеи с ее желанием утвердить на земле Царство Божие, он в то же время был истинно русским мыслителем, считавшим, что именно России предстоит стать лидером в деле духовного обновления мира (Доброхотов, 1993, стр. 293-294).

Противоречивость натуры К.Н. Леонтьева проявляется практически во всем, в том числе и в его эстетических взглядах. Так, С.Н. Булгаков в 1916 г. в докладе о К.Н. Леонтьеве с раздраженным недоумением вопрошает: почему же он, пламенный эстет, словно не услышал слов Ф.М. Достоевского, что *красота спасет мир*, и прошел мимо этой

напряженнейшей трагедии красоты, в которой «Бог с дьяволом борется в человеческом сердце»

Относительно эстетики К.Н. Леонтьева обратим внимание и на другие слова С.Н. Булгакова, вот в каком контексте. Отмечая известную сухость и прозаичность современной церковности, которые связаны именно с ее эстетической бескрылостью, он подчеркивает, что такое эстетическое оскудение отнюдь не составляет нормы церковной жизни, о чем красноречивей всего свидетельствует несравненная красота православного культа и художественные сокровища его литургики.

Далее С.Н. Булгаков замечает, что в этом отношении знаменательно явление К.Н. Леонтьева, эстета из эстетов, который, однако, нашел себе религиозный и эстетический приют в лоне православия, в тиши Афона и Оптиной, на послушании у старца Амвросия, и кончил дни иноком Климентом (Булгаков, 1994, стр.329).

Н.А. Бердяев назвал К.Н. Леонтьева «первым эстетом» России. Были, конечно, в России люди, которые занимались эстетикой профессионально, - искусствоведы, литературные, музыкальные и театральные критики и т. п. Но, они, по выражению Леонтьева, занимались эстетикой «отраженного мира». У К.Н. Леонтьева была совсем иная эстетика - «живого мира», прежде всего социального мира с его контрастами, полюсами, борьбой, многообразием социальных форм, иерархией, гармонией и т. д. Искусствоведческие интересы у него были на втором или третьем плане.

По словам Н.А. Бердяева, К.Н. Леонтьев и над вопросами социологии и философии истории задумывался под влиянием эстетических впечатлений. В итоге в его сознании произошло сближение и совпадение эстетических и натуралистических восприятий и критериев (Бердяев, 1991, стр. 194).

Приведем еще одну важную мысль Н.А. Бердяева об эстетике К. Леонтьева. Н.А. Бердяев утверждает, что эстетический критерий К.Н. Леонтьев считает применимым ко всему, т.е. во всем бытии видит существенно эстетические признаки. Критерий же этический захватывает сравнительно узкую сферу. При столкновении эстетики с моралью он отдает онтологическое предпочтение эстетике (Бердяев, 1991, стр.199).

Интересно, что такую же оценку эстетике, отдавая ей приоритет в сравнении с этикой, дал в Нобелевской лекции И.А. Бродский (8 декабря 1987): «Всякая новая эстетическая реальность уточняет для человека реальность этическую. Ибо эстетика - мать этики; понятие «хорошо» и «плохо» - понятия прежде всего эстетические, предваряющие категории «добра» и «зла». В этике не «все позволено» потому, что в эстети-

ке не «все позволено», потому что количество цветов в спектре ограничено. (Бродский, 1987). Надеемся, что некоторые аспекты цельности и противоречивости личности К.Н. Леонтьева нам удалось показать.

К.Н. ЛЕОНТЬЕВ О ПРОГРЕССЕ

«А жизнь видимо пошлеет от прогресса».
К.Н. Леонтьев

Слова, взятые нами в качестве эпиграфа, могут поставить читателя в тупик, или, по крайней мере, заставят задуматься, о каком же прогрессе идет речь. Надо сказать, что среди многих проблем, над которыми работал К.Н. Леонтьев, тема прогресса была одной их ведущих. В автобиографии «Моя литературная судьба» он написал: «Надо много *мыслить*, а я утомлен нестерпимо и мне хочется только *думать*. А если уж *мыслить*, то над чем-нибудь более *решительным*, над «Прогрессом и Развитием» (Леонтьев, 2010). Все его зрелые годы прошли под знаком глубоких размышлений над темой прогресса и культуры.

Строго говоря, у К.Н. Леонтьева не было систематизированных трудов по философско-политической тематике, но, тем не менее, в его статьях можно обнаружить оригинальную и достаточно стройную концепцию историко-культурного процесса. Тоже, если угодно, противоречивость, о чем мы говорили в предыдущем параграфе.

О том, какие результаты европейского прогресса вызвали в К.Н. Леонтьеве «эстетическое отвращение и ужас» (Н.А. Бердяев), рассмотрим в этом разделе нашей статьи.

В понятии прогресса (от лат. progressus - продвижение, успех) отражается такой тип развития, для которого характерно движение вперед к более совершенному, осуществляющееся на основе перехода от низшего к высшему, от простого к более сложному.

Очевидно, что в отношении к светскому прогрессу одни люди верят в светский прогресс как самодовлеющую, безусловную ценность и отрицают религию как несовместимую с ним, как давно превзойденную мировым прогрессом ступень сознания. Другие же, напротив, исходя из безусловной ценности религии, в большей или меньшей степени обнаруживают склонность к отрицанию светской культуры.

Наиболее ярким выразителем этого образа мысли у нас в России является К.Н. Леонтьев, для которого прогресс как таковой представляет *отрицательную ценность* (курсив Е.Н. Трубецкого – автор) (Трубецкой, 1994, стр. 190). Поэтому К.Н. Леонтьев старался подбирать всё новые и новые аргументы, развенчивающие идеалы прогресса.

Очевидно, что сторонники прогресса трактовали историческое развитие как поступательное движение общества от низших ступеней к высшим ступеням, к достижению материального благополучия, всеобщего гражданского равенства и демократических свобод. Цель прогресса, как известно, есть достижения счастья всего человечества.

По К.Н. Леонтьеву, в прогресс верить надо, только как в новое перерождение тягостей жизни, но не как в неперемнное улучшение, т.е. правильная вера в прогресс должна быть пессимистическая, а не благодушная, все ожидающая какой-то весны.

Идеи цикличности развития, которые формулировал К.Н. Леонтьев, находились в прямом противоречии с популярными в то время концепциями прогресса. Цикличность в развитии общества подобна фазам развития организма, где есть эмбриональный период, рождение, рост и расцвет всех возможностей, но есть также угасание и смерть.

Для обозначения процесса реализации этих идей К.Н. Леонтьев употребляет понятие «эгалитарно-либеральный», т.е. «уравнительно-освободительный» прогресс. Понятие эгалитарно-либерального прогресса у него двойственно: в одной формуле объединены стремление к свободе и стремление к равенству.

К.Н. Леонтьев анализирует последствия эгалитарно-либерального прогресса для форм национальной культуры и национальной государственности. Он рассматривает эгалитарно-либеральный прогресс как антитезу процессу развития. Так, идея развития понимается им как закон жизни и смерти любой органической системы, в том числе и национальных государств.

С.А. Левицкий обращает внимание на то, что, по мнению К.Н. Леонтьева, к началу XIX века Западная Европа находится на пути «эгалитарного процесса», т.е. умирания культуры, тогда как Россия еще не достигла периода культурного расцвета. Следовательно, влияние западных уравнительных идей может оказаться для России тем смертельным ядом, который способен погубить ее раньше, чем она найдет самое себя. Здесь видится продолжение славянофильской линии. Но в отличие от славянофилов К.Н. Леонтьев положительно расценивает западное влияние на Россию до конца XVIII века. В то время еще и сама Европа находилась в периоде своего расцвета. Это дает основания К.Н. Леонтьеву славословить Петра Великого и Екатерину II. Тем больше он негодует против современного ему Запада, с одной стороны, обуржуазенного, с другой, зараженного духом социализма (Левицкий, 1996, стр. 127).

Мещански-утилитарный и эвдемонистический идеал «прогресса» отвергается К.Н. Леонтьевым по всем трем критериям его мировоззрения. Он отвергается им *научно* – за «мечтательство» под флагом мнимого реализма. Он отвергается им *эстетически* – за однообразие и унисон и, наконец, *религиозно* – за безбожную и высокомерную мечту о земном счастье вне Бога (Левицкий, 1996, стр. 130).

Известно, что почвенники, к которым можно отнести и К.Н. Леонтьева призывали обратиться к национальной «почве». Имелось в виду, что надо придерживаться социальных и культурных традиций, еще не затронутых западным влиянием. Они глубоко верили в то, что именно Россия, русский народ призваны спасти человечество. Но для этого необходимо вобрать в себя все лучшие достижения мировой культуры, исключив присущие Западу пороки. Вот эту идею мирового избранничества России особенно страстно развивал К.Н. Леонтьев в своих многочисленных работах.

По мнению С.А. Левицкого, в истории русской и мировой мысли вряд ли можно найти столь откровенную и пламенную ненависть к тому царству всеобщего мещанства, которое, по убеждению К.Н. Леонтьева, составляет объективный смысл того, что он называл «эгалитарным процессом», понимая под этим западное идолопоклонство всеобщей пользы и земного рая. Здесь он солидаризируется с А.И. Герценом.

С.Н. Булгаков отмечал, что национальная исключительность России нашла себе теоретика в лице Н.Я. Данилевского, в его чрезвычайно интересном сочинении «Россия и Европа». Охранительные тенденции с наибольшей решительностью выражены К. Леонтьевым с его учением о «подмораживании ради охранения» (Булгаков, 2006, стр. 631).

Мещански-утилитарный и эвдемонистический идеал «прогресса» отвергается К.Н. Леонтьевым по всем трем критериям его мировоззрения. Он отвергается им *научно* – за «мечтательство» под флагом мнимого реализма. Он отвергается им *эстетически* – за однообразие и унисон и, наконец, *религиозно* – за безбожную и высокомерную мечту о земном счастье вне Бога (Левицкий, 1996, стр. 130).

Процесс исторического развития, по К.Н. Леонтьеву, ничего общего с западноевропейскими теориями прогресса не имеет. Развитие даже по нисходящей линии есть естественный упорядоченный процесс. Эгалитарно-либеральный прогресс, в основе которого лежит борьба за равенство и свободу, направлен на разрушение порядка, деградацию общества, ниспровержение государственных, религиозно-церковных и социальных устоев.

Прогресс враждебен культуре и ведет её к гибели. Идеи прогресса в такой интерпретации были для К. Н. Леонтьева не только неприемлемыми, но и глубоко презируемыми.

Идея прогресса, то есть непрерывного поступательного движения общества по восходящей линии от низшей ступени к высшей, противоречит, согласно К.Н. Леонтьеву, даже здравому рационализму и науке.

Идеи прогресса, понимаемого как движение к всеобщему благу, являются просто иллюзорными. Всеобщее помешательство на почве уравнительного материального благополучия есть не что иное, как погоня за призраком, новая форма религиозного суеверия. Во всех религиях, кроме их поэтичности, рассуждает К.Н. Леонтьев, есть хоть что-то реальное, а в идее всеобщего блага реального нет ничего. Точно так же, как и идею всеобщего блага, К.Н. Леонтьев высмеивал и претензии сторонников прогресса на построение счастливого будущего.

Как органическая природа живет разнообразием, антагонизмом и борьбой, обретая в этом единство и гармонию, так и человеческое общество не может основываться только на счастье и добре. Дело в том, что зло так же присуще нравственной природе человека, как боль и страдания присущи его телу. Но вера либералов и мирных прогрессистов слепа. Западный прогресс, по мнению К.Н. Леонтьева, это не процесс развития, а процесс разложения, процесс уничтожения особенностей и своеобразия, присущих национальным культурам. Как пишет русский мыслитель-консерватор, либерализм давно уже трудится над разрушением культурных миров.

Для К.Н. Леонтьева ясно, что движение по пути прогресса неизбежно приведет к кризису культуры, ибо культура есть не что иное, как своеобразие. Главная беда эгалитарного прогресса заключается в том, что он несет бесцветную, однообразную, унифицированную культуру — именно то, что в XX в. получило название «массовая культура».

К.Н. Леонтьев показал, что если предположить, что ведущие идеи прогресса — идеи равенства и свободы будут воплощены на практике, то их воплощение в жизнь приведет к прямо противоположным результатам. Идея равенства приведет к новой форме рабства, а идея свободы к новой форме деспотизма, причем такого, перед которым померкнут все предыдущие формы.

Он считал, что люди, выступающие под знаменем прогресса, видят только завтрашний день и не могут мыслить перспективно. Они даже не задаются вопросом о пределах свободы в обществе, мечтая перепрыгнуть из царства необходимости в царство свободы. А ведь все

великие перемены в обществе, отмечал К.Н. Леонтьев, вели не к безграничной свободе, а вводили новые стеснительные ограничивающие начала.

По мнению Б.В. Яковенко, во взглядах К.Н. Леонтьева доминирующую роль играют пять идей: 1) идея трехступенчатого органического развития государства и общества; 2) идея эгалитарно-буржуазной уродливости современной Европы; 3) идея византийского происхождения и византийского характера русской культуры; 4) идея власти, 5) идея красоты. (Яковенко, 2003, стр. 309).

На триединый (трехступенчатый) процесс развития обращают внимание все исследователи, в том числе и современные.

Так, профессор Е.Н. Моцелков пишет, что, по К.Н. Леонтьеву, эволюционируя, эти системы проходят три стадии: 1) первичная простота, 2) цветущая сложность, 3) вторичное смесительное упрощение. Любая система, пройдя эти фазы, неизбежно гибнет. Исторические рамки эволюционного пути национальных государств равны X - XII векам. Будущее России К.Н. Леонтьев рассматривал именно в фокусе этой концепции (Моцелков, 2000, стр. 140-141).

На основании этого вывода о такой продолжительности государства К.Н. Леонтьев предрекает Европе скорый упадок, черты которого проступают в образах "среднего человека" и "псевдогуманной пошлости".

Об этом же законе «триединого процесса развития», который в равной степени относится и к природе, и к обществу говорит и Л.Н. Столович. Он подчеркивает (с учетом эстетизма К.Н. Леонтьева), что только второй период («цветущей сложности») соответствует эстетическому критерию, тогда как последний (вторичного смесительного упрощения) есть «разложение и однообразие (Столович, 2005, стр.162).

По мнению В.П. Рожкова, «натурализм» в философско-исторических изысканиях К.Н. Леонтьева проявляется, прежде всего, в апелляции к космическому закону разложения, который раскрывается им в идее триединого процесса движения всего существующего во времени и пространстве. Фазы данного процесса обозначаются им как «первоначальная пустота», «цветущая сложность» и «вторичная пустота» (Рожков, 1988, стр. 193).

На основе этой схемы К. Н. Леонтьев обосновал идею цикличности развития государств, народов, культур, выдвинутую Н. Я. Данилевским. Цикличность в развитии общества подобна фазам развития организма, где есть эмбриональный период, рождение, рост и расцвет всех возможностей, но есть также угасание и смерть.

В принципе в прогресс верить можно и нужно, считал К.Н. Леонтьев, но не как в улучшение непременно, а только как в новое перерождение тягостей жизни, в новые виды страданий и стеснений человеческих. Правильная вера в прогресс должна быть пессимистическая, а не благодушная, все ожидающая какой-то весны.

В каждой органической системе заложен механизм саморазрушения и при достижении высшей точки развития начинается рассогласованность между составляющими ее частями. Усложнение составных частей системы переходит те границы, в рамках которых система сохраняет устойчивость. Начинается переход от цветущей сложности к вторичному смесительному упрощению, который представляет собой процесс дезорганизации системы.

ВИЗАНТИЗМ В ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ РОССИИ

*«Для существования славян необходима мощь России.
Для силы России необходим византизм».*

К.Н. Леонтьев

О сущности политического мировоззрения К.Н. Леонтьева весьма точно выразился В.С. Соловьев. «Вот главные черты его культурно-политического идеала, как он сам его резюмировал: «государство должно быть пестро, сложно, крепко, сословно и с осторожностью подвижно, вообще сурово, иногда и до свирепости; церковь должна быть независимее нынешней, иерархия должна быть смелее, властнее, сосредоточеннее; быт должен быть поэтичен, разнообразен в национальном, обособленном от Запада единстве; законы, принципы власти должны быть строже, люди должны стараться быть лично добрее — одно уравнивает другое: наука должна развиваться в духе глубокого презрения к своей пользе». Идеал Л. [Леонтьева] был византийским, а не славянским; он прямо доказывал, что «славянство» есть термин без всякого определенного культурного содержания, что славянские народы жили и живут чужими началами. Их нынешняя культура складывается отчасти из слабых остатков традиционного византизма, большей же частью — из стремительно усвоенных элементов прогрессивного европеизма. Этот второй, ненавистный Л. [Леонтьева] элемент решительно преобладает у славян австрийских, а в последнее время возобладал и у балканских.

Поэтому слияние славян с Россией, к которому стремится панславизм, не только не может быть целью здоровой политики с русской точки зрения, но было бы прямо для нас опасным, так как усилило бы но-

выми струями уравнительного прогресса наши разлагающие демократические элементы и ослабило бы истинно консервативные, т.е. византийские начала нашей жизни» (Соловьев, 1991, стр.562-564).

Мы позволили себе привести столь обширную цитату, поскольку в ней В.С. Соловьев раскрыл содержательную часть политической философии своего современника, с которым был знаком и общался с 1883 г.

Представляется небезынтересным в общих чертах сравнить взгляды В.С. Соловьева и К.Н. Леонтьева на роль Византии в развитии религии, культуры и государственности России, тем более, что и названия их работ похожи: «Византизм и Россия» (В.С. Соловьев) и «Византизм и славянство» (К.Н. Леонтьев).

В.С. Соловьев в работе «Византизм и Россия» констатирует, что гибель Византии дала сильный толчок историческому сознанию того народа, который вместе с крещением получил от греков и понятие христианского царства (Соловьев, 1991, стр. 192).

В.С. Соловьев считает, что православная Византия погибла вовсе не от столкновения с материальной силой турок-мусульман и подчеркивает, что материальная сила, как показывает исторический опыт, сама по себе есть бессилие. Он указывает на внутреннюю, духовную причину падения Византии – ложный характер самой их веры, т.е. их ложное отношение к христианству: *истинную идею они понимали и применяли неверно*. Их вера не была движущим началом жизни, а только предметом их умственного признания и обрядового почитания (Соловьев, 1991, стр.193).

Византия погибла не потому, что была несовершенна, а потому, что не хотела совершенствоваться. Люди забыли о грехе общественном, иногда каясь в личных грехах своих. И далее В.С. Соловьев высказывает сильную мысль: царства, как собирательные целые, гибнут только от грехов собирательных – всенародных, государственных. А спасаются только исправлением своего общественного строя или его приближением к нравственному началу (Соловьев, 1991, стр. 194).

К мысли о несовершенстве В.С. Соловьев обращается и еще, утверждая, что в несовершенном мире достоин существования только тот, кто совершенствуется. Так что Византия погибла потому, что чуждалась самой мысли о совершенствовании (Соловьев, 1991, стр. 206). Византия оказалась неспособной к своему высокому назначению – быть христианским царством, стала терять внутреннюю причину своего существования и умерла нравственно (Соловьев, 1991, стр.195-196).

На этом фоне славяно-финская народность, которая была оплодотворена германцами, - Россия с самого начала своей исторической

жизни обнаружила преимущества своего религиозно-политического сознания перед византийским. Так, первый киевский христианский князь Владимир понял, что *истинная вера обязывает* переменить правила жизни, своей и общей, согласно с духом новой веры (Соловьев, 1991, стр.196).

В.С. Соловьев считает, что первым носителем царского самодержавия в России следует признать Ивана IV не только по фактической полноте власти, но и по ясному сознанию о характере и источнике этой власти. Он есть самое значительное, характерное и интересное лицо в нашей истории между Владимиром Святым и Петром Великим (Соловьев, 1991, стр. 199). Трудно с этим не согласиться.

Выделим некоторые аспекты, связанные с развитием России в XVII веке, как это изложено у В.С. Соловьева:

- чтобы стать на путь христианского царства, Россия нуждалась в осознании своей несостоятельности и в решении действительно улучшить свою жизнь. Крепкое государство было создано Москвою, национальное существование обеспечено (Соловьев, 1991, стр. 206);
- Россия избежала участи Византии, потому что осознала свою несостоятельность и решила усовершенствоваться. Великий момент этого осознания и решения был воплощен в лице Петра Великого, благодаря которому Россия обличила и отвергла византийское искажение христианской идеи – самодовольный квиетизм¹ (Соловьев, 1991, стр. 207);
- дело состояло в том, чтобы дать России возможность стать христианским царством, т.е. исполнить ту задачу, от которой отреклась Византия (Соловьев, 1991, стр. 207).

В.С. Соловьев убежден в том, что политика христианского государства должна быть *христианской* политикой. Здесь возникает вопрос об отношении к церкви, которая представляет собой основы христианства на земле. Проблема Византии оказалась в том, что иерархи греческой церкви рано отказались от своей обязанности представлять перед своим государством вечную правду, во имя которой оно должно управлять жизнью народов. Условием искажения царской власти и крушения Византии как раз и стал характерный для византизма церковно-государственный строй.

Совсем иначе обстояло дело в Древней Руси, где были задатки более правильных отношений между духовным и светским началами,

1 (фр. *quietisme*, от лат. *quietus* — спокойный, безмятежный, *quies* — покой) — мистическо-созерцательное направление в католической духовности, отрицающее человеческую активность и ответственность

между церковью и государством, но эти задатки в силу исторических условий не могли развиваться (Соловьев, 1991, стр. 210). Первым, кто осознал, что вавилонско-византийский деспотизм в Московской Руси неприемлем, был Петр. Именно он осознал необходимость самостоятельного религиозного авторитета в его истинном смысле: восполнение царской власти, а не ее ограничение (Соловьев, 1991, стр.210-211).

Можно смело утверждать, что величие Петра Великого в том, что он и был, и осознавал себя верховным представителем настоящих интересов своего отечества. Петр, хорошо зная своего сына Алексея, понимал, что тот не только не способен управлять Россией, но будет великой опасностью для ее будущего. Потому и устранил его от престолонаследия (Соловьев, 1991, стр. 218).

В целом В.С. Соловьев с большой симпатией относится к Петру I и положительно оценивает его деятельность, считая его реформы естественными, правдивыми, а потому и прочными. В.С. Соловьев решительно не соглашается с обвинениями в адрес Петра I в том, что тот будто бы унизил авторитет церкви и подавил свободу народной жизни. По В.С. Соловьеву, вина за ненормальные условия русской жизни скорее должна быть возложена на патриарха Никона, при котором произошел народно-церковный раскол, и который не был носителем вселенского христианства, а только византийского «благочестия» (Соловьев, 1991, стр.220-221). В.С. Соловьев делает вывод, что византизм со стороны религиозной и церковной уклоняется от полноты христианства не в том, что почитает церковь как сверхъестественную святыню, а в том, что он ограничивает и умаляет само церковное предание, превращая *вселенское* предание в предание местной старины (Соловьев, 1991, стр.225-226).

В.С. Соловьев обращает внимание на то, что когда Византия была царствующим градом, главным средоточием христианского Востока, а греки византийские были господствующим народом в православном мире, то Константинополь получил центральное значение. Но в XV веке с падением Константинополя перед турками и освобождением России от татар, политическое средоточие христианского Востока перешло из Византии в Москву, в силу чего господствующим народом «благочестивого закона» вместо греков становятся русские. Москва была объявлена наследницей всех преимуществ и притязаний Византии – как политических, так и церковных. Важно и то, что кроме физического могущества Москва имела перед Византией, покоренной неверными, и внутреннее превосходство. Поскольку было опасение грекам трудно сохранить чистоту православия под мусульманским владычеством, то истинное благочестие должно сохраняться и только в

России, которая находится под благочестивыми государями (Соловьев, 1991, стр. 226-227).

Как видим, В.С. Соловьев отдает должное Византии за ту роль, которую она сыграла в истории религии и государственности вообще, и в России, в частности. В то же время, он указывает на ошибки Византии и признает естественным и правильным переход к России мирового лидерства, как в государственных делах, так и в религиозных. Получив православное христианство из Византии в том виде, которое оно имело там, в X и XI веке, Россия вместе с православием получила и церковный византизм. Владимир Сергеевич также, можно сказать, с видимым удовольствием отмечает черты преимущества России перед Византией, особенно в духовном плане.

Иное отношение к Византии мы видим у К.Н. Леонтьева. Об этом четко и однозначно сказал В.С. Соловьев: «Идеал Леонтьева был византийским, а не славянским; он прямо доказывал, что «славянство» есть термин без всякого определенного культурного содержания, что славянские народы жили и живут чужими началами. Их нынешняя культура слагается отчасти из слабых остатков традиционного византизма, большей же частью – из стремительно усвоенных элементов прогрессивного европеизма» (Соловьев, 1900, стр. 467).

Обратимся к работе «Византизм и славянство» - главному произведению К.Н. Леонтьева, которое иногда называют программным. Эту работу он писал в 1872 г, а опубликовано лишь в 1875 г. Дело в том, что в журнале М.Н. Каткова «Русский вестник» К.Н. Леонтьеву отказали и впервые оно было опубликовано в третьем номере «Чтений в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете» в 1875. В следующем году она вышла отдельным изданием, а затем вошла в классический сборник статей «Восток, Россия и Славянство», увидевший свет в двух томах в 1885—1886 годах.

Заметно, что так же как В.С. Соловьев положительно оценивает роль Петра I в развитии России, в становлении ее имперскости и К.Н. Леонтьев. В заслугу Петру он ставит следующее:

- если до Петра в России было больше однообразия в социальной, бытовой картине ее, больше сходства в частях, то с Петра началось более ясное, резкое расслоение нашего общества, явилось то разнообразие, без которого нет творчества народов;
- Петр еще более утвердил и крепостничество. Несмотря на подчинение царизму, российское дворянство, поставленное между активным влиянием царизма и пассивным влиянием крестьянских ассоциаций, начало расти умом и властью;

- деспотизм Петра был прогрессивным и аристократичным в смысле указанного выше расслоения общества. Тот же характер имел и либерализм Екатерины II;
- самодержавие Петра расслоило крепче прежнюю Россию и более прежнего приготовило аристократические, разнообразные по содержанию эпохи Екатерины и Александра I (Доброхотов, 1993, стр.304).

Именно в этой работе К.Н. Леонтьев, можно сказать, воспел византизм и показал его роль в становлении государственности и культуры России, полагая, что корни российской имперскости находятся как раз в Византии.

Понятие «византизма» является центральным понятием всей историософской концепции К.Н. Леонтьева. Он первым применил термин «византизм», ввел его в систему философских понятий. Теоретическое обоснование византистских идей и возможность их дальнейшего развития в новых исторических условиях дано им в работе «Византизм и славянство», которая во многом может быть названа пророческой.

К.Н. Леонтьев начинает свое произведение «Византизм и славянство» с четкого вопроса: «Что такое византизм?». И дает четкий же ответ. По К.Н. Леонтьеву, «византизм» - это особого рода «образованность», которая сменила греко-римскую образованность и предшествовала романо-германской образованности, или «культура» со своими отличительными признаками, своими общими, ясными, резкими, понятийными началами и своими определенными в истории последствиями.

В то же время как «славизм» пока еще загадка, сфинкс. Если в отвлеченной, но в то же время ясной и понятной идее византизма мы видим комплекс религиозных, государственных, нравственных, философских и художественных идей, то во всеславянстве ничего подобного нет. «Славизм» представляет собой некую аморфную абстракцию. К.Н. Леонтьев выделяет следующие основополагающие черты византизма: в государстве это самодержавие; в религии это христианство; в области художественной или эстетической это моды, обычаи, вкусы, одежда, зодчество, утварь (Доброхотов, 1993, стр.297).

Заметим, что в оценке духовности, нравственного мира Византии К.Н. Леонтьев практически солидаризируется с В.С. Соловьевым, который видел определенные изъяны в духовном мире Византии. К.Н. Леонтьев утверждает, что в нравственном мире византийский идеал не имеет того высокого, хотя и преувеличенного, понятия о земной человеческой личности, внесенного в историю германским феодализмом.

Наоборот, византийский нравственный идеал склонен к разочарованию во всем земном, в счастье, в способности к полному нравственному совершенству в земной жизни. Византизм, как и христианство в целом, отвергает надежду на всеобщее благоденствие народов, являясь антитезой идеи всечеловеческого в смысле всеобщей свободы, равенства, довольства (Доброхотов, 1993, стр.297).

Напряженные размышления о русском народе, о путях развития России привели К.Н. Леонтьева к очень важному выводу: основой ее будущего государственного устройства должен стать византизм.

Вот как К.Н. Леонтьев оценивает византизм:

- византизм, дал нам силу в борьбе с Польшей, со шведами, с Францией и с Турцией. И если Россия будет верна знамени византизма, то будет в силах выдержать натиск целой интернациональной Европы;
- византийский дух, византийские начала и влияния, как сложная ткань нервной системы, проникают насквозь весь великорусский общественный организм;
- византизм организовал нас, система византийских идей создала наше величие, сопрягаясь с нашими патриархальными началами, с нашим старым и грубым славянским материалом;
- поэтому, изменяя этому византизму даже в тайных помыслах, мы погубим Россию.

Как видим, роль византийских начал в историческом становлении России, по К.Н. Леонтьеву, заключается в том, что византийские идеи и чувства сплотили Русь в одно целое, дали ей силы выстоять под татарским игом и вынести многочисленные войны.

О чем бы ни писал К. Н. Леонтьев, он писал о России и повторял без устали: «Мы стоим у какого-то страшного предела».

В своем анализе истории России К.Н. Леонтьев использовал понятие культурно-исторического типа, разработанное Н. Я. Данилевским, которого он высоко ценил и безоговорочно признавал влияние на разработку собственной концепции. Книга Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» стала для К.Н. Леонтьева настольной книгой и помогла ему в разработке специфически леонтьевского понятия «византизм». Но К.Н. Леонтьев не во всем сходил с Н.Я. Данилевским.

Важный момент в противоположность Н.Я. Данилевскому отмечает С.А. Левицкий у К.Н. Леонтьева. Это их отношение к религии. Н.Я. Данилевский был равнодушен к ней, а К.Н. Леонтьев был не только глубоко верующим человеком, он был фанатично предан православию. Здесь он шел дальше ранних славянофилов. Они были уверены, что Россия должна вернуться к традициям московского быта. К.Н. Леонтьев

же считал необходимым обратиться к первоисточнику православия, к древней Византии, культуру которой он высоко ценил, считая ее образцом для России. Более того, он был уверен, что византийское православие составляет душу России. Резко отрицательно относился К.Н. Леонтьев к национализму в целом, в том числе и к русскому национализму, считая национализм вредной западной идеей (Левицкий, 1996, стр.127).

В программной статье «Византизм и славянство» К. Н. Леонтьев проводит сравнительный анализ России и Западной Европы и показывает принадлежность России не к европейскому, а к другому типу культуры, который он определяет как византийский. Он считал, что Россия должна следовать своим, отличным от Запада, путем развития, обусловленным ее историей, самобытной жизнью и культурой, который позволит ей стать «во главе умственной и социальной жизни всечеловечества». Русский путь, согласно К.Н. Леонтьеву, состоит в следовании византизму: византийский мир, исторически «далеко отошедший», вполне «современен нам», так как органически связан «с нашей духовной и государственной жизнью». Он полагал, что византийский путь является единственным надежным якорем нашего не только русского, но и всеславянского охранения.

К византийским началам относятся также, в той или иной степени, социальное неравенство, иерархия, строгая дисциплина, смирение и послушание. По мнению мыслителя, именно на фундаменте из этих начал, возможно создание истинно прочных общественных и жизненных форм. По сути своей византийские начала носят имперский характер. «говоря «Византия» мы всегда подразумеваем империю – величественную, мощную державу, которая на протяжении целого тысячелетия несла на себе крест мировой гегемонии.¹

1 Профессор П.Л. Карабущенко понимает имперство как мировую гегемонию, как глобальное доминирование, как системное применение военной мощи и мягкой силы. XX век со всей наглядностью показал стабильное геополитическое противостояние двух миров, двух мировых империй – англосаксонского и русского мира. Творить политическую историю могут только самодостаточное государство и самоуважающий себя народ. Россия сама творила свою историю, невзирая на Запад и Восток, смотря себе под ноги и озирая будущее. Величие России есть слагаемое из величия ее общества и государства (Карабущенко, 2016, стр. 145-155). Категоричное утверждение П.Л. Карабущенко о том, что Россия творила свою историю, невзирая на Запад и Восток, представляется нам небесспорным. А вот с мыслью, что творить историю могут только самодостаточное государство и самоуважающий себя народ, спорить трудно, чего мы и не будем делать. Следует подчеркнуть также, что эта мысль перекликается с мыслями К.Н. Леонтьева.

Византизм, перенесенный на европейскую почву после взятия Константинополя турками-османами, дал мощный импульс развитию культуры Западной Европы, в результате чего возник феномен Возрождения, благодаря которому произошло быстрое становление европейских абсолютистских монархий, обеспечивших расцвет национальных культур.

Однако Европа отказалась от византийских начал и утверждение индивидуализма с неизбежностью привели к демократическим лозунгам французской революции: свобода, равенство и братство. Европа, по К.Н. Леонтьеву, уже пережила пору своего высшего расцвета и, начиная с эпохи Просвещения, вступила в последнюю фазу — смешительного упрощения, о чем свидетельствует интернационализация жизни, распространение идей равенства, ведущих к господству серости, потеря национальной самобытности и импульса к культурному творчеству.

Иным был путь России. Приняв православие, она приобщилась к византийской культуре. Византийская культура столкнулась на Руси с культурой, которая находилась ещё в зачаточном состоянии первоначальной простоты. Произошло сопряжение цветущей византийской культуры с патриархальными началами народной жизни, в результате чего сформировалось то целостное государственное и культурно-историческое образование, которое вошло в историю под именем России. Россия не просто страна, а особый мир с собственной целостной системой религиозных, философских, экономических, юридических, художественных идей.

Византизм создал Россию, делает вывод К.Н. Леонтьев. Византийская идея царизма, то есть ничем не ограниченной самодержавной власти на русской почве выразилась в идее русской родовой монархии как организующем начале народной жизни. Православие обеспечило духовное единство народа на основе византийского религиозного идеала. Освящая самодержавие, православие выполняло функцию взаимодополняющего политического основания для русской государственности.

Роль византийских начал в историческом становлении России, по К.Н. Леонтьеву, заключается в том, что византийские идеи и чувства сплотили Русь в одно целое, дали ей силы выстоять под татарским игом и вынести бесчисленные войны. Именно византизм привел к созданию мощного государства, к величию России. Под знаменем византизма Россия «в силах выдержать натиск и целой интернациональной Европы».

Но значение византизма не только в становлении сильной государственности, но и в формировании культуры России. Только византизм, с его точки зрения, способен обеспечить возрождение разнообразия форм духовной жизни, создать предпосылки для утверждения ценностей подлинной культуры.

Под словом «культура» К.Н. Леонтьев понимал не какую попало цивилизацию, грамотность, индустриальную зрелость и т. п., а лишь цивилизацию свою по источнику, мировую по преемственности и влиянию. Под мировой культурой он имел в виду целую свою собственную систему отвлеченных идей - религиозных, политических, юридических, философских, бытовых, художественных и экономических.

Такая система идей есть у каждого народа, обладающего великой культурой; те же народы, которые живут заимствованным багажом и не способны рождать идеи мирового уровня, обладают культурой только номинально. Культурная динамика состоит из трех стадий: «первичная простота», «цветущая сложность» и «смесительное упрощение». Продолжительность жизни государств оценивается в 1000-1200 лет. На основании этого вывода К.Н. Леонтьев предрекает Европе скорый упадок, черты которого проступают в образах "среднего человека" и "псевдогуманной пошлости".

Будучи убежденным, что культура России и по своему источнику, и по духу относится к византийскому типу культуры, он задается вопросом: какое будущее ждет Россию в случае отказа от византийских начал жизни, т. е. от самодержавия и православия? Здесь, на его взгляд, просматривается несколько вариантов:

- тихое, медленное разложение византийских начал путем демократизации. Россия в таком случае пойдет подражательным путем, потеряет свое «национальное лицо» и растворится в западноевропейской культуре. Что же касается ее государственности, то Россия перестанет существовать как великое государство;
- К. Н. Леонтьев был убежден в том, что демократия никогда не впишется в систему государственного устройства России, она его разрушит. Он предупреждал, что не нужно строить иллюзий в отношении демократии и свободы, чуждых русской государственности: порядок в ней держится исключительно самодержавным деспотизмом и централизмом;
- в то же время, видя нарастающую силу революционного движения, он делает предположение о том, что социалистического будущего России избежать. Более того, социализм как глубокий и

отчасти насильственный экономический и бытовой переворот для некоторой части человечества, скорее всего, неотвратим;

- хотя социалистические идеи, по его мнению, ненаучны и являются какой-то непонятной разновидностью религиозно-политического радикализма, но они становятся популярными и привлекательными тем, что эти новые, не испытанные на практике идеи сулят быстрое и простое решение всех социальных проблем;
- пока в XIX в. социалистические идеи распространяют социалистические пророки, но придет XX в., и социалистических пророков сменят социалистические диктаторы. Великие диктаторы могут проявиться только на почве социализма, а сам социализм будет оформлен как государственная религия;
- социализм, как чуждое для России явление будет насаждаться насильственно. Сначала произойдет развал российской государственности, затем произойдет воссоздание собственного государственного механизма, более грубого и жестокого чем любое самодержавие. Вместо обещанных равенства и свободы будет новая форма жесточайшего деспотизма;
- для него было ясно, что законы и порядки, установившиеся после победы социалистических идей в России, будут строгими, принудительными и страшными. Он с иронией замечает, что в таком случае жизнь станет не свободнее;
- вместо свободы личности социализм принесет рабство в новой форме, скорее всего, в виде жесточайшего подчинения лиц мелким и крупным общинам, а общин - государству;
- поскольку созданное государство будет иметь вненациональный и космополитический характер, оно будет чуждо и враждебно России;
- в попытках найти решение о возможности спасения России заключается одно из глубоких противоречий в его мировоззрении. Полагая, что гибель России, как и любого государственного образования, неизбежна, он корректирует свои взгляды и в 1870-е годы разрушению России под влиянием западных либерально-демократических идей он противопоставлял сохранение, и укрепление её византийских начал - самодержавия и православия, призывая «подморозить Россию, чтобы она не гнила»;
- будущее России в это время мыслитель видел в её изоляции от Европы и в возвращении к периоду цветения - некоему возрождению. Разработанный им консервативный идеал устройства России выглядел следующим образом: а) государство должно

быть пёстро, сложно, крепко, сословно, сурово, порой до свирепости, б) церковь должна быть независимей нынешней и должна смягчать государственность, а не наоборот, в) быт должен быть поэтичен, разнообразен в национальном, обособленном от запада, единстве, г) законы, принципы власти должны быть строже, люди стараться быть лично добрее; одно уравнивает другое, д) наука должна развиваться в духе глубокого презрения к своей пользе.

Даже без комментариев ясно, насколько глубок и прозорлив русский мыслитель.

Известно также, что большинство современников К.Н. Леонтьева, воспитанные в рамках европейской культуры не приняли его идей и даже подвергли их искажению.

Для примера. И.С. Аксаков, относившийся враждебно к политическим и церковным взглядам Леонтьева, считал, что К.Н. Леонтьев проповедует «сладострасный культ палки». С.Н. Трубецкой, называл его апологетом «реакции и мракобесия», а идеи византизма — «мертвыми и отжившими», «чудовищной, болезненной утопией».

Неизбежно возникает вопрос, в какой степени идеи К. Н. Леонтьева созвучны XXI веку? Могут ли византийские начала культуры определять развитие России в условиях глобализации?

Сам К.Н. Леонтьев считал, что быть просто консерватором в наше время было бы трудом напрасным. Можно любить прошлое, но нельзя верить в его даже приблизительное возрождение. Консерватизм должен быть творческим. Поэтому можно говорить об основополагающих началах исторического бытия России, названных мыслителем византизмом.

Перед Россией начала XXI века встали те же проблемы, над разрешением которых думал К.Н. Леонтьев. Россия стоит перед историческим выбором: либо пассивное втягивание в орбиту культурного влияния западноевропейской цивилизации и потеря культурно-национальной и исторической индивидуальности, либо свой путь развития.

Если в конце XX века Россия была на грани утраты самодостаточности и самоуважения, то сейчас, после двух десятилетий XXI века, можно с уверенностью говорить, что все это с трудом, но восстанавливается. Так что и претензии России на восстановление имперскости имеют под собой, на наш взгляд, все основания.

ВЫВОД

К.Н. Леонтьев верил в великую будущность России, рассматривая ее как вероятную и желательную, в отличие от славянофилов, понимавших ее как фатально неизбежную. Такая позиция К.Н. Леонтьева была обусловлена тем, что национальная история России уже приблизилась к завершающей стадии своего 10-13-векового развития. Во взглядах на будущее развитие России К.Н. Леонтьев обнаружил поразительную прозорливость, предчувствуя революционные потрясения и катаклизмы. Профессор Е.Н. Моцелков подчеркивает, что К.Н. Леонтьеву, как никому из других мыслителей второй половины XIX века, удалось заглянуть в будущее России и мира (Моцелков, 2000, стр. 141). Эту особенность его мысли современные исследователи характеризуют не иначе, как «прозрения» или «пророчества».

Научным основанием концепции византизма у К.Н. Леонтьева выступала теория органического развития. При чтении его работ поражает современность его идей, про которые нельзя сказать, что они устарели. По-видимому, в основе предвидения будущего России и Европы, тех тенденций, их развития, которые едва наметившись в XIX в., катастрофически разрослись в XX в., помимо дара прогнозирования К.Н. Леонтьева, лежит разработанная им методология системного анализа.

В конце 2019 года в издательской группе URSS вышла посвященная ему книга «Мир Константина Леонтьева глазами его современников и последователей» (составитель А.В. Репников). На протяжении многих десятилетий его имя было незаслуженно забыто. Его ренессанс пришелся на конец XX века, когда в России исчезло идеологическое давление и работы Константина Леонтьева стали активно издавать. О нём много писали, иногда называя его тексты пророческими.

Известно, что в Новом Завете впервые употреблено выражение «нет пророка в своем Отечестве», ставшее поговоркой. В то же время, нельзя не согласиться с Андреем Вознесенским:

*«Нет пороков в своем отечестве».
Не уважаю лесть.
Есть пороки в моем отечестве,
зато и пророки есть.*

Да, пороки в нашем Отечестве были, есть и будут, к сожалению. Но, хоть и редко, есть и пророки, к счастью. И К.Н. Леонтьев – один из этих, немногих пророков. Кстати, один из исследователей К.Н.

Леонтьева, А.А. Корольков, свою книгу так и назвал «Пророчества Константина Леонтьева» (СПб, 1991).

В этой книге автор отмечает, что собрание сочинений К.Н. Леонтьева, изданное еще до Октябрьской революции, состоит из девяти томов, по объему не отличающихся от подобного девяти томника В.С. Соловьева. При знакомстве с его трудами А. Королькова поразили неправдоподобный универсализм К.Н. Леонтьева: десятки повестей и романов соседствуют с публицистикой, литературно-критическими эссе, историко-культурными исследованиями, размышлениями. Перед ним открылся мыслитель и писатель, не похожий ни на что, читаемое до этого, и удивительным образом напоминающий что-то, написанное в более поздние времена у Ф. Ницше и экзистенциалистов. Но еще более поразительными оказались разбросанные в его произведениях разного жанра предвосхищения того хода истории, который мы уже пережили или переживаем (Корольков, 1991, стр. 4).

При жизни К. Н. Леонтьева его идеи не были востребованы и не пользовались популярностью, он, как писал С. Н. Трубецкой, «пользовался заслуженной неизвестностью». В 1911 году вышел сборник «Памяти Константина Николаевича Леонтьева», в котором почти все крупные русские философы начала XX в. высказали в той или иной форме свое отношение к творческому наследию покойного мыслителя. Несмотря на различие во взглядах, они сошлись в убеждении, что его творчество носит элитарный характер и что его идеи не получают широкого признания. «Преждевременный мыслитель» — вот как оценивали К.Н. Леонтьева современники.

Видный философ русского зарубежья С.А. Левицкий, называя К.Н. Леонтьева одним из самых блестящих стилистов в истории русской мысли, подчеркивал, что тот глубоко и оригинально развил идеи Н.Я. Данилевского, обогатив их своими собственными концепциями. Именно поэтому К.Н. Леонтьев заслуживает особого места в истории русской мысли (Левицкий, 1996, стр. 125).

Интересно обратить внимание на следующий момент. Н.О. Лосский замечает, что христианство графа Льва Толстого и Ф.М. Достоевского, проповедующее всеобщую любовь и надеющееся на осуществление «всеобщего мира» на земле, К.Н. Леонтьев называл «розовым». Самого серьезного внимания, считает Н.О. Лосский, заслуживает критика К.Н. Леонтьева увлечений гуманизмом, «демократическим и либеральным прогрессом», социализмом, которые не опираются на христианские начала. Тому, что любовь к человечеству революционных утопистов, вроде Робеспьера, В.И. Ленина, Ф.Э. Дзержинского, ведет к величайшим разрушениям и отвратительнейшим преступлениям

ям достаточно научил нас страшный опыт истории (Лосский, 1994, стр. 212).

Конец 80-х годов XX века — начало XXI века характеризуется резко возросшим интересом к наследию К. Н. Леонтьева. В 1990-е годы его основополагающий историософский труд «Византизм и славянство» был переведен на ряд европейских языков. В 2003 году были выпущены «Дипломатические донесения» Леонтьева, с 2004 года проводятся ежегодные Леонтьевские чтения, а также создается Леонтьевское философско-богословское общество. В 2013 году в серии «Жизнь замечательных людей» вышла работа О.Д. Волкогоновой о К.Н. Леонтьеве.

Заметим при этом, что «последний византиец» Константин Николаевич Леонтьев, его философско-политические идеи и консервативные взгляды оказались востребованными и в XXI веке настолько, что его как-то процитировал даже президент России В.В. Путин...

Список литературы

- Бердяев, Н. (1991). *О русской философии* (А. И. Новикова. Б.В. Емельянова, Ред.). Свердловск: Изд-во Урал ун-та.
- Бродский, И. (1987, декабрь 8). «Нобелевская лекция». Извлечено 20 ноября 2021 г., от Иосиф Бродский website: <https://brodskiy.su/proza/nobelevskaya-lektsiya/>
- Булгаков, С. Н. (2006). *От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии. 1895–1903* (В. В. Сапова, Ред.). Москва: «Астрель».
- Волкогонова, О. Д. (2013). *Константин Леонтьев*. Москва: Издательский дом «Молодая гвардия».
- Доброхотов, А. Л. (1993). *Русские философы (конец XIX – середина XX века): Антология* (с. 368; А. Л. Доброхотов, Л. Г. Филонова, & С. Б. Неволин, Ред.). Москва: Изд-во «Кн. палата».
- Зеньковский, В. В. (1999). *История русской философии. В 2-х томах*. Ростов-на-Дону: «Феникс».
- Карабущенко, П. Л. (2016). Элита и кризис: Геополитика опасности и культура политической безопасности. В В. В. Бобылева (Ред.), *Социально-политические и историко-культурные аспекты современной геополитической ситуации. Материалы Международной научно-практической конференции в рамках научно-образовательного форума* (с. 145–155). Москва: Издательство «Перо».
- Корольков, А. А. (1991). *Пророчества Константина Леонтьева*. Санкт-Петербург: Издательство С.-Петербургского университета.
- Левицкий, С. А. (1996). *Очерки по истории русской философии* (с. 496). Москва: «Канон».
- Леонтьев, К. Н. (2010). *Славянофильство и грядущие судьбы России* (А. В. Белова & О. А. Платонов, Ред.). Москва: Институт русской цивилизации.

- Лосский, Н. О. (1994). *Бог и мировое зло* (с. 432; А. П. Поляков, А. А. Яковлев, & П. В. Алексеев, Ред.). Москва: «Республика».
- Мощелков, Е. Н. (2000). *Политическая мысль в России: Словарь персоналий (XI в. – 1917 г.)* (Е. Н. Мощелков, Ред.). Москва: Книжный дом «Университет».
- Овсянников, М. Ф. (1987). *История эстетической мысли. В 6 т. Т.4. Вторая половина XIX века.* (М. Ф. Овсянников, Ред.). Москва: «Искусство».
- Рожков, В. П. (1988). *Запад и Россия. Философские основания цивилизационной константы общественного сознания* (В. Б. Устьянцева, Ред.). Саратов: Изд-во Сарат. ун-та.
- Соловьев, В. С. (1896). Леонтьев, Константин Николаевич. В *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона в 86 т: Т. 82 т. и 4 доп.* Санкт-Петербург.
- Соловьев, В. С. (1990). *Стихотворения. Эстетика. Литературная критика* (с. 574). Москва: «Книга».
- Соловьев, В. С. (1991). Византизм и Россия. В Н. И. Цимбаев (Ред.), *Смысл любви: Избранные произведения.* (с. 525). Москва: «Современник».
- Столович, Л. Н. (2005). *История русской философии. Очерки.* Москва: «Республика».
- Трубецкой, Е. Н. (1994). *Смысл жизни* (с. 432; П. П. Апрышко & А. П. Полякова, Ред.). Москва: «Республика».
- Франк, С. Л. (1990). Крушение кумиров. В *Франк С.Л. Сочинения* (с. 607). Москва: Издательство «Правда».
- Франк, С. Л. (1992). Русское мировоззрение. В *Духовные основы общества* (с. 511). Москва: «Республика».
- Яковенко, Б. В. (2003). *История русской философии* (с. 510; Ю. Н. Солодухина, Ред.). Москва: «Республика».

References

- Berdyayev, N. (1991). *On Russian Philosophy* (A. I. N. B. V. Emelyanova, Eds.). Sverdlovsk: Urals University Press (In Russian).
- Brodsky, I. (1987, December 8). "The Nobel Lecture." Retrieved November 20, 2021, from Joseph Brodsky website: <https://brodskiy.su/proza/nobelevskaya-lektsiya/> (In Russian).
- Bulgakov, S. N. (2006). *From Marxism to Idealism. Articles and reviews. 1895-1903* (V. V. Sapova, Eds.). Moscow: Astril (In Russian).
- Dobrokhoto, A. L. (1993). *Russian Philosophers (Late 19th—Mid 20th Century): Anthology* (A. L. Dobrokhoto, L. G. Filonova, S. B. Nevolin, Eds.). Moscow: Izd vo Kn. chambers (In Russian).
- Frank, S. L. (1990). The Collapse of Idols. In *Frank S.L. Works* (p. 607). Moscow: Pravda Publishing House (In Russian).
- Frank, S. L. (1992). Russian Worldview. In *Spiritual Foundations of Society* (p. 511). Moscow: Respublika (In Russian).

- Karabushchenko, P. L. (2016). Elites and Crisis: Geopolitics of Danger and Culture of Political Security. In I. N. V. Bobyleva (Ed.), *Materials of the International Scientific and Practical Conference within the Scientific and Educational Forum* (pp. 145–155). Moscow: Pero Publishing House (In Russian).
- Korolkov, A. A. (1991). *The Prophecies of Konstantin Leontiev*. St. Petersburg: St. Petersburg University Publishers (In Russian).
- Leontief, K. N. (2010). *Slavophilism and the Coming Fate of Russia* (A. V. Belova, O. A. Platonov, Eds.). Moscow: Institute of Russian Civilization (In Russian).
- Levitsky, S. A. (1996). *Essays on the History of Russian Philosophy*. Moscow: Kanon (In Russian).
- Lossky, N. O. (1994). *God and the World Evil* (A. P. Polyakov, A. A. Yakovlev, P. V. Alekseev, Eds.). Moscow: Respublika (In Russian).
- Moschelkov, E. N. (2000). *Political Thought in Russia: A Dictionary of Personalities (XI c. - 1917)* (E. N. Moshchelkov, Eds.). Moscow: Book House "University." (In Russian)
- Ovsyannikov, M. F. (1987). *History of Aesthetic Thought* (Vol. 6; M. F. Ovsyannikov, Eds.). Moscow: Art (In Russian).
- Rozhkov, V. P. (1988). *The West and Russia. Philosophical Foundations of the Civilization Constant of Public Consciousness* (V. B. Ustyantseva & Ed, Eds.). Saratov: Publishing house of Saratov State University (In Russian).
- Soloviev, V. S. (1896). Leontiev, Konstantin Nikolaevich. In *The Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron in 86 vols* (Vol. 82). St. Petersburg (In Russian).
- Soloviev, V. S. (1990). *Poems. Aesthetics. Literary criticism*. Moscow: Kniga (In Russian).
- Soloviev, V. S. (1991). Byzantism and Russia. In N. I. Tsimbaev (Ed.), *The Meaning of Love: Selected Works* (p. 525). Moscow: Sovremennik (In Russian).
- Stolovich, L. N. (2005). *History of Russian Philosophy. Essays*. Moscow: Respublika (In Russian).
- Trubetskoy, E. N. (1994). *The Meaning of Life* (P. P. Apryshko, A. P. Polyakova, & Eds, Eds.). Moscow: Respublika (In Russian).
- Volkogonova, O. D. (2013). *Konstantin Leontiev*. Moscow: Molodaya Gvardiya Publishing House (In Russian).
- Yakovenko, B. V. (2003). *History of Russian Philosophy* (Y. N. Solodukhina, Eds.). Moscow: Respublika (In Russian).
- Zenkovsky, V. V. (1999). *History of Russian Philosophy* (Vol. 2). Rostov-on-Don: Phoenix (In Russian).

MANIFESTATIONS OF THE CONTINUITY OF IMPERIAL AND SOVIET ETHNOPOLITICS IN THE 1920-S (ON THE MATERIALS OF THE SOUTHERN RUSSIA)¹

Andrey V. Baranov

Kuban State University, Krasnodar, Russia E-mail: [baranovandrew\[at\]mail.ru](mailto:baranovandrew[at]mail.ru)

ORCID 0000-0001-7847-1679

Abstract

The continuity of the imperial and early Soviet ethnopolitics of Russia remains an understudied topical issue. The Russian Federation retains a number of legal and organizational principles and ideologies inherited from the Russian Empire and the USSR. The purpose of the study is to establish manifestations of the continuity of ethnopolitics on the example of the South of Russia in the 1920s. The article is based on the application of neo-institutionalism and diachronous comparative analysis. The author proceeds from the assumption that the measures of ethnopolitics were subordinated to the goals of modernization and building a classless society. The manifestations of the ineffectiveness of the compromise of the Bolsheviks with national centrifugal sentiments in the North Caucasus (1920-1923) are revealed. The author identifies long-term civilizational and geopolitical factors that prompted the Soviet system to apply imperial methods of ethnopolitics. The differences and contradictions between the imperial and early Soviet ethnopolitics are revealed. The stages of ethnopolitics in the South of the RSFSR (1920s) are determined, their differences in the territorial and chronological aspects have been clarified. The conclusion is made about the transition in 1924 of the authorities from the creation of ethnocratic autonomies, from the transfer of the Cossack lands to the autonomies to restrictions on the status of autonomies, to their reintegration into the North Caucasian Territory. Attention is paid to the policy towards the Slavic population in the autonomies of the North Caucasus.

Keywords

Imperial and soviet ethnopolitics; Southern Russia; continuity; manifestations; empire; elite; 1920-s.

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 The study was carried out within the framework of the RFBR project No. 21-09-43 110 "The relationship between the party-state power and the multiethnic society in the course of the implementation of national policy (based on materials from the North Caucasian Territory and the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic, 1920s)".

ПРОЯВЛЕНИЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ИМПЕРСКОЙ И СОВЕТСКОЙ ЭТНОПОЛИТИКИ В 1920-Х ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ЮГА РОССИИ)¹

Баранов Андрей Владимирович

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия E-mail: [baranovandrew\[at\]mail.ru](mailto:baranovandrew[at]mail.ru)
ORCID 0000-0001-7847-1679

Аннотация

Преемственность имперской и ранней советской этнополитики России остаётся малоизученной актуальной темой. Российская Федерация сохраняет ряд правовых и организационных принципов, идеологем, унаследованных от Российской империи и СССР. Цель исследования — установить проявления преемственности этнополитики на примере Юга России 1920-х гг. Статья основана на применении неонституционализма и диахронного сравнительного анализа. Автор исходит из того, что меры этнополитики были подчинены целям модернизации и построения бесклассового общества. Раскрыты проявления неэффективности компромисса большевиков с национально-центробежными настроениями на Северном Кавказе (1920—1923 гг.). Автор выявляет долгосрочные цивилизационные и геополитические факторы, побудившие советскую систему применять имперские методы этнополитики. Раскрыты различия и противоречия между имперской и ранней советской этнополитикой. Определены этапы этнополитики в 1920-х гг. на Юге РСФСР, выяснены их различия в территориальном и хронологическом аспектах. Сделан вывод о переходе в 1924 г. органов власти от создания этнократических автономий, от передачи казачьих земель автономиям к ограничениям статуса автономий, к их реинтеграции в состав Северо-Кавказского края. Внимание уделено политике в отношении славянского населения в автономиях Северного Кавказа.

Ключевые слова

Имперская и советская этнополитика; Юг России; преемственность; проявления; империя; элиты; 1920-е гг.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 21-09-43 110 «Взаимоотношения партийно-государственной власти и полиэтнического общества в ходе реализации национальной политики (на материалах Северо-Кавказского края и Крымской АССР, 1920-е гг.)».

ВВЕДЕНИЕ

Преемственность имперской и ранней советской этнополитики России остаётся малоизученной актуальной темой исторической науки. Тема имеет политизированные коннотации. Так, советские историки категорически отрицали сходство между «царской» и большевистской национальной политикой (Критика фальсификаций..., 1984). Западные (Mawdsley, 1998; Каррер д'Анкосс, 2010) и эмигрантские (Авторханов, 1988) авторы, напротив, ставили знак равенства между Российской империей и СССР, придавая этому сугубо отрицательный смысл. Но в проблеме надо разобраться спокойно, на основе достоверных и репрезентативных источников, не модернизируя и не демонизируя события 100-летней давности. Российская Федерация по сей день применяет в своём государственном устройстве ряд правовых и организационных принципов, идеологем, унаследованных от Российской империи и СССР. С особой остротой тема актуальна в тех регионах Юга России, где сохраняется обособленность так называемых «национальных историографий», а события раннесоветской истории подчас используются для оправдания центробежных интенций.

Цель исследования — установить проявления преемственности этнополитики на примере Юга России 1920-х гг.

Под Югом России мы понимаем совокупную территорию дореволюционных Донской, Кубанской, Терской и Дагестанской областей, Ставропольской и Черноморской губерний. В изучаемый период 1920—1929 гг. их статус и границы многократно менялись. Так, с 1920 по начало 1924 гг. существовал макрорегион — Юго-Восток России (ЮВР), объединявший русские области и губернии в партийном и советском, военном аспектах управления. Местности проживания автохтонных народов получили в 1921 г. статус Горской АССР и Дагестанской АССР. Летом 1924 г. Горская АССР была упразднена, её территория включена в состав заменившего ЮВР новой административной единицы — Северо-Кавказского края. Край состоял из разукрупнённых русских округов и автономных областей. Такое административно-территориальное устройство сохранялось по 1930 г.

Хронологические рамки статьи связаны с тем, что весной 1920 г. была установлена советская система власти на всей территории Юга России, вскоре, в марте 1921 г. X съезд РКП(б) определил принципы этнополитики «коренизации», а в декабре 1929 г. завершился переход от новой экономической политики (НЭПа) к командно-административной системе. По мере необходимости проводятся сравнения с предшествующим, позднеимперским периодом этнополитики 1861—1917 гг.

Теоретическую основу статьи составляют исторический неоинституционализм и сравнительный анализ. Применение первого из них обосновано необходимостью прояснить соотношение формальных и неформальных институтов, реальные практики и «коридор возможностей» управления межэтническими отношениями в раннем советском обществе (Панов, 2011, стр. 97-101, 188-194). Сравнительный анализ использован как в кросс-темпоральном аспекте (выявление сходств и различий между имперской и раннесоветской этнополитикой), так и в синхронном кросс-территориальном ракурсе (определение сходств и различий этнополитики 1920-х гг. применительно к различным частям Юга России и народам) (Фортунов, 2021). Мы настаиваем на полезности применения конструктивистской парадигмы этничности. Индивиды объединяются в этническую группу вследствие своей социализации и осознанного выбора идентичности, а не пресловутой «крови» и «генов».

Этническая группа конструируется заинтересованными элитами, а не задана фактом рождения. Индивиды выбирают свою этническую самооценку (осложнённую конфессиональной, языковой, территориальной, родоплеменной и др. самооценками), а не «принадлежат» к некоей общности от рождения (Геллнер, 2002). Термины «нации, национальные меньшинства, национальная политика, национально-государственное строительство» с точки зрения конструктивизма заменяются на термины «этнические группы/народы, этнические меньшинства, этнополитика, этнотерриториальное строительство». Этнополитика определяется нами как система принципов, целей, направлений и видов деятельности субъектов политики по управлению этнической сферой общества и различными народами, а также их отношениями между собой и с властью. В конкретно-исторических условиях 1920-х гг. советская этнополитика неразрывно связана с федеративным строительством и территориальным размежеванием («районированием»). Именно этнополитика (на языке тех лет, «национальная политика») давала органам власти аргументы для изменения статусов административно-территориальных единиц и их границ, этнического состава правящих элит, выбора региональных языков.

Источниковая база исследования включает в себя комплекс архивных и опубликованных документов, подразделяемых на следующие виды: законодательные акты СССР и РСФСР; делопроизводственные документы органов исполнительной власти краевого, областного и окружного уровней; директивные документы Коммунистической партии; материалы партийных конференций и пленумов региональных организаций РКП(б)–ВКП(б); статистические данные переписей насе-

ления 1920 и 1926 гг., землепользования и бюджетного обеспечения; выступления и публикации политических деятелей; материалы периодической печати; воспоминания участников событий; информационные доклады, сводки и обзоры органов государственной безопасности. Большая часть неопубликованных документов хранится в фондах Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Центров документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) и Краснодарского края (ЦДНИКК), Государственного архива новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). Представляют интерес также опубликованные сборники документов, в том числе, о роли ЦК РКП(б) в принятии политических решений (ЦК РКП(б)..., 2005, т. 1), национальной политике в Чечне (Вайнахи и имперская власть..., 2011), общественных настроениях по вопросам этнополитики (Данилов & Берелович, 2000, т. 2). Мы полагаем, что данная совокупность источников позволяет реконструировать изучаемые исторические закономерности.

Среди значимых для современной историографии тем необходимо отметить монографию Т. Мартина, обосновавшего концепцию «империи положительной деятельности» на примере СССР 1920-х — начала 30-х гг. (Мартин, 2011) и статью Р.Г. Суни о диалектике соотношения советского и национального начал (Суни, 2014). Теоретический анализ советской этнополитики, переосмысление понятийного аппарата её исследований проводят В.А. Тишков (Тишков, 2013, 2017), Т.Ю. Красовицкая (Красовицкая, 2012), Е.П. Малышева (Малышева, 2012). Социокультурные и институциональные особенности советской этнополитики на Юге РСФСР в 1920-х гг. выясняются усилиями Ю.Ю. Карпова (Карпов, 2017), Т.П. Хлыниной, Е.Ф. Кринко и А.Т. Урушадзе (Хлынина, Кринко, Урушадзе, 2012), А.В. Аверьянова (Аверьянов, 2020) и многих других историков. Взаимосвязь административно-территориальных реформ с этнополитикой раскрывает В.Н. Крутлов (Крутлов, 2020). Важное историко-географическое исследование изменений границ на Северном Кавказе провёл А.А. Цуциев (Цуциев, 2006). Принципиальным достижением историографии 2000—2020-х гг. стало применение междисциплинарных категорий и методик анализа социально-гуманитарных наук, осознание национальных интересов России в качестве императивов выбора государственной стратегии.

В то же время, в исследованиях этнополитики 1920-х гг. остаётся немало малоизученных и остро дискуссионных аспектов. Среди них — оценки значения Горской АССР, формирования автономий по этническому признаку, этнотерриториального размежевания 1920-х гг., раска-

зачивания, украинизации. Признавая плюрализм исторических концепций и оценок событий, следует предостеречь историков от обслуживания конъюнктурных интересов элит, от этнонационализма.

Конструктивный выход из политизации темы, на наш взгляд, — оценить советское государство в контексте долгосрочных цивилизационных процессов, ответов на объективные вызовы географии и демографии. Пора прекратить демонизировать термин «империя». В зарубежной исторической науке (Д. Ливен (Ливен, 2007), Н. Фергюсон (Фергюсон, 2013), Э. Хобсбаум (Хобсбаум, 1999), А.Каппелер (Каппелер, 2000)), налицо взвешенный взгляд на данное историческое явление как полиэтническое, поликонфессиональное государство, которое стремится обеспечить баланс интересов центра и периферии, создаёт институты и социокультурную систему иного уровня и способов организации, чем национальное государство. Постепенно такая трактовка закрепляется и в российской исторической науке. Характерны монографии С.И. Каспэ (Каспэ, 2001) и А.И. Миллера (Миллер, 2006), в которых даны академически корректные объяснения того, почему Россия стала империей, и по каким причинам данный тип государства не являлся в нашей стране этноцентристским, а, напротив, был протекционистским по отношению к интегрируемым этническим группам. Перспективны и размышления С.И. Каспэ о том, что феодализм XX в. является сублимированной исторической формой империи, её секулярным стадийным вариантом (Каспэ, 2005). Самостоятельное обоснование концепции созидательной роли империи на материалах Северного Кавказа второй половины XIX в. — 1921 г. содержится в работах В.А. Матвеева (Матвеев, 2012; Матвеев, 2016).

СОДЕРЖАНИЕ

Следует учитывать, что реальная этнополитика большевистского режима на Юге России была, с одной стороны, проекцией идеологической доктрины (принципы пролетарского интернационализма, экспорта революции, самоопределения и равноправия народов), а с другой стороны, этнополитика была бесконечным лавированием в малоизвестных для новой власти и слабо предсказуемых условиях региона. Региональные руководители большевиков (Г.К. Орджоникидзе, А.И. Микоян, Б.П. Позерн, М.С. Чудов, А.А. Андреев и др.) применяли «классовый подход» к оценке экономических и социальных структур Северного Кавказа, но постоянно сталкивались с «неудобными» для марксистского понимания явлениями: кланово-родственными, конфессиональными, патриархальными и т.п. В результате советская система власти решала на Северном Кавказе, да и в русских областях Юга,

одновременно задачи ранней модернизации (в иных исторических условиях их решали бы буржуазные партии и политики) и задачи социалистического переустройства.

Характерно, что большевики сумели победить в Гражданской войне и упрочить свою власть во многом благодаря заигрыванию с этническими элитами, стремившимися к независимости либо, в более умеренном варианте, к повышению статуса своих народов и регионов. Например, в 1919 - начале 1920 гг. большевики умело использовали борьбу горских народов против Добровольческой армии А.И. Деникина, против попыток восстановить «единую и неделимую» Россию. В горах Чечни и Ингушетии действовала «шариатская армия» Имамата во главе с суфийским шейхом Узун-Хаджи и видным большевиком Н.Ф. Гикало (Морозова, 2011). Помощь ей оказала кемалистская Турция, направив военных инструкторов, оружие и финансовые средства в Чечню и Дагестан.

Тем самым, временно совпали интересы политических сил, которые позже вступят в конфликт между собой. Временными союзниками «красных» стали представители элит тех этнических групп, которые нелояльно относились к правлению имперской России и считались «революционными»: чеченцев, ингушей, ряда народов Дагестана. Как правило, на Северном Кавказе имелись унаследованные от имперского периода интеллигенты и чиновники, перешедшие от национал-либерализма к большевистской риторике. Часть из них пыталась совместить идеологемы ислама с лозунгами равенства и отказа от «наследия царизма», но толковала советскую систему в духе пантюркизма и центробежных намерений. Так, карачаевский интеллигент Н.Х. Токов в феврале 1921 г. составил послание мусульман Кавказа М. Кемаль-паше, а в октябре 1922 г. он был одним из организаторов массового митинга горцев в г. Кисловодске, участники которого выразили «готовность встать под знамя Великого национального собрания Турции» (Узденова, 2014). Среди радикальных слоёв этнической интеллигенции высказывались требования создать Черкесскую советскую союзную республику в составе Адыгеи, Кабарды, Баталпашинского отдела и Абхазии, а также вернуть на Северо-Западный Кавказ мухаджиров, вынужденно переселившихся в Османскую империю после 1864 г. (Емтыль (Калашова), 2016, стр. 140-141).

Советская система вскоре отказалась от заигрывания с подобными попутчиками. Поворот политики выразился в продразвёрстке, грубоатеистической пропаганде, земельной реформе, неподготовленном создании коммун и революционных комитетов уже летом 1920 г. Общій экономический и политический кризис, усугублённый чрезмерными

заданиями по продразвёрстке, привёл в сентябре - октябре 1920 г. к мятежам в Чечне и Дагестане (движение во главе с имамом Н. Гочинским), в Карачае (во главе с Т. Хаджи-Каракетовым) и среди казаков Сунженской линии.

Во всех регионах мятежи были подавлены, но для казаков выступление привело к депортации, а в Карачае была создана автономная область (власть предпочла временно использовать уговоры и уступки). Различие реакции власти объясняется тем, что горские народы воспринимались большевиками как жертвы царизма и должны были в такой логике рассуждений получить возмещение за своё дискриминированное в прошлом положение. Казаки же, по словам наркомнаца И.В. Сталина, считались «исконным орудием русского империализма» и «коллективным, народным помещиком» (Сталин, 1947, стр. 282-291). Поэтому требования создаваемых этнических автономий о расширении их территории, как правило, удовлетворялись. Члены Кавказского бюро ЦК РКП(б) и Председатель Северо-Кавказского революционного комитета Г.К.Орджоникидзе одобрили приказ № 620 Кавказской трудовой армии о выселении 5 станиц Сунженской линии. 14 сентября 1920 г. это решение было утверждено участниками заседания Политбюро ЦК РКП(б) на основании докладов И.В. Сталина и М.И. Фрумкина, с характерной мотивировкой: «за счёт кулацкой части казачьего населения» (Деятельность..., 1991, стр. 164). Приказ Реввоенсовета Армии труда Юго-Востока России № 148 от 1 декабря 1920 г. возложил руководство землеустройством и переселением горских народов на земли бывших станиц на уполномоченного РВС С. Муромцева, который находился в подчинении Уполномоченного Наркомата земледелия РСФСР (ТАКК, ф. Р-158, оп. 1, д. 155, л. 5 об, 14). Депортация сунженских казаков охватила примерно 15 тыс. чел. (Жупикова, 1995, стр. 70). Характерно, что изъятые земли и инвентарь почти не использовались горцами, которые ограничились разграблением обезлюдевших станиц. Депортированные сунженцы находились в Ставропольской губернии, не получая помощи для обустройства на новом месте жительства.

В то же время, столь «интернационалистская» линия политики сталкивалась с сопротивлением части партийных, советских и хозяйственных руководителей на Юге России, понимавших, что экономический потенциал макрорегиона создаётся почти полностью земледелием в русских областях, а также промышленностью Грозненских нефтепромыслов. За отказ от депортаций казаков выступила русская часть Грозненского окружного комитета РКП(б), а за продолжение — руководители Горского обкома и подчинённого ему Чеченского организационного бюро РКП(б). 27 января 1921 г. Президиум ВЦИК РСФСР при-

остановил депортацию казаков из Горской АССР и создал комиссию во главе с В.И. Невским по расследованию проблемы (РГАСПИ, ф. 65, оп.1, д. 69, л. 1, 85). Невский предложил ВЦИКу немедленно разоружить и горцев, и казаков, обеспечить национально смешанный состав милиции и отрядов самообороны, вселять чеченцев в станицы посредством «уплотнения», без выселения казаков. ВЦИК РСФСР постановил 14 апреля 1921 г. прекратить выселение сунженских казаков вопреки мнению ЦИК Горской АССР и Осетинского округа. Часть руководителей Грозненского округа (И.В. Косиор, Кобозев, Рогачёв) предлагали вернуть депортированных на Сунженскую линию, выселить из станиц чеченцев и ингушей, создав отдельную русскую губернию с центром в г. Грозном. Но эти предложения не нашли поддержки центральной власти, а также секретаря Грозненского окружкома РКП(б) Н. Носова, обвинившего оппонентов в «колонизаторском уклоне» и «мелкобуржуазности» (Кислицын, Перехов, 1989, стр.107-109). Отражением этой полемики стала статья К.С. Еремеева в газете «Правда» 17 августа 1921 г. Её автор выступил против уничтожения высокой культуры земледелия казаков: «Искусственное перемещение населения неудачно. ... Даже богатые и многоземельные горцы не умеют вести высококультурное хозяйство» (Еремеев, 1921). 11 ноября 1921 г. заседание Юго-Восточного краевого бюро ЦК РКП(б) постановило вернуть сунженским переселенцам конфискованный сельскохозяйственный инвентарь (РГАСПИ, ф. 65, оп. 1, д. 69, л. 1). Вместе с тем, длительные попытки Сунженского окружного комитета РКП(б) и окружного исполкома Советов добиться возвращения депортированных казаков, а также вернуть округу отторгнутые Горской АССР земли остались безуспешными.

Для понимания мировоззрения представителей Советской власти на местах представляют большой интерес доклады коммунистов, воевавших в Чечне и Ингушетии, - Тимофея Гордиенко и Василия Юдина в Реввоенсовет XI-й армии (май 1920 г.). Первый из них писал, что в Чечне смотрят на большевиков как на временных союзников; «если мы будем занимать их территорию, они будут драться». В.И. Юдин отмечал: подъём доброжелательства к Красной Армии диктуется ожиданиями горцев - пограбить казачьи и осетинские станицы и отомстить виновникам сожжения своих аулов; но этот настрой пошёл на спад, когда пронеслись слухи, что РККА не позволит грабить и сурово накажет за это. Постоянная фраза горцев, по свидетельству Юдина, - «белая, серая, красная свинья - всё-таки свинья» (ГАКК, ф. Р-158, оп. 1, д. 82, л. 37-40).

Характерны рекомендации В.И. Юдина: «При входе на Кавказ мы не должны ни в коем случае полагаться на горцев, наоборот, взять всех

их под свой революционный надзор и установить твёрдой рукой власть Советов, заставить их трудиться и потом уже дать полную свободу, иначе они разрушат всё строительство Соввласти...» (ГАКК, ф. Р-158, оп. 1, д. 82, л. 40). Т. Гордиенко предлагал «при занятии Северного Кавказа выделить республики по национальностям, дать выбрать своих представителей и установить строгий контроль Федеративной Республики». По словам Гордиенко, надо приучить горцев к труду, перевести «разбойников и грабителей Кавказа на трудовую дорогу», а для этого надо их переселить на равнину и снабдить сельскохозяйственной техникой (ГАКК, ф. Р-158, оп. 1, д. 82, л. 38 об). На этом примере мы видим противоречивое сочетание реалистичного восприятия ситуации в будущих автономиях с некоторым высокомерием, культуртрегерством, «ориентализмом», недоверием к горским попутчикам большевиков.

Другим конфликтным вопросом этнополитики, в котором проявилось противоречие между сторонниками «коренизации» и централизации власти, был в 1920-х гг. статус городов Северного Кавказа. Будучи очагами промышленного, торгового и культурного прогресса, города имели в основном русско-украинское население с вкраплениями диаспор — армянского, грузинского, немецкого, еврейского населения. Автохтонные народы Северного Кавказа, за исключением осетин, составляли небольшую долю горожан. Так, в г. Грозном — центре нефтедобычи и нефтепереработки союзного значения русские и украинцы суммарно составили по переписи 1926 г. 78,2 % жителей, а чеченцы и ингуши — 2,1 %. В г. Владикавказе тогда же русские и украинцы насчитывали 56,4 %, осетины — 13,8 %, ингуши — 1,9 % (Всесоюзная перепись населения.... 1928, т. 9, стр. 34–51). Это объяснялось слабым распространением городских профессий и грамотности среди народов Северного Кавказа. Однако руководящие органы автономий активно претендовали на обладание городами и перенос в них административных центров, на отчисления в свой бюджет от городской промышленности и торговли. На Кисловодск претендовал Карачаево-Черкесский облисполком, на Нальчик и Пятигорск — Кабардино-Балкарский, на Владикавказ — Северо-Осетинский и Ингушский, на Грозный — Чеченский облисполком. Решалась проблема ситуативно. В одних случаях центральные и краевые инстанции поддерживали претензии автономных областей, оправдывая их необходимостью создать «пролетарские центры» (так решилась судьба Кизляра, Нальчика, позже — Майкопа). В других случаях создавались самостоятельные городские округа в прямом подчинении Северо-Кавказскому краю (Грозный и Владикавказ, 1924–1928 гг.). И только на следующем этапе, в период

индустриализации (1928 г.), г. Владикавказ был передан в состав Северо-Осетинской АО, г. Грозный — в состав Чеченской АО. Но процент «национального» рабочего класса в промышленности этих городов оставался весьма небольшим.

Говорить о сколько-нибудь достаточной прослойке образованных и квалифицированных кадров управления внутри большевистских этнических элит не приходится. Для первой половины 1920-х гг. характерна ситуация, описываемая в отчётных документах партийных и советских органов: на местах, в аулах и районах, председатели Советов и секретари партийных ячеек оставались малообразованными, неопытными в управлении. Зачастую они были связаны патриархально-родовыми и религиозными отношениями с антибольшевистскими кругами: помещиками, муллами, дореволюционными чиновниками и интеллигенцией. Проявлялась этническая и внутриэтническая (территориальная), сословная клановость. Так, в Карачаево-Черкесской автономной области соперничали группировки выходцев из феодальной знати («князей») и из низов общества; в Северо-Осетинской АО — группировки иронцев и дигорцев. Персонализация власти на уровне страны отзывалась на Северном Кавказе эхом, рождая культ местных руководителей. Например, в Кабардино-Балкарской АО непререкаемую власть закрепил за собой председатель областного исполкома Б.Э. Калмыков, диктовавший решения обкому РКП(б), органам милиции и прокуратуры.

В середине 1920-х гг. Северо-Кавказский крайком РКП(б) и Северо-Кавказский крайисполком Советов приняли ряд мер по повышению квалификации местных кадров из автономных областей, прежде всего — молодёжи и выходцев из малоимущих слоёв населения, их обучения в общих и советско-партийных школах, что несколько улучшило кадровую ситуацию, но не могло принести быстрых положительных результатов.

На наш взгляд, этнизированная модель федерализма стала идеальным рычагом дезинтеграции старого имперского пространства, но слабо соответствовала задачам реинтеграции и усиления государства с 1923 г. В начале 1920-х гг. привилегии, данные партийными и государственными органами горским автономиям, привели к «позитивной дискриминации» славянского населения. Этот курс проявился в одностороннем разоружении казачества, в депортации Сунженской казачьей линии, в преднамеренном расчленении по политическим мотивам Терской области.

Но добиться полного территориального размежевания между народами не удавалось, да это и было утопией. В автономных областях

Северо-Кавказского края по переписи 1926 г. проживало 123,4 тыс. русских (17,15 %) (Баранов, 1999, стр. 181; Кульчик, Конькова, 1995, стр. 29), а также другие славяне, евреи, армяне, грузины – народы с европейской идентификацией. Русские жители автономий многократно просили органы власти о воссоединении с губерниями и областями либо о создании отдельной административной единицы, не подчиненной Горской АССР. Члены Казачьего отдела ВЦИК, терские казаки Шабунин и Гришин в марте 1921 г. просили ВЦИК «объединить все русское население 15 станиц по их желанию в один Сунженский округ..., создав из Грозненского промыслового и Сунженского земледельческого округов единый промышленный район, как самостоятельный округ или губернию» (ГАРФ, ф. Р-1235, оп. 121, д. 149, л. 17, 18). Такое же решение принял съезд казаков в ст. Слепцовой (ГАРФ, ф. Р-1318, оп. 1, д. 179, л. 132; РГАСПИ, ф. 17, оп. 16, д. 916, л. 62). Так, на собрании жителей Сунженского округа с участием комиссии Оргбюро ЦК РКП(б) в начале 1924 г. звучали выкрики: «Каждый говорит: нам хоть черту подчиниться, лишь бы не было разбоя и воровства; ...дайте автономию, несчастная Горская республика нам уже шею проела» (РГАСПИ, ф. 17, оп. 11, д. 278, л. 99).

Несколько раз Терский окружной исполком получал просьбы казаков Кизлярского района о выходе из состава Дагестанской АССР, так как местности тяготели к Терскому округу. Только 44% жителей Кизлярского района составляли народы Дагестана – мусульмане. Делегаты ст. Червленной, Гребенской, Щедринской, Курдюковской, Старогладовской и других просили присоединить местность к Терскому округу, т.к. «наши интересы в Дагестане полностью не разрешаются». Они думали, будто «в центре сейчас предполагается объединить казачьи земли в самостоятельную казачью советскую область» и просили власть предпринять этот шаг (ГАНИСК, ф. 5938, оп. 1, д. 3, л. 126-130; д. 4, л. 97-98).

На протяжении 1922 – начала 1924 гг. велась широкомасштабная работа по усовершенствованию административно-территориального устройства РСФСР, реформы («районирование») задумывались в соответствии с экономико-географическим и классовым принципами. Основными институтами, разрабатывавшими итоговые законопроекты, стали областные и краевые советы народного хозяйства, а в центре – Государственная плановая комиссия. В условиях нэпа этнический принцип районирования явно отходил на второй план, уступая главную роль соображениям рентабельности, экономии расходов на содержание аппарата управления, формированию транспортно и экономически связанных территорий. Хотя руководящие органы автономий

выдвинули свои контрпроекты, в том числе — создание единой Северо-Кавказской АССР, они не имели шансов на успех. Более того, убыточная Горская АССР, испытывая внутренние конфликты, уже сама разделилась в течение 1922—1923 гг. От неё осталась лишь небольшая территория нынешних Северной Осетии, Чечни и Ингушетии (Круглов, 2020, стр. 83-140).

А.И. Микоян и руководители Терской губернской партийной организации предложили создать казачьи автономные округа ввиду притеснений русских в автономных областях (Кислицын, Перехов, 1989, стр. 107-110). Комиссия Президиума ВЦИК РСФСР по урегулированию положения русских меньшинств в автономных областях сделала вывод: «во многих национальных образованиях Союза ССР интересы русского населения терпят ущерб в пользу коренного населения..., чем вызвано недовольство русского населения и угроза культурному уровню этих регионов» (ГАРФ, ф. Р-3316, оп. 17, д. 687, л. 112).

В рамках регулирования межэтнических отношений представляется позитивным опыт национально-территориальных преобразований 1924—1926 гг. Президиум ВЦИК постановил 2 июня 1924 г. создать Юго-Восточный (вскоре переименованный в Северо-Кавказский) край. 7 июля ВЦИК упразднил Горскую АССР и разделил ее на ряд автономных областей. Горская АССР оказалась экономически нежизнеспособной, погрязла во внутренних конфликтах партийных элит и закономерно была разделена. Несмотря на продолжавшееся игнорирование историко-культурного и социально-демографического принципов, районирование 1924—1925 гг. отчасти выравнивало баланс этнических отношений, поскольку вывело часть местностей с преобладавшим славянским населением из подчинения автономных областей.

В итоге районирования были созданы Сунженский сельский, Владикавказский и Грозненский городские округа, напрямую подчиненные Северо-Кавказскому краю с центром в Ростове-на-Дону. Баталпашинский район передавался Армавирскому округу. Создавались казачьи районы в составе автономных областей. Так, в Притеречном районе Осетии казаки составили 70,5 % жителей; в Петропавловском районе Чечни – 85,3 %; в Казачьем районе Кабардино-Балкарии – 70,9 % (Всесоюзная перепись населения..., 1928, т. 9, стр. 9). Большой Президиум крайисполкома разрешил провести съезды представителей казачьего населения Северной Осетии и Кабардино-Балкарии, но управление их районами по-прежнему велось на общих основаниях (ГАРО, ф. Р-1485, оп. 1, д. 1, л. 138 об, 143, 148-148 об, 158 об).

Как полагал секретарь крайкома РКП(б) А.И. Микоян в секретном письме В.М. Молотову (январь 1926 г.), «эта мера сильно подбодрила

казаков, устранив почву для прежнего недовольства». Микоян сообщал, что казаки восприняли создание округов «как меру закрепления за ними своих земель и как гарантию невмешательства в их земельный вопрос» (РГАСПИ, ф. 17, оп. 11, д. 281, л. 12; оп. 67, д. 172, л. 74). Это подняло авторитет партийно-государственных органов власти края.

Но реформа имела свои пределы. Секретарь Терского окружкома ВКП(б) С.О.Котляр дважды (18 сентября 1925 и 4 марта 1926 гг.) предлагал в письме Генеральному секретарю ЦК И.В.Сталину вернуть Кизлярский и Ачикулакский районы Северо-Кавказскому краю, но проект был отвергнут (ГАНИСК, ф. 5938, оп. 1, д. 3, л. 126-130; д. 4, л. 97-98). Северо-Кавказский крайисполком отказал жителям Прималкинского района Кабардино-Балкарской АО в автономии, хотя в нём процент казаков составлял 31,1 %, а всех русских – 54,7 % (Всесоюзная перепись населения..., 1928, т. 9, стр. 9). 9 июня 1925 г. президиум крайисполкома счел невозможным возмещение убытков, понесенных казаками из-за «водворения революционного порядка» в пользу горцев (ГАРО, ф. Р-1485, оп. 1, д. 561, л. 98 об; д. 1, л. 130 об-131). 4 декабря 1925 г. президиум крайисполкома отверг просьбы казаков вернуть земли, переданные в 1921–1922 гг. Карачаевской и Черкесской автономным областям (ГАРО, ф. Р-1485, оп. 1, д. 170, л. 92 об).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проявлениями преемственности между этнополитикой поздней Российской империи и Советского государства 1920-х гг. на Юге страны, по нашему мнению, были: 1) императив сохранения суверенитета и территориальной целостности государства, преодоления сепаратизма и разобщённости этнических ареалов; 2) необходимость преодоления кланово-родовых, патриархальных отношений на периферии региона (в нагорных сообществах) и модернизации; 3) объективно сложившиеся экономические взаимосвязи областей и местностей Юга России, делавшие неизбежным их скоординированное развитие в качестве единого общественного организма; 4) проецирование геополитических интересов России на Кавказе, Ближнем Востоке и Балканах, для чего Юг России является во все времена естественным плацдармом.

В наибольшей степени данная преемственность проявилась на этапе развития с осени 1924 по 1926 гг., когда СССР отчасти отказался от утопии самоопределения народов, продвигаемой в устройство государства с октября 1917 г. и этнические автономии Северного Кавказа были поставлены под более плотный контроль всесоюзной и региональной власти.

Одновременно проявлялись черты противоположности между Российской империей и Советским государством в курсе этнополитики 1920-х гг., обусловленные различием идеологий и интересов правящих элит:

- приоритет идеологием православной самодержавной монархии в дореволюционной России и космополитичного проекта мировой революции в ранней РСФСР;
- контрастный социальный состав правящих элит и каналы их рекрутирования (Дроздов, Аманжолова & Трепавлов, 2017);
- переход от унитаризма, основанного на компромиссе имперских и местных традиционных элит, к этнизированному федерализму;
- модель «империи навыворот» в Советском государстве 1920-х гг., при которой этническое русское большинство подвергалось «позитивной дискриминации», а этнические меньшинства периферии получали преференции за свою «революционность» (Дроздов, 2012);
- курс «коренизации» в автономиях Северного Кавказа и местностях проживания дисперсных этнических групп, предусматривавший квоты этнических меньшинств в партийных, государственных и хозяйственных органах, а также внедрение местных языков в делопроизводство и социокультурное пространство в роли приоритетных средств общения;
- форсированные темпы экономического, социального и культурного развития этнической периферии в сравнении с ядром государства;
- перечисленные параметры раннесоветской этнополитики приводили к параллельному, конкурентному нациестроительству в каждой территориально демаркированной автономии, причём партийно-советские органы стремились соблюсти принцип совмещения этнических границ с административными.

Этнонационалистические проявления наблюдались как в автономиях, так и в округах с преимущественно русским населением (Дон, Кубань, Терек, Ставрополье). В русском ареале ситуация осложнялась внутриэтническим конфликтом между казачеством и иногородними крестьянами, между сторонниками и противниками украинизации. Партийные и советские органы Северо-Кавказского края постоянно разбирали и улаживали споры между округами и автономиями по вопросам разграничения, землепользования, статуса диаспор, представительства в органах власти, пропорционального финансирования местных бюджетов.

Как показала практика 1920-х гг., такая модель этнополитики поощряла децентрализацию и этнизацию власти на Северном Кавказе.

Учитывая острый дефицит финансовых ресурсов, полную аграрность сообществ в автономиях, низкий уровень подготовки кадров управления и грамотности, «коренизация» вела к закреплению у власти формально лояльных в отношении центральной власти, но потенциально националистических региональных элит. Например, характерна частая смена руководителей Чеченской и Карачаево-Черкесской автономных областей и обвинения в клановости в адрес председателя Кабардино-Балкарского облисполкома Советов Б.Э. Калмыкова. В условиях коллективизации и неизбежного приближения Второй мировой войны общегосударственная власть сделала неизбежный выбор (1932–1933 гг.) в пользу централизации и деэтнизации федеративной системы.

Вместе с тем, идеологическое, правовое и организационное наследие этнополитики 1920-х гг. остаётся актуальным, в том числе — на Юге России. Наше полиэтническое общество до сих пор во многом остаётся в плену тех примордиальных, «коренизаторских» представлений об этнополитике, которые были сформированы большевистской партией именно в 1920-х гг. С другой стороны, востребован опыт статистических и социологических исследований межэтнических отношений, деполитизации (кантонизации) форм местного самоуправления.

Список литературы

- Mawdsley, E. (1998). *The Stalin Years: The Soviet Union, 1929–1953*. Manchester; New York: Manchester University Press.
- Аверьянов, А. В. (2020). *Национальная политика на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е гг.* Ростов на Дону; Таганрог: издательство ЮФУ.
- Авторханов, А. Г. (1988). *Империя Кремля: Советский тип колониализма*. Garmisch-Partenkirchen: Prometheus-Verlag.
- Баранов, А. В. (1999). *Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики*. Краснодар: Кубанский государственный университет.
- Всесоюзная перепись населения 1926 года* (Т. 9). (1928). Москва: Издание ЦСУ Союза ССР.
- Геллнер, Э. (2002). Пришествие национализма. Мифы нации и класса. В Б. Андерсон, О. Бауэр, & М. Хрох, *Нации и национализм* (с. 146–200). Москва: Праксис.
- Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). (б. д.). Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 82. Л. 37-40; Д. 155. Л. 5 об.
- Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). (б. д.). Ф. 5938. Оп. 1. Д. 3. Л. 126-130; Д. 4. Л. 97-98.

- Государственный архив Российской Федерации. (б. д.). Ф. Р-1235. Оп. 121, д. 149, л. 17, 18; Р-1318, оп. 1, д. 179, л. 132; Р-3316. Оп. 17. Д. 687. Л. 112.
- Государственный архив Ростовской области (ГАРО). (б. д.). Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 1. Л. 130 об-131, 138 об, 143, 148-148 об, 158 об; Д. 170. Л. 92 об; Д. 561. Л. 98 об.
- Данилов, В. П., & Берелович, А. (Ред.). (2000). *Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД: Документы и материалы 1918—1939. В 4-х т* (2-е изд.). Москва: РОССПЭН.
- Деятельность Центрального Комитета партии в документах (События и факты). (1991). *Известия ЦК КПСС*, 3, 164.
- Дроздов, Константин С. (2012). Украинизация в РСФСР и концепция империи положительной деятельности Терри Мартина. (К вопросу осуществления советской национальной политики на русско-украинском пограничье в 1923-1933 гг.). *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, 3(7).
- Дроздов К.С., Аманжолова Д. А., & Трепавлов В. В. (2017). *Этнические элиты в союзных республиках СССР. Этнические элиты в национальной политике России*. Москва; Санкт-Петербург: Новый хронограф.
- Емтыль (Калашаова), З. Я. (2016). *Жернова истории. Социально-политическая история адыгов конца XIX в. – 20-х гг. XX в. В очерках и документах*. Краснодар: Издательский дом Юг.
- Еремеев, К. С. (1921, август). С Кавказа. *Правда*.
- Жупикова, Е. Ф. (1995). *О переселении терского казачества в 1920 году. Возрождение казачества. Материалы всероссийской научной конференции*. Ростов-на-Дону: Логос.
- Каппелер, А. (2000). *Россия—Многонациональная империя: Возникновение; история; распад*. Москва: Прогресс-Традиция.
- Карпов, Ю. Ю. (2017). *Национальная политика Советского государства на северокавказской периферии в 20—30-е гг. XX в.* Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.
- Каррер д'Анкосс, Э. (2010). *Евразийская империя: История Российской империи с 1552 г. До наших дней. 2-е изд.* Москва: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина».
- Каспэ, С. И. (2001). *Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика*. Москва: РОССПЭН.
- Каспэ, С. И. (2005). Суррогат империи: О природе и происхождении федеративной политической формы. *Полис. Политические исследования*, 4, 5–29.
- Кислицын, С. А., & Перехов, Я. А. (1989). Северо-Кавказская партийная организация в борьбе за решение казачьего вопроса на Тереке в первой половине 20-х годов. *Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. Ростов-на-Дону*, 1, 104–112.

- Козлов, В. А. (Ред.). (2011). *Вайнахи и имперская власть: Проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.)*. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Конькова, З. Б. (1995). *Дагестан: Нижне-терское казачество* (Ю. Г. Кульчик, Ред.). Москва: ИГПИ; РНФ.
- Красовицкая Т. Ю. (2012). Конфликт идеалов и практик ранней советской государственности. Механизмы и практики этнополитических процессов (1917–1929 гг.). Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. В Красовицкая Т. Ю. & Тишков В. А. (Ред.), *Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства* (с. 151–206). Москва: Новый хронограф.
- Круглов, В. Н. (2020). *Организация территории России в 1917–2007 гг.: Идеи, практика, результаты*. Москва; Санкт-Петербург: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив.
- Куличенко, М. И. (1984). *Критика фальсификаций национальных отношений в СССР* (М. П. Мчедлов, Ж. Г. Голотвин, & Е. С. Троицкий, Ред.). Москва: Политиздат.
- Ливен, Д. (2007). *Российская империя и её враги с XVI века до наших дней*. Москва: Европа.
- Малышева, Е. П. (2012). Советская власть: Новые формы и методы управления. В *Территория и власть в новой и новейшей истории Российского государства* (с. 135–173). Москва: Новый хронограф.
- Мартин, Т. (2011). *Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР*. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Матвеев, В. А. (2012). *Российская универалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. — 1917 г. (Изд. 2-е, испр. и доп))*. Ростов-на-Дону: Омега Паблишер.
- Матвеев, В. А. (2016). *Националистическая Вандея и проявления устойчивости российской интеграции на Северном Кавказе в кризисных условиях, 1917–1921 гг. (Изд. 2-е, испр. и доп))*. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета.
- Миллер, А. И. (2006). *Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Морозова, О. М. (2011). Николай Федорович Гикало. *Вопросы истории*, 9, 37–57.
- Панов, П. В. (2011). *Институты, идентичности, практики: Теоретическая модель политического порядка*. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Роговая, Л. А., Кошелева, Л. П., & Гатагова, Л. С. (Ред.). (2005). *ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос*. Москва: РОССПЭН.
- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). (б. д.). Ф. 17. Оп. 11. Д. 278. Л. 99; Д. 281. Л. 12; Оп. 16. Д. 916. Л. 62; Оп. 67. Д. 172. Л. 74; Ф. 65. Оп. 1. Д. 69. Л. 1, 85.

- Сталин, И. В. (1947). К военному положению на Юге. В *Сочинения* (Т. 4, сс. 282–291). Москва: Госполитиздат.
- Суни, Р. Г. (2014). Советское и национальное: Единство противоречий. Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы. В *Материалы VI международной научной конференции, Киев, 10-12 окт. 2013* (сс. 17–40). Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Тишков, В. А. (2013). *Российский народ: История и смысл национального самосознания*. Москва: Наука.
- Узденова, С. Б. (2014). Учреждения юстиции и правоохранительные органы Карачая в 1917–1943 гг. Извлечено от https://karachai.ucoz.ru/publ/m/obshhie_1/2_2_silovye_struktury_v_borbe_s_oppozitsiej/28-1-0-1721
- Фергюсон, Н. (2013). *Империя. Чем современный мир обязан Британии*. Астрель; CORPUS: Москва.
- Фортунатов, В. В. (2021). Нужна ли России модернизация? Сравнительно-исторический метод даёт ответ. Исторический путь России: Из прошлого в будущее. В *Материалы международной научной конференции, посвященной 800-летию со дня рождения Великого князя Александра Невского* (сс. 616–623). Санкт-Петербург.
- Хлынина, Т. П., Кринко, Е. Ф., & Урушадзе, А. Т. (2012). *Российский Северный Кавказ: Исторический опыт управления и формирования границ региона*. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН.
- Хобсбаум, Э. (1999). *Век Империи. 1875–1914*. Ростов-на-Дону: Феникс.
- Цуциев, А. А. (2006). *Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004)*. Москва: Европа.

References

- Activities of the Central Committee of the Party in Documents (Events and Facts). (1991). *Izvestiya CPSU Central Committee*, 3, 164 (In Russian).
- All-Union Population Census of 1926* (Vol. 9). (1928). Moscow: Publication of the Central Statistical Office of the USSR (In Russian).
- Archive of the Modern History of the Stavropol Territory (GANISK). (n.d.). *F. 5938. Op. 1. D. 3. P. 126-130; D. 4. P. 97-98* (In Russian).
- Averyanov, A. V. (2020). *National Policy in the Don, Kuban, and Stavropol Territories in the 1920s-1930s*. Rostov-on-Don; Taganrog: SFU Publishing House (In Russian).
- Avtorkhanov, A. G. (1988). *Kremlin Empire: A Soviet Type of Colonialism*. Garmisch-Partenkirchen: Prometheus-Verlag (In Russian).
- Baranov, A. V. (1999). *Multiform society of the North Caucasus in the conditions of the new economic policy*. Krasnodar: Kuban State University (In Russian).

- Carrère d'Encausse, E. (2010). *Eurasian Empire: History of the Russian Empire since 1552 to the present day* (2nd ed.). Moscow: ROSSPEN; Yeltsin Presidential Center Foundation (In Russian).
- Danilova, V. P., & Berelovich, A. (Eds.). (2000). *The Soviet Village through the Eyes of the Cheka—OGPU - NKVD: Documents and Materials 1918-1939* (2nd ed., Vol. 4). Moscow: ROSSPEN (In Russian).
- Drozдов, K.S., Amanzholova, D. A., & Trepavlov, V. V. (2017). Ethnic Elites in the Union Republics of the USSR. In *Ethnic Elites in the National Politics of Russia*. Moscow; St. Petersburg: The New Chronograph (In Russian).
- Drozдов, Konstantin S. (2012). Ukrainization in the RSFSR and Terry Martin's concept of empire of positive activity. (To the Question of the Implementation of Soviet National Policy on the Russian-Ukrainian Borderland in 1923-1933. *Electronic Scientific-Educational Journal "History,"* 3(7) (In Russian).
- Ferguson, N. (2013). *Empire. What the modern world owes Britain*. Astril; CORPUS: Moscow (In Russian).
- Fortunatov, V. V. (2021). Does Russia need modernization? The comparative-historical method gives the answer. Historical path of Russia: From the past to the future. *Materials of the International Scientific Conference Dedicated to the 800th Anniversary of the Great Prince Alexander Nevsky*. St. Petersburg (In Russian).
- Gellner, E. (2002). The Coming of Nationalism. Myths of nation and class. In B. Anderson, O. Bauer, & M. Hroh (Eds.), *Nations and Nationalism* (pp. 146–200). Moscow: Praxis (In Russian).
- Hobsbawm, E. (1999). *Century of the Empire. 1875-1914*. Rostov-on-Don: Phoenix (In Russian).
- Kappeler, A. (2000). *Russia-Multinational Empire: Rise; History; Disintegration*. Moscow: Progress-Tradition (In Russian).
- Karpov, Y. Y. (2017). *The National Policy of the Soviet State in the North Caucasian Periphery in the 20-30s of the Twentieth Century*. St. Petersburg: St. Petersburg Orientalism (In Russian).
- Kaspe, S. I. (2001). *Empire and Modernization: The General Model and Russian Specifics*. Moscow: ROSSPEN (In Russian).
- Kaspe, S. I. (2005). Surrogate of Empire: On the Nature and Origin of the Federal Political Form. *Polis. Political Studies*, 4, 5–29 (In Russian).
- Khlynina, T. P., Krinko, E. F., & Urushadze, A. T. (2012). *Russian North Caucasus: Historical experience of management and formation of the region's borders*. Rostov-on-Don: UNTS RAS Publishing House (In Russian).
- Kislitsyn, S. A., & Perekhov, Y. A. (1989). The North Caucasian party organization in the struggle for the solution of the Cossack question on the Terek in the first half of the 20s. *Proceedings of the North-Caucasus Scientific Center of Higher School. Social Sciences. Rostov-on-Don*, 1, 104–112 (In Russian).
- Kon'kova, Z. B. (1995). *Dagestan: Nizhne-Teri Cossacks*. Moscow: IGPI; RNF (In Russian).

- Kozlov, V. A. (Ed.). (2011). *Vainakh and Imperial Power: The Problem of Chechnya and Ingushetia in the Internal Politics of Russia and the USSR (early 19th—Mid 20th Century)*. Moscow: The Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) (In Russian).
- Krasovitskaya, T. Yu. (2012). The Conflict of Ideals and Practices of Early Soviet Statehood. Mechanisms and practices of ethnopolitical processes (1917-1929). Ethnic and religious factors in the formation and evolution of the Russian state. In T. Yu. Krasovitskaya & V. A. Tishkov (Eds.), *Ethnic and Religious Factors in the Formation and Evolution of the Russian State* (pp. 151–206). Moscow: The New Chronograph (In Russian).
- Kruglov, V. N. (2020). *Organization of Russia's Territory in 1917-2007: Ideas, Practice, Results*. Moscow; St. Petersburg: Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; Center for Humanitarian Initiatives (In Russian).
- Kulichenko, M. I. (1984). *Critique of falsifications of national relations in the USSR* (M. P. Mchedlov, J. G. Golotvin, E. S. Troitsky, & Ed, Eds.). Moscow: Politizdat (In Russian).
- Lieven, D. (2007). *The Russian Empire and its Enemies from the Sixteenth Century to the Present Day*. Moscow: Europa (In Russian).
- Malysheva, E. P. (2012). Soviet Power: New Forms and Methods of Administration. In *Territory and Power in the New and Modern History of the Russian State* (pp. 135–173). Moscow: The New Chronograph (In Russian).
- Martin, T. (2011). *The Empire of "Positive Activity". Nations and Nationalism in the USSR*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) (In Russian).
- Matveev, V. A. (2012). *Russian Universalist Transformation and Separatism in the North Caucasus (second half of the 19th century – 1917)*. Rostov-on-Don: Omega Publisher (In Russian).
- Matveev, V. A. (2016). *Nationalist Vandei and manifestations of the sustainability of Russian integration in the North Caucasus in crisis conditions, 1917-1921* (2nd, revised and extra ed.; Ed., Ed.). Rostov-on-Don: Southern Federal University Press (In Russian).
- Mawdsley, E. (1998). *The Stalin Years: The Soviet Union, 1929—1953*. Manchester; New York: Manchester University Press.
- Miller, A. I. (2006). *The Romanov Empire and Nationalism: Essays on the Methodology of Historical Research*. Moscow: New Literary Review (In Russian).
- Morozova, O. M. (2011). Nikolai Fedorovich Gikalo. *Voprosy istorii*, 9, 37–57 (In Russian).
- Panov, P. V. (2011). *Institutes, Identities, Practices: A Theoretical Model of Political Order*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) (In Russian).
- Rogovaya, L. A., Kosheleva, L. P., & Gatagova, L. S. (Eds.). (2005). *Central Committee of the RCP(b)-WCP(b) and the National Question*. Moscow: ROSSPEN (In Russian).
- Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). (n.d.). *F. 17. Op. 11. D. 278. P. 99; D. 281. P. 12; Op. 16. D. 916. P. 62; Op. 67. D. 172. P. 74; F. 65. Op. 1. D. 69. P. 1, 85.*
- Stalin, I. V. (1947). *To the military situation in the South*. Moscow: Goszolitizdat (In Russian).
- State Archive Russian Federation. (n.d.). *F. R-1235. Op. 121, D. 149, L. 17, 18; R-1318, Op. 1, D. 179, L. 132; P-3316. Op. 17. D. 687. P. 112* (In Russian).

- Suny, R. G. (2014). The Soviet and the National: Unity of Contradictions. *Soviet Nations and National Politics in the 1920s-1950s. Proceedings of the VI International Scientific Conference*, 17–40. Kiev: The Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) (In Russian).
- The State Archive of the Krasnodar Territory (GAKK). (n.d.). *F. P-158. Op. 1. D. 82. P. 37-40; D. 155. P. 5 vol* (In Russian).
- The State Archive Rostov Region. (n.d.). *F. R-1485. Op. 1. Д. 1. L. 130 об-131, 138 об, 143, 148-148 об, 158 об; D. 170. P. 92 об; D. 561. P. 98об* (In Russian).
- Tishkov, V. A. (2013). *Russian people: History and meaning of national self-consciousness*. Moscow: Nauka (In Russian).
- Tsutsiev, A. A. (2006). *Atlas of the Ethnopolitical History of the Caucasus (1774-2004)*. Moscow: Europa (In Russian).
- Uzdenova, S. B. (2014). *Institutions of Justice and Law Enforcement Agencies of Karachay in 1917-1943*. Retrieved from https://karachai.ucoz.ru/publ/m/obshhie_1/2_2_silovye_strukturny_v_borbe_s_oppozitsiej/28-1-0-1721 (In Russian).
- Yemtyl, Z. Y. (2016). Reeds of History. Socio-political history of the Adygs in the late 19th century—20s of the 20th century. In *In essays and documents*. Krasnodar: Yug Publishing House (In Russian).
- Yeremeev, K. S. (1921). *From the Caucasus*. Pravda (In Russian).
- Zhupikova, E. F. (1995). On the resettlement of the Terek Cossacks in 1920. *Renaissance of Cossacks. Materials of the All-Russian Scientific Conference*. Presented at the Rostov-on-Don. Rostov-on-Don: Logos (In Russian).

PETER'S "REGULAR STATE": A MASONIC CONSPIRACY OR A DEMAND OF THE EPOCH

Aleksey A. Ilin

Moscow State University. Moscow, Russia. E-mail: [korablevrr\[at\]mail.ru](mailto:korablevrr[at]mail.ru) ORCID 0000-0001-7002-4057

Abstract

A great and strong Russia instills fear in the countries of the West. In order to undermine our power, various states unite in coalitions and try to create a split in Russian society using a variety of means and methods. History, fortunately, has repeatedly shown the world the effect of the proverb: "what does not kill us makes us stronger." But, for some reason, the West cannot assimilate this in any way and every century tests the power of our country. The article considers the question of the formation of the Russian Empire through the prism of the personality-Emperor Peter I. The author draws up a psychological portrait of the tsar, explores his political ideas for the transformation of society and studies one of the mysterious versions of the formation of the Russian Empire – the Masonic conspiracy. Did England really try to make an empire out of Muscovy, for what was it necessary for her?

Another important question that many researchers have been asking themselves for a single century, how did the utopian idea of creating an empire become a reality - a miscalculation of England or a successful combination of circumstances. And the Russian society that was split into parts (liberals and conservatives) should have gone against Peter, but there was no open aggression. The other side is foreign policy and war. They were draining the state. But under the wayward management of a "special" tsar, who denied traditions, broke the established management system, everything turned upside down. The Antichrist? This version was also discussed, but it did not go further than backstage conversations. Russia became an empire, and Peter became an emperor. What is the uniqueness of Peter's rule of the country and what changed both the status and power. A difficult childhood or a difficult youth? The author considers different versions of the formation of the empire, where Peter is the main character.

Keywords

Peter I; Russian Empire; emperor; Muscovy; Northern War; Masonic conspiracy; "Regular State"

«РЕГУЛЯРНОЕ ГОСУДАРСТВО» ПЕТРА: МАСОНСКИЙ ЗАГОВОР ИЛИ ТРЕБОВАНИЕ ЭПОХИ

Ильин Алексей Александрович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова Москва, Россия.

E-mail: [korablevrr\[at\]mail.ru](mailto:korablevrr[at]mail.ru) ORCID 0000-0001-7002-4057

Аннотация

Великая и сильная Россия уже не одно столетие вселяет страх в страны Запада. Чтобы подорвать наше могущество различные государства объединяются в коалиции и пытаются внести раскол в российское общество, используя самые разные средства и методы. История, к счастью, не раз показывала миру действие афоризма, принадлежащего Фридриху Ницше: «Все, что нас не убивает, делает нас сильнее». Смысл этого афоризма в том, что сложные ситуации способны закалить характер, а препятствия на жизненном пути делают сильнее. Но, Запад, почему-то, этого никак не может усвоить, и каждое столетие проверяет могущество нашей страны. В статье рассматривается вопрос становления Российской империи через призму личности – императора Петра I. Автор составляет психологический портрет царя, исследует его политические идеи преобразования общества и изучает одну из загадочных версий становления Российской империи – масонский заговор. Действительно ли Англия пыталась из Московии сделать империю, для чего ей это было необходимо?

Еще один немаловажный вопрос, который многие исследователи задают себе не одно столетие, как утопичная идея по созданию Российской империи стала реальностью – просчет Англии или удачное стечение обстоятельств. А расколовшееся на части русское общество (либералы и консерваторы) должно было бы пойти против Петра, но открытой агрессии не было. Войны тоже не подорвали авторитет царя, а лишь истощали государство. Но под своенравным управлением «особенного» царя, который отрицал традиции, ломал устоявшуюся систему управления, России удалось не просто выстоять, но и получить мировое признание. Мнение различных слоев общества сводилось к тому, что Пётр – антихрист. Эта позиция не получила серьезной поддержки. Россия стала империей, а Пётр – императором. В чем уникальность правления Петра страной и что изменило статус и мощь России. Нелегкое детство или трудное юношество? Автор рассматривает разные версии становления империи, где Пётр главный герой.

Ключевые слова

Пётр I, Российская империя, император, Московия, Северная война, масонский заговор, «регулярное государство»

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) [Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Имперский период нашей истории - 196 лет. За это время сложилось мнение, что русские – коренные европейцы, оторванные от остальной Европы нашествием монголо-татар. Якобы монголы изменили «русский характер», традиции. Было принято говорить и думать, что «русские наглотались татарщины» (Толстой. 1963, стр. 259). На самом же деле, путь к империи – заслуга Петра I. Он изменил отношение к нации, государству, системе управления и т.д. Все, что делал Петр, трактовались в романтическом свете, даже грязь и кровь его эпохи выглядела по-особенному. Белинский, Герцен, Ломоносов – говорили об эпохе Петра восторженно и величественно. Почему «допетровская Русь» не желала прогресса, и что побудило Петра к созданию империи: характер, ненависть к прошлому или непростая судьба?! Пожалуй, и то, и другое, и третье. Иначе России бы не стать империей в 1721 году.

Анализировать российский империализм, на взгляд автора, следует через человека, личность, лидера - Петра I. И, безусловно, нельзя не остановиться на некоторых биографических аспектах его детства. На эту важную составляющую обращают внимание многие мыслители прошлого. Чего только стоит высказывание Н.М. Карамзина: «Великий муж созрел уже в юноше и мощною рукою схватил кормило государства». (Карамзин. 1991, стр. 31). Однозначно согласиться с мнением Н. Карамзина нельзя. Пётр вырос, креп, закалял характер всю жизнь, но, безусловно, детство и юношество сформировали привычки и страхи будущего императора, которые мешали и помогали одновременно. Какие бы характеристики не давали самому Петру, его эпохе – он лидер, которого критикуют, осуждают, боготворят. Он сумел сделать то, чего до него ни сделал никто, да и последователи Петра особо ничем не отличились.

ЮНОШЕСКИЕ ФОБИИ КАК ГЕНЕЗИС ИМПЕРАТОРЩИНЫ

Петр I был человеком причудливым и со своим собственным взглядом абсолютно на все. Больше всего поражает ненависть Петра к старинным родам, аристократии, названиям. Многие историки приписывают Петру непостоянство характера, регулярные психологические срывы. «Когда Петр возбуждался или напряжение его бурной жизни становилось чрезмерным, лицо его начинало непроизвольно дергаться. Степень тяжести этого расстройства, обычно затрагивавшего

левую половину лица, могла колебаться: иногда это был небольшой лицевой тик, длившийся минуту или две, а иногда — настоящие судороги, которые начинались с сокращения мышц левой стороны шеи, после чего спазм охватывал всю левую половину лица, а глаза закатывались так, что виднелись одни белки. При наиболее тяжелых, яростных приступах затрагивалась и левая рука — она переставала слушаться и непроизвольно дергалась; кончался такой приступ лишь тогда, когда Петр терял сознание» (Мэсси. 1996, стр. 83). Довольно серьезное впечатление на окружающих производили выпученные глаза царя: «дикое выражение, вызывавшее невольную дрожь в слабонервном человеке» (Ключевский. 2000, стр. 487). Эти видимые глазу отклонения не единственные. Внутренних отклонений тоже немало, взять хотя бы его приступы неудержимой ярости. Подверженный этим состоянием Петр терял рассудок, бросался на людей, бил их, чем попало. Страшно представить какую опасность царь представлял для окружения.

Еще одна удивительная особенность Петра заключалась в том, что он всегда был чем-то занят. Причем, как отмечают многие историки, его занятия не отличались какой-то полезностью. Все сводилось к суетливости, беготне. Он всегда чем-то заполнял свое время, будто боялся остаться наедине с собой. Другие же биографы говорят об обратном, что Петр всегда думал о государстве и даже написал двадцать тысяч одних указов. Нужно отметить, что указы Петр писал в местах мало подходящих для этого. И, возможно, поэтому их содержание заводит в тупик. На некоторые своеобразные законы царя указывает А. Буровский: «Подчиненный перед начальником должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы разумением своим не смущать начальство; чтобы Петра извещали о начале каждого пожара за полчаса до его начала» (Буровский. 2010, стр. 25). Складывается ощущение, что Петр все хотел изменить, поменять, установить на новый лад, но ему не хватало умений, навыков, но царь не опускал рук и продолжал действовать. Ключевский довольно интересно описывает состояние Петра-законотворца: «он остался без всякого политического сознания, с одним смутным и бессодержательным ощущением, что у его власти нет границ, а есть только опасности. Эта безграничная пустота сознания долго ничем не заполнялась. Мастеровой характер усвоенных с детства занятий, ручная черная работа мешала размышлению, отвлекала мысль от предметов, составляющих необходимый материал политического воспитания, и в Петре вырастал правитель без правил, одухотворяющих и оправдывающих власть, без элементарных политических понятий и нравственных сдержек. Недостаток суждений и нравственная неустойчивость при гениальных способностях и обширных технических по-

знаниях резко бросались в глаза и заграничным наблюдателям 25-летнего Петра, и им казалось, что природа готовила в нем скорее хорошего плотника, чем великого государя» (Ключевский. 2000, стр. 501-502).

Петр вырос, его подвижность не давала ему покоя. Неспособность остановиться, поверхностность, неумение сосредоточиться были с ним всю жизнь. Видимо эти уникальные особенности и сотворили, казалось бы, невозможное. Придали России величие и уважение, сделали империей. Вместе с тем, деятельность самого царя Петра и его элиты до сих пор вызывает массу споров, вследствие их крайне противоречивого характера (Карабущенко, 2019). Особенно в отечественной научной литературе оцениваются неоднозначно итоги проведенных в те годы реформ, которые делались в второпях и не всегда доводились до их логического завершения.

Еще одной важной составляющей, которая повлияла на развитие России и на самого Петра, стало время господства механики (XVII и XVIII в.). В этот период Петр решает занять все молодое население страны и не просто бесполезными занятиями, а с далеко идущими планами, нацеленными на процветание страны. Петр лично собирает молодых дворян, проводит смотр и делит их на три группы: «которые постарше — в службу в солдаты, средние — за море, в Голландию, для морской навигацкой науки, а самых малолетних — в город Ревель, в науку» (Цит. по: Буровский. 2010, стр. 93), пишет В. Головин. Его расчет был сделан не на несколько лет вперед, а на века.

И, конечно, нельзя не обратить внимания на «потешные войска» Петра. Еще совсем ребенком Петр упоенно командовал взрослыми (ребятами на несколько лет старше). Царь получал нешуточное наслаждение и все больше втягивался в игру. Даже за тридцать, когда Петр стал полноправным царем, он продолжал играть в военные игры. Об отношении Петра к военному делу говорит многое, чего стоит пример А. Буровского: «возле Преображенского происходила «примерная» битва: лучший стрелецкий полк, состоявший из конных и пеших стрельцов, должен был драться против Семеновского полка и конных царедворцев. В этот день воевали до полной темноты, было много раненых и обожженных» (Буровский. 2010, стр. 34). Известно, что в результате таких «потех» гибли люди, мнение родных и близких, естественно, никого не интересовало. Петр наслаждался «игрой» и усложнял задачи «потешным». Такие игры и своенравный характер Петра все больше разжигали в нем желание всеобщего уважения и не только подданных, но и элиты других стран. Могло показаться, что это всего лишь игра с самолюбием, но оказалось пророческая игра.

Поведение и взгляды Петра его современники воспринимали в штыки, некоторые даже считали, что Петр вовсе не из рода Романовых. Такое мнение сложилось во многом из-за отношения Петра к алкоголю и учреждение им «Всепьянещего собора». В этом соборе не было никаких норм приличия, все напивались до беспамятства, высмеивали служителей церкви и открыто говорили обо всем. Некоторые историки считали, что таким образом Петр пытался развязать языки своему окружению и узнать мнение о себе. А. Буровской пишет: «Ему не хотелось встречать в Грановитой палате послов иностранных государств, "сидеть" с боярами, принимать ответственные решения, жить в торжественной пышности, имеющей обратную сторону — принятие ответственности за всю страну, за судьбу войны и мира, за настоящее и будущее Московии» (Буровский. 2010, стр. 41). Петр мечтал построить свой мир, свое государство, не похожее на государство его отцов.

РЕФОРМАТОРСКИЙ ПУТЬ ПЕТРА I К ИМПЕРИИ

Некоторые историки приписывают Петру создание постоянной армии Московии, но это не так. Армия появилась за пятьдесят лет до Петра. Заслугой царя является создание военного администрирования. Петр разработал Новый Устав, который определял, какое место в иерархии занимают поручики, капитаны и сколько человек должно быть в подчинении. Никаких самостоятельных шагов, предложений в разработке и применении военных маневров у Петра не было. Петр копировал европейский уклад, не вникая в необходимости изменений. Но, все же, Петр внес большой вклад в потрясение армии, отмечает А. Буровский: «Пётр сыграл роль парового катка. Его действия скорее следует называть не столько «реформой», сколько «ломкой», «разрушением» или «взрыванием» — так будет значительно точнее» (Буровский. 2010, стр. 50). Несмотря на такие невысокие оценки Петра в военном деле, ему удалось невозможное - завоевание Прибалтики. Нужно отметить, что об этом мечтали многие, но удача улыбнулась все же Петру. Большинство современных историков принижают победу Петра над Прибалтикой. Мол, Швеция шла к упадку, надорвалась в войнах с Польшей, а Петр воспользовался положением и победил. Может и так, но Петр сумел разглядеть шаткое положение Швеции и «ударить» в нужный момент. Историки говорят, что Петр в этой войне использовал средства устрашения времен Ивана IV, бросавшего на немцев в Ливонскую войну первобытных татар и башкир. Р. Мэсси излагает те события так: «Шереметев переправился за Нарову, пошел гостить в Эстонии таким же образом, как гостил прошлый год в Лифляндах. Гости были прежние: козаки, татары, калмыки, башкирцы, и гостили по-

прежнему... Шереметев вошел беспрепятственно в Вещенберг, знаменитый в древней русской истории город Раковор, и кучи пепла остались на месте красивого города. Та же участь постигла Вейсенштейн, Феллин, Обер-Пален, Руин; довершено было и опустошение Ливонии. В конце сентября Борис Петрович возвратился домой из гостей: скота и лошадей... было взято вдвое против прошлого года, но чухон меньше, потому что вести было трудно» (Мэсси. 1996, стр. 8). Такие действия наших предков некоторые историки не оправдывают и не считают тактику выжженной земли достижением. Впрочем, давать оценку военным действием Петра, поддерживать или отрицать их – не является предметом данного исследования. Автор лишь последовательно анализирует события, которые повлияли на развитие и становления России как империи.

Продолжая размышлять над управлением Петра страной, невольно обращаешь внимание на позицию государя, связанную с дипломатическими интригами, которые царь умело вел. Историк В. Ключевский обращает внимание на некоторые моменты: «разбрасывая своих племянниц по глухим уголкам германского мира... Пётр втягивался в придворные дразги и мелкие династические интересы огромной феодальной паутины... германские отношения перевернули всю внешнюю политику Петра, сделали его друзей врагами, не сделав врагов друзьями, и он опять начал бросаться из стороны в сторону, едва был не запутан в замысел служившего шведскому королю голштинца Герна... хотевшего помирить Швецию с Россией, чтобы они низвергли ганноверского курфюрста с английского престола и восстановили Стюартов» (Ключевский. 2000, стр. 512-513). Подкидывая дрова в костер войны, Пётр потерял возможность окончить военное столкновение в 1710–1711 году и война затянулась еще на несколько лет, нанося серьезный ущерб государственному бюджету и увеличивая потери людей.

В государственном управлении Пётр тоже оставил след. В свои первые годы правления царь и не думал ничего менять. Страна управлялась Боярской Думой. В 1718 году Пётр заводит новые органы – коллегии. Три из них – Адмиралтейская, Иностранная, Военная – были особыми и относились к первейшим: «на смену приказам пришли коллегии» (Юрганов, Кацва. 1996. Стр. 266). В 1707-1710 году были созданы губернии: Московская, Смоленская, Киевская, Азовская, Казанская, Архангельская, Нижегородская, Астраханская, Сибирская. Губернии, в первую очередь, вводились для нужд содержания армии и для удобства управления. К 1711 году полки были расписаны по губерниям. Губернии, по указу Петра, теперь стали содержать полки, которые назывались по «шефствующим» губерниям: Астраханский полк, Си-

бирский и т.д. Такая система деления была заимствована у Швеции. В 1701 Пётр упраздняет Патриарший разряд и вводит Монастырский приказ — бюрократическое учреждение для управления церковным имуществом. В 1721 году публикуется «Духовный регламент» — это документ, в котором очень прямодушно обосновывается нежелательность патриаршества, которое, якобы, воспринимается русским народом как высшая власть. Пётр был против этого. Такое решение царя объяснил исследователь П. Милюков, полагая, что «между тремя инстанциями центрального управления — консилией министров, сенатом и коллегиями — не существовало правильного иерархического отношения: власть учредительная, законодательная и исполнительная беспорядочным образом мешались в каждой из них» (Милюков, 1994. стр. 236). Следует отметить, что старая приказная система во главе с Боярской думой неплохо справлялась с управлением и без царского вмешательства. Новая система управления уже не могла существовать без личного вмешательства царя, и при исчезновении царя ввергалась в хаос. Реформа системы управления указывает на то, что Пётр не желал с кем-либо делить власть. Он желал и стал единоначальником. Конечно, существуют мнения, которые указывают на то, что якобы ничего такого Пётр и не сделал, лишь произвел переименование. Это далеко не так. Страна жила в режиме управления всего одним сильным человеком и все изменения в государстве шли по указу одного.

Серьезные изменения в общественный строй внес и политический сыск, введенный Петром. Введение такой системы контроля автор объясняет недоверием царя к своим поданным и большим страхом потерять престол. Эта фобия Петра, скорее всего, из детства. Опасаясь самых страшных последствий, Пётр следил, проверял и подозревал. О том, как был организован политический сыск при Петре, указывает исследователь М. Семеновский: «инквизиторы вдавались в самые мелкие, совершенно ребяческие расследования» (Семеновский. 1993. стр. 284). Пётр желал знать все, боялся сам, пугал других. Такое отношение к подданным, только было на руку Петру. Люди были зажаты в рамки и, по сути, не имели права выбирать, а могли лишь выполнять указы царя. Нормы такого взаимоотношения повлияли на имперские настрояния Петра и были оправданы.

Анализируя систему правления Петра и его характер, невольно задаешься вопросом: «На кого похож Пётр по методам управления?». Обращаясь к истории России, Петра можно сравнить с князем Владимиром, который силой заставил принять новую систему ценностей. Свое родное язычество объявил признаком дикости, а чужую веру, веру врагов-византийцев, чьи храмы было так весело грабить, объявил

истинной верой. Пётр Святую Русь объявил отсталой и дикой, а западные страны цивилизованными и просвещёнными. В такой перевернутой системе ценностей Русь просто обязана перенять мудрость учёного Запада. А смену собственных титулов Пётр производил несколько раз от «отца отечества» до императора. Исследователь А. Буровский отмечает: «в религиозной традиции «отцом» может быть только духовное лицо, «отцом отечества» — только глава всей Русской православной церкви. Пётр I допускал называть себя «богом» и «Христом», к нему постоянно относили слова из Священного Писания и церковных песнопений, которые относимы вообще-то только к Христу» (Буровский. 2010, стр. 347). Такое поведение Петра его современники и последователи восприняли неоднозначно. Некоторые считали Петра бесом во плоти человека.

СОЗДАНИЕ ИМПЕРИИ

Анализируя жизнь Петра, его реформы и поведение, задаешься вопросом: «Какую страну хотел построить Пётр?». Изучая труды различных исследователей, понимаешь, что Петру было симпатично «регулярное государство». Отметим, что под «регулярным государством» следует понимать общество, где люди представлены в виде простых механических схем, а отношения в обществе и государстве сводили к движениям самых элементарных фигур. Другими словами, Пётр представлял государство огромными часами (идея Лейбница), где одно колесо приводит в движение другое. Пётр боготворил ученых-механицистов; идеи «регулярного государства» вызывали у него совершеннейший восторг. Есть сведения, что Пётр даже вел переписку с Лейбницем, приглашал на руководящие посты, но последний отказывался. При этом следует подчеркнуть, что Пётр не читал трудов Лейбница, а просил составить ему краткое описание основных идей.

Европейскую хватку Петра, и увлеченность идеями немецких философов породили множество слухов, якобы Пётр является масоном и его истинным желанием стало достижение мирового господства. Впрочем, это предположение так до сих пор и не доказано. Если, конечно, допустить, что Пётр входил в масонское общество, то идеи преобразования Руси могла навязывать Англия: «масонство есть дело рук Англии, желающей довести до анархии все другие народы, чтобы завладеть мировым могуществом» (Толь. 2000, стр. 247). Попал ли Пётр под столь сильное влияние Запада, и была ли действительно такая идея – сказать сложно. Ясно одно, Пётр очень хотел войти в историю, и вопрос создания империи для него стал ключевым.

Можно предположить, что Запад хотел научить Петра всему плохому, показывая свою жизнь, привычки с лучшей стороны, а наш царь пытался воплотить «механически заимствованные на Западе модные идейки» (Бушков. 1997, стр. 399) и сделать нормой для российского общества. Тем самым расколоть его на части и привести к вражде. Невольно можно допустить и то, что Русь рассматривалась европейцами как площадка для воплощения идеального государства, отсюда и идея Петра построить «регулярное государство», от теории к практике. И, нужно сказать, Петру это удалось. Он стал главным механизмом, который приводил в движение все остальные. Нравилось это подданным или нет, не имело для царя никакого значения. Он стоял на своем и был предан своей идее.

Желание Петра построить империю воспринималась как утопия, т.е. идея, которая невыполнима. Как отсталая страна со своими дикими нравами способна к столь высокому званию? Возможно, что те, кто склонялся к такой позиции – были правы. Но, доказать обратное пессимистам Пётр смог, конечно, благодаря своему окружению. Пётр и его команда совершили невозможное и показали всему миру рациональность и выполнимость своих идей. Расчет Петра можно назвать авантюрой. Пусть и так, но царь сумел взять высокую техническую, идеологическую, политическую планку и сделать Россию ближе к европейцам по образу мышления, стилю жизни, управлению.

Помочь реализовать Петру его задумки, а, возможно, где-то и внедрить их в сознание будущего императора смогло его близкое окружение: Меншиков, Апраксин, Толстой, Ягужинский, Ромодановский. Все они общались между собой, обменивались идеями и, судя по всему, самых толковых Пётр выделял и поощрял титулами. Нужно сказать, что все вышеперечисленные товарищи обязаны своим положением Петру. Доказательством этого может послужить высказывание исследователя В. Мавродина: «Своими титулами и чинами, своим богатством и влиянием, своим местом в обществе, короче говоря, всем, они были обязаны Петру» (Мавродин. 1998, стр. 345). Стоит отметить, что при Петре было две группы высшей знати: наследственная и назначенная. Наследственная при Петре особого уважения не имела. Куда более привилегированное положение занимала назначенная. В назначенную элиту входило близкое окружение Петра, которое он выбрал себе еще с детства: «несмотря на свою молодость и потешный характер своих занятий, успел уже из окружающего его общества притянуть к себе лучшие силы, взять лучших людей, отличавшихся какой-либо способностью» (Соловьев. 1962, стр.473). С такими людьми и шел Пётр по жизни, конечно, их характер и пристрастия настораживают, но каков сам, таково

и окружение. Как гласит русская пословица, «Каков поп, таков и приход».

Рассуждая о политических делах Петра нельзя однозначно сказать, что только реформы или победа в Северной войне сделала из Руси империю. Скорее всего, вся жизнь Петра, его постепенные один за другим шаги поменяли не только статус государства, но и изменили общественное устройство, отношение Запада к России - т.е. страна изменилась и по форме, по содержанию, что говорит о грамотной и своевременной последовательности шагов по совершенствованию государства.

В то же время, имперский титул Петра можно рассматривать как начало нового завоевательного пути России, основанного на римской истории. С другой, как удовлетворение собственного самолюбия. Так, например, известен факт, когда однажды Пётр употребил в дипломатической переписке титул императора, но большинство европейских монархов отказывались называть русского царя на новый манер. Тогда Пётр и задумал официально и громогласно переименовать себя. Царь понимал, что такой шаг должен был быть приурочен к акту большого государственного торжества, то есть к победе в войне. Ждать Петру удобного момента пришлось долго, целых восемь лет, но он дождался.

Новый титул России воспринимали не все страны. Петру пришлось снова добиваться признания. Имперские амбиции Петра, еще за несколько лет до официального провозглашения, испытали на себе некоторые страны. Россия стала энергичнее и чаще прежнего вмешивалась во внутренние дела европейцев. Русская армия неоднократно вводилась на территорию Речи Посполитой, чтоб наводить там свои порядки и защищать царского союзника - короля Августа. «В Мекленбурге и Гольштинии «помогали» царским зятьям расправляться с их недругами. В результате разразился «Мекленбургский кризис (1719-1720 гг.): установлению российского протектората над северогерманским герцогством воспротивилась «вся Европа» (Англия, Голландия, Франция, Дания и Пруссия)» (Пласковицкий, 2020) - Россия едва избежала общеевропейской интервенции. Мощь Швеции Петр подрывал запугиванием и политикой «выжженной земли».

Обязательства по международным договорам Петровская Россия соблюдала лишь постольку, поскольку ей это было выгодно. Царь и его представители предпочитали говорить на языке ультиматумов и угроз. Российские послы не стеснялись горячиться, обижаться, оскорблять и вымогать. Так российская империя завоевывала свое признание и авторитет.

Стать влиятельнее, сильнее и распространить свое господство на часть Европы для России было непростой задачей. Отсталая, как тогда считалась, Русь не угроза для передового Запада, но как показывает история, нас просто недооценивали. И еще долго бы считали неудачниками, если бы не сильный лидер – Пётр I. Первый российский император сделал, как сейчас понимаем, невозможное, и на несколько столетий вперед задал вектор развития страны в самых разных областях. Как видно из статьи, на личность Петра и его лидерские качества повлияло непростое детство и юношество, если бы будущий император жил в комфорте и заботе, то, скорее всего, ему мало что удалось бы сделать. Впрочем, этот аспект скорее психологический, чем политический, хоть и не маловажный.

ВЫВОДЫ

Сравнивая Петра I с его предшественниками, можно указать: с князем Владимиром и Иваном IV, можно указывать на множество существующих общих линий в системе управления. Правда, нельзя сказать, что что-то конкретное Пётр взял у того или другого. Важно другое – Пётр закрепил и упрочил славу России на мировой арене и показал, что утопическая идея о сильном государстве в отсталой стране – реальность. Он укрепил в России самодержавную власть, создав новый вариант сильного централизованного государства, придав ему имперский характер. В таком виде Россия просуществовала еще два столетия, одновременно достигнув и своего наивысшего, и придя к своему политическому упадку.

Список литературы

- Буровский, А. М. (2010). *Проклятый император*. Москва: «Эксмо».
- Бушков, А. А. (1997). *Россия, которой не было*. Москва: «ОЛМА-пресс».
- Карабущенко, П. Л. (2019). Политические Элиты Петровской Эпохи В Свете Критики Их Профессиональной Деятельности. *Современная Наука И Инновации*, 3(27). doi: [10.33236/2307-910X-2019-3-27-199-208](https://doi.org/10.33236/2307-910X-2019-3-27-199-208)
- Карамзин, Н. М. (1991). *Записка о древней и новой России*. Москва: «Наука».
- Ключевский, В. О. (2000). *Русская история. Полный курс лекций* (Vol. 2). Ростов-на-Дону.
- Мавродин, В. В. (1988). *Рождение новой России*. Л: Издательство Ленинградского университета.
- Милюков, П. Н. (1994). *Очерки русской культуры*. Москва: «Прогресс».
- Мэсси, Р. (1996). *Петр Великий*. Смоленск: «Русич».

Пласковицкий, А. Л. (2021). Империя Петра великого: Амбиции или реальность. Извлечено из *Plas—Качай извилины* здесь website: <https://plas.by/ist/petr.php>

Семевский, М. М. (1996). *Тайная служба Петра I*. Минск: «Терра Год».

Соловьев, С. М. (1962). *История России с древнейших времен*. Москва: Издательство «Социально-экономической литературы».

Толстой, А. К. (1963). *Собрание сочинений в 4 томах*. Москва: «Художественная литература».

Толь, С. Д. (2000). *Ночные братья*. Москва: «Москва».

Юрганов, А. Л., & Кацва, Л. А. (1997). *История России XVI—XVIII вв.* Москва: «Аргус».

References

Burovsky, A. M. (2010). *The Cursed Emperor*. Moscow: Eksmo (In Russian).

Bushkov, A. A. (1997). *Russia That Was Not*. Moscow: OLMA-press (In Russian).

Karabushchenko, P. L. (2019). Political Elites of the Peter the Great Epoch in the Light of Criticism of their Professional Activities. *Modern Science and Innovation*, 3 (27), 236-241 (In Russian).

Karamzin, N. M. (1991). *Notes on Ancient and New Russia*. Moscow: Nauka (In Russian).

Kluchevsky, V. O. (2000). *Russian History. Full Course of Lectures* (Vol. 2). Rostov-on-Don (In Russian).

Mavrodin, V. V. (1988). *The Birth of the New Russia*. Leningrad: Leningrad University Press (In Russian).

Milyukov, P. N. (1994). *Essays on Russian Culture*. Moscow: Progress (In Russian).

Massey, R. (1996). *Peter the Great*. Smolensk: Rusich (In Russian).

Plaskovitsky, A. L. (2021). Peter the Great's Empire: Ambition or Reality. Extracted from *Plas-Kachai izviliny* here website: <https://plas.by/ist/petr.php> (In Russian).

Semevsky, M. M. (1996). *The secret service of Peter the Great*. Minsk: Terra God (In Russian).

Solov'ev, S. M. (1962). *History of Russia Since the Most Ancient Times*. Moscow: Publishers of Social and Economic Literature. (In Russian).

Tolstoy, A. K. (1963). *Collected Works in 4 Volumes*. Moscow: Art Literature (In Russian).

Tol, S. D. (2000). *Night Brothers*. Moscow: "Moscow" (In Russian).

Yurganov, A. L., & Katsva, L. A. (1997). *History of Russia in the XVI-XVIII centuries*. Moscow: "Argus" (In Russian).

RUSSIAN PROJECT OF THE GREATER MEDITERRANEAN: FROM IMPERIAL TRADITIONS TO A NEW ROUND OF GREAT CONFRONTATION

(a) Gennady V. Kosov, (b) Vladimir D. Nechaev ,
(c) Dmitry B. Tatarkov.

(a) Sevastopol State University. Sevastopol, Russia. E-mail: kossov1[at]yandex.ru.
ORCID 0000-0002-1422-895X

(b) Sevastopol State University. Sevastopol, Russia. E-mail: vdnechaev[at]sevsu.ru.
ORCID 0000-0003-0429-4299

(c) Sevastopol State University. Sevastopol, Russia. E-mail: dmtatarkov[at]sevsu.ru.
ORCID 0000-0002-4684-356X

Abstract

In a scientific article, the authors for the first time in domestic and foreign political science formulated the essence of the Russian project of the Greater Mediterranean. The article traces the evolution of ideas about the Greater Mediterranean, the role and place of Russia in it. Analyzing the socio-political and military-geopolitical discourses, the authors come to the conclusion that the implementation of the Black Sea vector in the Moscow strategy consisted of two stages-tasks: the annexation of the lands of the former Kievan Rus and the conquest of Crimea with access to the Black Sea. The Russian state was able to begin to realize the first task of "national policy" only from the first half of the 17th century. At the same time, the authors note that it was impossible to achieve both tasks without a military clash with the Ottoman Empire. In the 19th century, the Russian Empire continues to realize its imperial ambitions, striving to act as a collector of Slavic (Orthodox) peoples and a liberator of the Balkans, which leads not only to four wars with Turkey, but also to tension with European countries. The article proves that the first unconscious desire to lay the foundation for a new Russian imperial project "Great Mediterranean", respectively, without this name itself, but true in terms of territorial linkage and functionality, can be seen in the alliance concluded by Russia in the 18th century with Austria and the so-called «Greek Project» by Catherine II. The emerging Russian project of the Greater Mediterranean was based not only on the military power of the Empire, but also on soft power. The collapse of the colonial system, the emergence of new actors in the Greater Mediterranean, the desire of the Soviet Union to subordinate the countries of North Africa, the Near and Middle East to the logic of a global confrontation with the United States, the building of a security system on the Black Sea and more broadly in the Black Sea-Mediterranean areas in the context of Turkey's entry into NATO led to the formalization of the de facto Soviet project of the Great Mediterranean, which in a more detailed form and in the new geopolitical realities developed the Russian imperial project. The paper substantiates the idea that the formation of a new architecture of the world order is accompanied for Russia by the emergence of not only new challenges and threats, but also additional opportunities. The crisis of the security architecture in the Greater

Mediterranean determines the revitalization of the Russian Federation not only in the military-political and economic spheres, but also its presence in the humanitarian space of the Greater Mediterranean countries.

Keywords

Greater Mediterranean; foreign policy project; Russia in the Mediterranean; Russia in the Greater Mediterranean; large spaces; Ottoman Empire; Russian Empire; British Empire; Austrian Empire; modern Russia

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

РОССИЙСКИЙ ПРОЕКТ БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ: ОТ ИМПЕРСКИХ ТРАДИЦИЙ К НОВОМУ ВИТКУ БОЛЬШОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

**(а) Косов Геннадий Владимирович, (б) Нечаев Владимир Дмитриевич ,
(с) Татарков Дмитрий Борисович.**

(а) Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия.
E-mail: [kossov1\[at\]yandex.ru](mailto:kossov1[at]yandex.ru). ORCID 0000-0002-1422-895X

(б) Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия.
E-mail: [vdnechaev\[at\]sevsu.ru](mailto:vdnechaev[at]sevsu.ru). ORCID 0000-0003-0429-4299

(с) Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия .
E-mail: [dmtatarkov\[at\]sevsu.ru](mailto:dmtatarkov[at]sevsu.ru). ORCID 0000-0002-4684-356X

Аннотация

В научной статье авторы впервые в отечественной и зарубежной политологии сформулировали сущность российского проекта Большого Средиземноморья. Прослеживается эволюция идей о Большом Средиземноморье, роли и месте России в нем. Анализируя общественно-политический и военно-геополитический дискурсы, авторы приходят к заключению о том, что реализация черноморского вектора в московской стратегии состояла из двух этапов-задач: присоединение земель бывшей Киевской Руси и завоевание Крыма с выходом к Черному морю. Реализовывать первую задачу «национальной политики» русское государство смогло начать только с перовой половины XVII века. При этом авторы отмечают, что достичь обеих задач невозможно было без военного столкновения с Османской империей.

В XIX веке Российская империя продолжает реализовывать свои имперские амбиции, стремясь выступать собирательницей славянских (православных) народов и освободительницей Балкан, что приводит не только к четырём войнам с Турцией, но и напряжению с европейскими странами. В статье доказывается, что первое неосознанное стремление заложить фундамент новому российскому имперскому проекту «Большое Средиземноморье», соответственно без самого этого названия, но верного по территориальной привязке и функционалу, можно разглядеть в заключённом Россией в XVIII веке союзе с Австрией и, так называемом, «греческом проекте» Екатерины II. Формирующийся российский проект Большого Средиземноморья опирался не только на военную мощь Империи, но и на мягкую силу. Распад колониальной системы, появление новых акторов в Большом Средиземноморье, стремление Советского Союза подчинить логике глобального противостояния с США страны Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока, выстраивание системы безопасности на Черноморском и более широко в Черноморско-Средиземноморском направлениях в условиях вхождения Турции в НАТО привели к оформлению де-факто советского проекта Большое Средиземноморье, который в более развернутом виде и

в новых геополитических реалиях развивал российский имперский проект. В работе обосновывается мысль о том, что формирование новой архитектуры миропорядка сопровождается для России появлением не только новых вызовов и угроз, но и дополнительных возможностей. Кризис архитектуры безопасности в Большом Средиземноморье детерминирует активизацию Российской Федерации не только в военно-политической и экономической сферах, но и ее присутствие в гуманитарном пространстве стран Большого Средиземноморья.

Ключевые слова

Большое Средиземноморье; внешнеполитический проект; Россия в Средиземноморье; Россия в Большом Средиземноморье; большие пространства; Османская империя; Российская империя; Британская империя; Австрийская империя; современная Россия

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ И ОБОСНОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Авторы в своих предыдущих работах ставили вопрос о сущности такого феномена как Большое Средиземноморье. Ими был сформулирован тезис о том, Большое Средиземноморье может рассматриваться в контексте броделевского взгляда на сущность Средиземноморья и его экстраполяции на Черное море. Кроме этого в своих работах авторы говорили о Большом Средиземноморье как метафоре, не требующей четкого логического определения понятия и объединявшей условно сформулированные, иносказательно, на уровне ощущений представленные образы пространств (Косов & Татарков, 2020; Гукасов & Косов, 2020). И, наконец, авторы говорили о том, что Большое Средиземноморье есть Проект (Нечаев, 2021). Причем проектов Большого Средиземноморья в исторической перспективе было достаточно много (Финикийский, Античный, Римский, ...). В данной статье авторы в первые в мировой науке формулируют суть, содержание и цели российского проекта Большого Средиземноморья и доказывают, что пространство Большого Средиземноморья для Российского государства в том или ином виде всегда выступало в качестве наиболее приоритетного.

МЕТОДОЛОГИЯ

В основу данной работы положена методология больших многомерных пространств В.Л. Дергачева (2002), которая наиболее адекватно описывает логику современных трансформационных процессов мирового пространства и формирования новых регионов, причем новые они зачастую потому, что в основу их закладываются иные принципы районирования. Кроме этого была использована методология пространственного подхода в исследовании международных отношений И.Л. Прохоренко (2015).

Авторы опирались на трактовку геополитического региона В.Н. Рябцева. Концептуализируя это понятие, он подчеркивает, что «геополитический регион не замкнут абсолютно и полностью на географически фиксируемую территорию, а лишь привязан к ней» (Рябцев, 2018, стр. 98). Он в большей степени детерминирован политическими/мирополитическими процессами, пересечением, противостоянием, конфликтом, консенсусом интересов как региональных, так и внерегиональных, в том числе глобальных акторов, причем как с суверенитетом, так и без него. Это геополитически значимая территория, своего рода «фрагмент и узел стягивания напряжений некоего всемирного

целого» (Рябцев 2018, стр. 88). Геополитический регион, будучи частью глобального пространства, обладает специфической суммой черт, формирующих его уникальность, подчеркивающих его целостность, тем самым обособливая его от других пространств.

ЭВОЛЮЦИЯ МОСКОВСКОГО – РОССИЙСКО-ИМПЕРСКОГО ПРОЕКТА БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Черное море в истории нашей страны всегда входило в сферу стратегических интересов. Так, А.Н. Куропаткин говорит о том, что выход к Черному морю являлся для России одной из «задач национальной политики» (Куропаткин 1910в, стр. 326). Эту же мысль отстаивал Г.Г. Гиссер в своей «Военной географии России». Он отмечал, что «Черное море при господстве русского флота позволяет высаживать десант на территории Турции, Балкан, Малой Азии», кроме того оно может служить «связью» армии, находящейся на этих территориях, с Империей (Гиссер 1910, стр.80).

Но при всех стратегических преимуществах, по мнению того же Г. Гиссера, именно Черное море открывает российское побережье «для вторжения неприятельского флота» (Гиссер 1910, стр. 80), будь то турецкого, либо иного другого, который воспользовался согласием Турции на проход через проливы Босфор и Дарданеллы.

В.О. Ключевский, говоря о значении Черного (Русского) моря, отмечал, что – это территория контакта с Византией, арабским миром, пространство политического, экономического и социокультурного проникновения миров, это арена торговой и военной конкуренции (Ключевский, 2018). Но в период раздробленности и междоусобных войн «установившаяся еще в VII и VIII столетиях связь русских поселений по Днепру с Черным морем прерывается на долгие годы» (Куропаткин, 1910а, стр. 78). Рост могущества северо-восточных земель, миграция населения с юга на север, возвышение Владимира «отодвинуло задачу по выходу к Черному морю назад, а на первый план выдвигается задача по выходу к морю Каспийскому» (Куропаткин, 1910в, стр. 79). При этом, задача выхода к Черному морю оставалась актуальной для Московского государства, хотя и отягчена труднопреодолимыми препятствиями в лице Польши, Литвы, крымских татар и Османской империи. Более того, перед ним стояли более важные на тот момент задачи: свержение татарского ига, выход к Каспию, борьба с Литвой и Польшей. Это при том, что ряд европейских государств пыталось втянуть Московию в орбиту борьбы с Османской империей, стремясь

разыграть так называемое византийское наследство (Куропаткин 1910а, стр. 91).

Н.В. Чарыков в труде «Посольство в Рим и служба в Москве...» отмечает, что «правители московского государства с половины XV до половины XVII вв., то есть в период наибольшего напряжения борьбы с турками венгров, поляков и немцев... держались вполне определенной по отношению к туркам политики и твердо уклонялись в вооружённой борьбе с турками, несмотря на приглашения правителей европейских государств того времени считать бывшую Византию наследством России» (Цит. по: Куропаткин, 1910а, стр. 78.; Куропаткин, 1910в, стр. 326).

В это время Московия видела в Турции противовес Польше и, как минимум, молчаливого наблюдателя в борьбе с Золотой Ордой и присоединением Астраханского и Казанского ханств. К византийскому наследию Москва в это время относилась «преимущественно с духовной стороны» (Куропаткин 1910в, стр. 326), а не как к «реальному наследованию на Ближнем Востоке от византийских императивов» (Куропаткин, 1910в, стр. 326.).

В то время реализация черноморского вектора в московской стратегии состояла из двух этапов-задач: присоединение земель бывшей Киевской Руси и завоевание Крыма с выходом к Черному морю. Реализовывать первую задачу «национальной политики (по Куропаткина)» русское государство смогло начать только с первой половины XVII века. При этом отметим, что достичь обе задачи было невозможно без военного столкновения с Османской империей.

С середины XVII века ситуация в отношениях России к Турции меняется. Последняя, стремясь де-факто и де-юре закрепиться не только западнее, но и значительно восточнее Днепра, вторглась в Подолию и Малороссию. Это привело к тому, что уже не отдельные группы казаков, а государство со своей мощью стало реализовывать задачу национальной политики по выходу к Черному морю. Вследствие этого уже в XVIII веке Российская империя присоединила Крым и вышла к Черному морю.

В XIX веке Российская империя продолжает реализовывать свои имперские амбиции, стремясь выступать собирательницей славянских (православных) народов и освободительницей Балкан, что приводит не только к четырём войнам с Турцией, но и напряжению с европейскими странами.

Начало этой тенденции можно разглядеть уже в греческом проекте Екатерины II. Как подчеркивает Н.М. Смилянская «южный внешне-политический курс России в екатерининскую эпоху формировался с

учетом широких задач завоевания Крыма и предотвращения набегов татар на земли южнорусского порубежья, открытия «окна в Европу» через Черное море, свободного судоходства в Азовско-Черноморском бассейне. А плавание в Черном море неизбежно ставило перед российскими правителями и проблему выхода в море Средиземное, политическое, экономическое и культурное освоение средиземноморского пространства» (Смилянская, 2011, стр. 9-10). Успехи России в черноморском (турецком) направлении способствовали росту антироссийских настроений в создании европейского истеблишмента, которые не переросли в военные столкновения только благодаря началу революции во Франции. Так, современные российские историки отмечают, что после ряда побед в Архипелаге Англии, итальянские государства изменили отношение Российской Империи. Возникло опасение, то не далек тот день, когда «россияне будут конкурировать с прочими морскими державами за главенство на морях, и делить заморские богатства с Испанией и Англией в Бенгалии и Патагонии» (Смилянская, 2011, стр. 461).

Первая война XIX века России с Турцией (1806-1812 гг.) имела несколько долговременных внешнеполитических последствий, в том числе, подозрительность европейских держав «к нашим планам на Ближнем Востоке» (Куropаткин, 1910с, стр. 345). В ходе второй войны с Турцией Россия имела все шансы воспользоваться всеми преимуществами Черного моря, о которых говорил Г.Г. Гессер, и снять угрозу проливов, заняв Босфор. Это позволило бы, во-первых, закрыть проход из Средиземного моря в Черное, сняв угрозу на южном стратегическом направлении, во-вторых, со временем стать Черному морю внутренним морем Империи, в-третьих, по мнению Куропаткина, избежать Россией Крымской (Восточной) войны 1853-1856 гг. (Куropаткин, Т. 2, стр. 376). Но «Константинополь и Дарданеллы так подавляли в умах современников значение Босфора (только и нужного России), что о нем забыли» (Куropаткин, 1910в, стр. 376). Кстати, в планах Николая I были идеи занять Черноморским флотом и корпусом войск Дарданеллы с Босфором и расположить там русские гарнизоны. Об этом свидетельствует проект Дибича (Куropаткин, 1910в, стр. 378). В этом же проекте говорилось о том, что и Константинополь должен был находиться в «русских руках».

А.Н. Куропаткин, рассуждая о важности Босфора для безопасности Российской империи, считал необходимым и достаточным условием этой безопасности удержанием за Россией «части Босфора, прилегающей к Чёрному морю», а тот же Дибич писал, что контроль черноморской частью Босфора является лишь необходимым, но недостаточным

условием. Без контроля над Дарданеллами Империя не сможет влиять на Балканы, Ближний Восток и не способна полностью обеспечить безопасность Российской территории с Черного моря. А.Н. Куропаткин, пересказывая работу С. Горяинова «Босфор и Дарданеллы», сделал акцент на том, что «утверждение в Дарданеллах – это покушение России на владение совместно с другими державами Средиземным морем» (Куропаткин, 1910в, стр. 501). Это, по нашему мнению, по сути, является первым интеллектуальным абрисом российского проекта Большого Средиземноморья. Этот контур становится более осязаемым в контексте «властных заявлений русского государя о том, что он не позволит другим державам присвоить себе хоть один вершок турецкой земли» (Куропаткин, 1910в, стр. 387).

Итак, по сути, первое неосознанное стремление заложить фундамент новому российскому имперскому проекту «Большое Средиземноморье», соответственно без самого этого названия, но верного по территориальной привязке и функционалу, можно разглядеть в заключённом Россией в XVIII веке союзе с Австрией и, так называемом, «греческом проекте» Екатерины II. Так, в случае победы Пруссии в союзе с Австрией, Россия перенаправляла свои войска в сторону Турции, стремясь сосредоточить торговлю с Левантом в своих руках. А итогом реализации «греческого проекта» должно было стать «особое самостоятельное государство, династически связанное с Россией» (Куропаткин, 1910в, стр. 501). Примечательно, что 1808 году Александр I говорил Наполеону о Константинополе, как о ключе к своему дому.

Свою лепту в формирующийся абрис Большого Средиземноморья внесли славянофилы, политические взгляды которых подтверждали опасения европейских государств в российском желании «овладеть Константинополем и проливами и создать под ее главенством союз из славянских народностей. Такой союз, угрожая в особенности Австрии, представлялся вполне нежелательным и другим державам, особенно Англии, а затем Германии, Италии и Франции, ибо самым существенным образом мог нарушить, разрушением Турции и захватом Константинополя, экономические интересы этих держав» (Куропаткин, 1910с, стр. 247 - 248).

Формирующийся российский проект Большого Средиземноморья опирался не только на военную мощь Империи, но формировался при помощи мягкой силы. Так, Г. Вебер отмечает, что «агенты и приверженцы русского правительства всячески старались усиливать привязанность турецких христиан к России, а из того, как выражался русский посланник в Константинополе, можно было заключить, что рус-

ский царь всеми признан за законного защитника греческой религии на Востоке» (Цит. По: Куропаткин, 1910в, стр. 395).

В реальность появления контура русского проекта Большое Средиземноморье заставляло поверить, например, англичан, в мифическое, но тем не менее, очень популярное завещание Петра I, в котором девятым пунктом говорилось о настойчивом продвижении к Константинополю и Индии, военном столкновении с Турцией и Персией, строительстве портов и верфей на Черном море и выход к Персидскому заливу. «Лорд Пальмерстон 25 марта 1854 года в палате депутатов утверждал, что политика России со времен Петра Великого «систематически, неуклонно стремилась к осуществлению его проекта завоевания Турции»» (Куропаткин, 1910, стр. 402).

Однозначно, даже призрак подобного проекта вызвал сопротивление и Англии, и Австрии, и Франции, и других европейских стран. Так, например, Турция рассматривалась Англией как территория сбыта своих мануфактурных товаров и плацдарм для британского влияния на Ближней Восток. Следовательно, российский контроль над проливами, Константинополем и, впоследствии, над территориями Ближнего Востока, явно не вписывался в британское видение мирового устройства и места в нем Российской империи.

Практически внутренне море Османской империи и закономерное нежелание Порты пускать в него Австрию и Россию, затем трансформация статуса моря в «европейское озеро», выстраивание колониальной системы с политико-экономическими интересами Великобритании, Франции, Италии, а с конца XIX века и Германии в регионе Средиземноморья, включающего в себя и Север Африки, и Ближний Восток, британский контроль за Суэцким каналом и Гибралтаром, амбиции дряхлеющей Османской империи и нарождающейся Турции все это вместе взятое блокировало Средиземноморские интересы Российской империи и не допускало ее к участию в Средиземноморском балансе.

СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Распад колониальной системы, появление новых акторов в Большом Средиземноморье, стремление Советского Союза подчинить логике глобального противостояния с США страны Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока, выстраивание системы безопасности на Черноморском и более широко в Черноморско-Средиземноморском направлении в условиях вхождения Турции в НАТО привели к оформлению де-факто советского проекта Большое Средиземноморье, который, на наш взгляд, в более развернутом виде и в новых геополитиче-

ских и геостратегических реалиях развивал российский имперский проект.

Кроме идеологической составляющей, формированию советского видения проекта Большого Средиземноморья, опять же без введения в общественно-политический и международный дискурс этого термина, способствовало понимание того, что будущие войны не будут континентальными, как Вторая мировая война. В этой связи адмирал флота С.Г. Горшков в своей книге «Морская мощь государства» отмечает, что «ныне флот ударами с моря способен изменить ход вооруженной борьбы даже на континентальных театрах военных действия и влиять на ее исход» (Горшков, 1979, стр. 6). А исходя из того, что адмирал флота И.М. Капитанец, рассуждая о Средиземном море, делает акцент на том, что страны по его побережью в «промышленном производстве капиталистического мира составляют 12 % (среди государств Западной Европы – более 37 %)» (Капитанец, 2001, стр. 21), присутствие советского военного флота в Средиземноморье позволяло бы реализовать «качественно новую задачу» флота – «сокращение военно-экономического потенциала противника прямым воздействием на его жизненно важные центры с моря» (Горшков, 1979, стр. 6).

Кроме экономического потенциала Средиземного моря И.М. Капитанец говорит о крупнейших международных морских коммуникациях, важнейшими из которых являются нефтяные, по «которым из стран Северной Африки, ближнего и Среднего Востока доставляется топливо в государства Европы и США» (Капитанец, 2001, стр. 22) и важнейшей роли Средиземного моря в глобальной стратегии западных стран, выполняющем функцию коммутатора между Индийским и Атлантическим океанами.

Специфика военно-географического положения Средиземного моря, по мнению советских стратегов, делает его уникальным, что не только вводит его в сферу стратегических интересов СССР, но в целях обеспечения национальной безопасности требует более четкого обоснования проекта Большое Средиземноморье и его реализации на практике. Данная уникальность связана с его закрытым характером, значительной пересеченностью, «позволяющей создавать различные рубежи», наличием «важных в оперативно-стратегическом отношении проливов, узкостей и островов», сравнительно небольших размеров «входящих в состав бассейна морей» (Капитанец, 2001, стр. 23).

В основу советского проекта Большое Средиземноморье были положены две идеи: формирование пространства идеологически близких государств социалистического и постколониального блоков в бассейнах Черного и Средиземноморского морей с целью мобилизации

ресурсов и военном доминировании в геополитических опорных точках в глобальном противостоянии с США.

РОССИЙСКИЙ ПРОЕКТ БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ

После распада Советского Союза и образования современной России дальнейшая проработка и реализация проекта Большое Средиземноморье были свернуты. Стремление таких международных акторов как США и объединенная Европа сформировать приемлемый для каждого мировой порядок привело к тому, что для Средиземноморского региона прорисовываются два типа больших пространств: со стороны США – это Большой Ближний Восток, а со стороны ЕС – Евро-Средиземноморье. Хотя необходимо отметить, что США как глобальный актор мирополитических процессов активно с разной степенью активности формировал и формирует Евро-Атлантическое пространство, которое в системе геополитических координат современной Северной Америки занимает важнейшее место. Еще Н. Спайкмен вывел термин «срединный океан», проведя аналогию между атлантическим океаном и Средиземным морем (в древности), предвосхитив создание НАТО (Спайкмен, 2015). Помимо этого, пусть и провалившаяся, но попытка создания Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства свидетельствует о том, что для Вашингтона Средиземноморье – это больше, чем просто часть Большого Ближнего Востока (Смилянская, Велижев & Смилянская, 2011).

Но ни первый, ни второй проекты в силу объективных и субъективных причин, таких как финансовый и экономический кризисы, проблемы в ЕС, нестабильность на Ближнем Востоке не были реализованы. Более того, в 2014 году в «целом сложились геополитические предпосылки для прорыва, а затем и планомерного вхождения России в Средиземноморский регион» (Нечаев, 2019, стр. 68). Более того, добавим, не просто вхождение в регион, а «ускоренное восстановление и всестороннее укрепление стратегических позиций Российской Федерации, поддержание мира и стабильности» в Черноморском регионе (Морская доктрина ... 2015) и, как продолжение этой линии, «проведение целенаправленного курса на превращение» Средиземного моря «в зону военно-политической стабильности и добрососедства» (Морская доктрина ... 2015).

Чем обосновывается значимость современного Средиземноморья для России? По мнению Д. Малышевой, этот регион «остаётся удобным плацдармом, с которого можно оказывать влияние на такие важ-

ные для мировой экономики и политики районы, как Ближний Восток, Северная Африка, Черноморско-Азовский бассейн, а географическое и связанное с этим геополитическое положение стран Средиземноморья делает их важной компонентой всей системы безопасности европейского континента» (Малышева, 2015).

Кроме этого, как и ранее, Средиземное море является территорией магистральных коммуникаций по линии Восток – Персидский залив – Запад. Эксперты отмечают, что «через Суэцкий канал, соединяющий Средиземное море с Красным, транспортируется около 5 % мировых поставок нефти и 15 % природного газа; на Черноморские, или турецкие, проливы (Босфор и Дарданеллы), являющиеся единственным путем сообщения между Черным и Средиземным морями, приходится 6% мировой торговли нефтью» (Малышева, 2015).

Кроме этого, Средиземное море представляет интерес и для региональных, и внерегиональных акторов как территория, богатая запасами углеводородов (например, «Тамар», «Левиафан», «Афродита»). Потенциальная проблема стабильности Средиземноморского региона кроется, в том числе, и в расположении нефте-газоносных пластов на спорных территориях.

Регион Большого Средиземноморья в ситуации кризиса современного мирового порядка трансформируется в территорию повышенной конкуренции и конфликтности. Это связано, во-первых, с деятельностью Грузии и Украины, пытающихся после событий 2008 и 2014 годов все более активно встроиться в американскую/НАТОвскую линию сдерживания России; во-вторых, активизацией турецких внешнеполитических и экономических проектов, как в сторону Средиземного, так и Черного морей; в-третьих, возрастание региональной конкуренции как по линиям противостояния арабского и турецкого проектов исламского мира, так и геоэкономической конкуренции традиционных для этого региона акторов, так и принципиально новых для него, такого как Китай (Нечаев, Чихарев, Ирхин & Маковская. 2019).

Помимо этого, угрозы региональной стабильности и безопасности связаны с множеством открытых и замороженных конфликтов на территории Средиземноморья; общей милитаризацией региона; угрозой неконтролируемого появления и распространения оружия массового поражения; демографическими диспропорциями; миграционными волнами; возрастающей активностью политического ислама; восстановлением геополитической целостности пространств Южного и Северного Кавказа, Средней Азии и Средиземноморья. Подчеркнем, что все эти угрозы носят не локальный, а как минимум региональный характер, понимая в данном случае под регионом Большое Средизем-

номорье. И главный интерес Российской Федерации в реализации проекта Большого Средиземноморья как раз и сводится к созданию системы региональной коллективной безопасности.

ВЫВОДЫ

Формирование новой архитектуры миропорядка сопровождается для России появлением не только новых вызовов и угроз, но и дополнительных возможностей. Кризис региональной безопасности в Большом Средиземноморье детерминирует активизацию деятельности Российской Федерации не только в военно-политической и экономической сферах, но и ее присутствие в гуманитарном пространстве стран Большого Средиземноморья.

Более того, вышеприведенный анализ демонстрирует, что для Российского государства пространство Большого Средиземноморья в том или ином виде всегда выступало в качестве одного из наиболее приоритетных. Как следствие, активизация политики современной России на данном стратегическом направлении является не каким-то тактическим ходом, а попыткой реализовать долгосрочную, многовековую стратегию, отвечающую фундаментальным интересам Москвы.

В данном контексте следует отметить, что в современных геостратегических реалиях перед Россией открылись возможности для перехода к активной фазе реализации данной стратегии: с одной стороны, речь идет о повышении за последнее десятилетие геополитического и геоэкономического статуса Москвы, а с другой – о появлении разных по своей природе проблем и противоречий в рамках пространства Большого Средиземноморья (например, речь идет о разногласиях внутри Североатлантического Альянса, нестабильности в рамках ближневосточного измерения Большого Средиземноморья со всем комплексом вытекающих из этого последствий, провале создания Западом таких больших геоэкономических конструкций, как Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство, и т.д.).

Список литературы

- Гиссер, Г. Г. (1910). *Военная география России: (Прикладная часть): Исслед. Отд. Театров воен. Действий*. Санкт-Петербург: Тип. Штаба войск гвардии и Петербургского военного округа.
- Горшков, С. Г. (1979). *Морская мощь государства*. Москва: Воениздат.
- Гукасов, А. В., & Косов, Г. В. (2020). Технологии формирования нового мирового порядка в период «Interregnum»: К вопросу формирования новых элитарных

зон и территорий распада (кейс Большого Средиземноморья). *Вопросы элитологии*, 1(4), 82–103. doi: 10.46539/elit.v1i4.38

Дергачев, В. Л. (2002). *Геоэкономика*. Киев: ВИРА-Р.

Капитанец, И. М. (2001). *Война на море. Актуальные проблемы развития военно-морской науки*. Москва: Вагриус.

Ключевский, В. О. (2018). *Русская история. Полный курс в 4-х частях*. Москва: Юрайт.

Косов, Г. В., & Татарков, Д. Б. (2020). Ближневосточный узел Большого Средиземноморья в контексте элитологического анализа. *Вопросы элитологии*, 1(1), 111–130. doi: 10.46539/elit.v1i1.7

Куропаткин, А. Н. (1910a). *Задачи русской армии. Задачи армии, не связанные с русской национальной политикой* (Т. 2). Санкт-Петербург: Склад В.А. Березовского, комиссионера военно-училищных заведений.

Куропаткин, А. Н. (1910b). *Задачи русской армии. Задачи армии по объединению русского племени и выходу к морям: Каспийскому, Балтийскому и Черному* (Т. 1). Санкт-Петербург: Склад В.А. Березовского, комиссионера военно-училищных заведений.

Куропаткин, А. Н. (1910c). *Задачи русской армии. Задачи России и русской армии в XX столетии* (Т. 3). Санкт-Петербург: Склад В.А. Березовского, комиссионера военно-училищных заведений.

Малышева, Д. (2015). Россия в Средиземноморье: Геополитика и современные интересы. Извлечено от http://blackseafleet-21.com/news/24-01-2016_grossija-v-sredizemnomore-geopolitika-i-sovremennye-interesy

Морская доктрина Российской Федерации. (2015). Правительство РФ. Извлечено от <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/uAFi5nvux2twaqjftS5yrIZUVTJan77L.pdf>

Нечаев, В. Д. (Ред.). (2021). *Большое Средиземноморье: Социально-политические и международные процессы. Аналитический доклад*. Севастополь: ООО «РИБЕСТ».

Нечаев, В. Д., Чихарев, И. А., Ирхин, А. А., & Маковская, Д. В. (2019). Концепция геостратегического атласа Большого Средиземноморья. *Вестник Московского университета. Серия 5: География*, (1), 67–74.

Прохоренко, И. Л. (2015). *Пространственный подход в исследовании международных отношений*. Москва: ИМЭМО РАН.

Рябцев, В. Н. (2018). *Геополитическое пространство современного мира в региональном измерении (опыт морфологического анализа)*. Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью «Фонд науки и образования». Извлечено от <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42428598>

Смилянская, И. М., Велижев, М. Б., & Смилянская, Е. Б. (2011). Россия в Средиземноморье. В *Архипелагская экспедиция Екатерины Великой* (с. 840). Москва: Индрик.

Спайкмен, Н. Дж. (2015). Политическая карта Евразии (глава из книги «География мира»). Часть 1. *Вестник Российского государственного гуманитарного универ-*

ситета. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение», (1), 41–50.

References

- Dergachev, V. L. (2002). *Geoeconomics*. Kiev: VIRAR (In Russian).
- Gisser, G. G. (1910). *The Military Geography of Russia: (Applied Part): Investigations. Dept. Of theaters of military*. Deeds. St. Petersburg: Type. Headquarters of the Guards Troops and the St. Petersburg Military District (In Russian).
- Gorshkov, S. G. (1979). *The Sea Power of the State*. Moscow: Voenizdat (In Russian).
- Gukasov, A. V., & Kosov, G. V. (2020). Technologies of the New World Order Formation in the “Interregnum” Period: To the Question of the Formation of New Elitist Zones and Territories of Decay (Case of the Greater Mediterranean. *Voprosy Elitologii*, 1(4), 82–103. doi: 10.46539/elit.v1i4.38 (In Russian).
- Kapitanets, I. M. (2001). *War at sea. Actual problems of the development of naval science*. Moscow: Vagrius (In Russian).
- Kluchevsky, V. O. (2018). *Russian history. Full course in 4 parts*. Moscow: Yurait (In Russian).
- Kosov, G. V., & Tatarkov, D. B. (2020). The Middle Eastern Knot of the Greater Mediterranean in the Context of Elitological Analysis. *Voprosy Elitologii*, 1(1), 111–130. doi: 10.46539/elit.v1i1.7 (In Russian).
- Kuropatkin, A. N. (1910a). *Tasks of the Russian Army. Tasks of Russia and the Russian Army in the Twentieth Century* (Vol. 3). St. Petersburg: Warehouse of V.A. Berezovsky, commissioner of military schools (In Russian).
- Kuropatkin, A. N. (1910b). *Tasks of the Russian Army. Tasks of the Army for the Unification of the Russian Tribe and Access to the Seas: Caspian, Baltic and Black* (Vol. 1). St. Petersburg: Warehouse of V.A. Berezovsky, commissioner of military schools (In Russian).
- Kuropatkin, A. N. (1910c). *Tasks of the Russian army. Tasks of the army unrelated to Russian national policy* (Vol. 2). St. Petersburg: Warehouse of V.A. Berezovsky, commissioner of military schools (In Russian).
- Malysheva, D. (2015). *Russia in the Mediterranean: Geopolitics and Contemporary Interests*. Retrieved from http://blackseafleet-21.com/news/24-01-2016_rossija-v-sredizem-nomore-geopolitika-i-sovremennye-interesy (In Russian).
- Maritime Doctrine Russian Federation*. (2015). Government of the Russian Federation. Retrieved from <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/uAFi5nvux2twaqjft-S5yrIZUVTJan77L.pdf> (In Russian).
- Nechaev, V. D. (Ed.). (2021). *The Greater Mediterranean: Socio-political and international processes. Analytical report*. Sevastopol: RIBEST Ltd.
- Nechaev, V. D., Chikharev, I. A., Irkhin, A. A., & Makovskaya, D. V. (2019). The concept of geostrategic atlas of the Greater Mediterranean. *Bulletin of Moscow University. Series 5: Geography*, 1, 67–74.
- Prokhorenko, I. L. (2015). *The spatial approach in the study of international relations*. Moscow: IMEMO RAS (In Russian).

- Ryabtsev, V. N. (2018). *Geopolitical space of the modern world in the regional dimension (experience of morphological analysis)*. Rostov-on-Don: Limited Liability Company "Foundation for Science and Education." Retrieved from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42428598> (In Russian).
- Smilyanskaya, I. M., Velizhev, M. B., & Smilyanskaya, E. B. (2011). Russia in the Mediterranean. In *Archipelagic Expedition of Catherine the Great* (p. 840). Moscow: Indric (In Russian).
- Spykman, N. J. (2015). The political map of Eurasia (Chapter from the Geography of the World). Part 1. Vestnik of the Russian State University for the Humanities. *Series "Political Science. History. International Relations. Foreign Regional Studies. Oriental Studies,"* 1, 41–50 (In Russian).

NEW IMPERIAL TRENDS OF EURASIA: POLITICAL ELITES IN SEARCH OF THEIR LEADERSHIP

Konstantin A. Markelov

Astrakhan State University. Astrakhan, Russia E-mail: [aspu\[at\]aspu.edu.ru](mailto:aspu[at]aspu.edu.ru). ORCID 0000-0001-8218-4496

Abstract

At the beginning of the XXI century, the world political map of the world is undergoing significant geopolitical changes associated with a change in world leadership and the establishment of a multipolar world. Countries that were previously in the shadow of the subordination of other world leaders are awakening and beginning to actively act. Before our eyes, the world geopolitical architecture is being rebuilt, acquiring new outlines. New centers of power are being formed, which are located mainly in Eurasia. The leadership of the Western powers is weakening as the rise of the Eurasian giants, in whose behavior imperial tendencies are beginning to show more and more clearly.

Imperial tendencies are manifested not only at the geopolitical level as a reflection of the global thinking of political elites and their leaders, but also at the level of cultural and economic changes. Increasingly, they begin to acquire the features of an axiological struggle for new values and the promotion of their system of standards. In this paper, we touch upon the problem of the awakening Eurasia, which is manifested in the strengthening of the role of the leading countries of this region, in particular, in the fact that, with their influence, they have already begun to reformat the international political space, ousting the former leading players from it. It is precisely the strengthening of sovereignty by the “young leaders” that the “old leaders” perceive as a conflict of interests capable of destroying the entire security system of their national interests that they are accustomed to.

Keywords

Eurasia; empire; political elites; conflicts; geopolitics; world leadership; values; hegemony.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НОВЫЕ ИМПЕРСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ ЕВРАЗИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ В ПОИСКАХ СВОЕГО ЛИДЕРСТВА

Маркелов Константин Алексеевич

Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия. E-mail: [aspu\[at\]aspu.edu.ru](mailto:aspu[at]aspu.edu.ru)

ORCID 0000-0001-8218-4496

Аннотация

В начале XXI столетия политическая карта мира претерпевает значительные геополитические изменения, связанные со сменой мирового лидерства и установлением многополярного мира. Пробуждаются и начинают активно действовать страны, ранее находившиеся в тени подчинения других мировых лидеров. На наших глазах мировая геополитическая архитектура перестраивается, приобретая новые очертания. Формируются новые центры силы, которые находятся преимущественно в Евразии. Лидерство западных держав ослабевает по мере подъема евразийских гигантов, в поведении которых начинают все более отчетливо проступать имперские тенденции.

Имперские тенденции проявляются не только на геополитическом уровне как отражение глобального мышления политических элит и их лидеров, но также на уровне культурных и экономических изменений. Все чаще они начинают приобретать черты аксиологической борьбы за новые ценности и продвижение своей системы стандартов. В настоящей работе мы коснемся проблемы пробуждающейся Евразии, что проявляется в усилении роли ведущих стран этого региона, в частности, в том, что они своим влиянием уже начали перестраивать международное политическое пространство, вытесняя из него прежних ведущих игроков. Именно усиление суверенитета «молодыми лидерами» воспринимается «старыми лидерами» как конфликт интересов, способный разрушить всю привычную для них систему безопасности их национальных интересов.

Ключевые слова

Евразия; империя; политические элиты; конфликты; геополитика; мировое лидерство; ценности; гегемония.

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) [Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия многие эксперты заговорили о пробуждающейся Азии, которая, набрав и укрепив свои экономические позиции, начинает все больше проявлять свою политическую самостоятельность и даже формулировать свои собственные геополитические комбинации. Старые лидеры (в лице колониального Запада) постепенно уходят из Евразии вследствие своего общего ослабления и деградации. Им на смену идут новые молодые политические лидеры со старыми (древними) политическими традициями и своим пониманием сущности политических процессов. В настоящее время политическую и экономическую мощь набирают страны, являющиеся древнейшими цивилизациями на свете (Китай, Индия, Иран). Их удельный вес в современной мировой политике стремительно возрастает, на фоне затухающего могущества коллективного Запада. Именно эта переходная фаза чаще всего и сопровождается обострением идейной и политической борьбы за право быть первыми, т.е. иметь возможность диктовать миру свои политические и культурные стандарты. Поэтому имперские тенденции есть еще и борьба за свои стандарты, которые и обеспечивают культурное превосходство и военно-политическое преимущество.

«Молодые» евразийские лидеры самим фактом своего появления уже провоцируют «старых» мировых лидеров на агрессию и защиту своего утраченного мирового господства. «Молодые лидеры» (Китай, Индия) представляют для «старых» гегемонов серьезную экзистенциальную угрозу, поскольку все настойчивее начинают переформатировать существующий миропорядок под свои ценности, цели и интересы.

К имперским тенденциям относятся те факторы, которые свидетельствуют о росте могущества государства и стремлении политических элит распространить свое влияние за его пределами. Имперские тенденции выдают скрытый потенциал государств, которые претендуют на лидерство в международных отношениях. Эти тенденции проявляются в повышенном суверенитете, в росте военной мощи, в усилении авторитета на международной арене, в активизации агрессивной риторики политических элит, во вмешательстве в чужие дела под благовидным предлогом и, разумеется, продвижение своих стандартов... Таким властям становится возможным делать многое, что запрещено другим.

МЕТОДОЛОГИЯ

В силу вышеуказанного *объектом* настоящего исследования будут новые имперские тенденции, а в качестве *предмета* политические элиты Евразии, занятые поиском своих лидерских оснований. В качестве рабочей *гипотезы* мы выдвинем тезис о том, что в условиях пробуждающейся Азии, происходит процесс пересмотра ранее существовавших политических ценностей, обеспечивающих странам лидерские позиции в международных отношениях (в первую очередь это касается таких растущих стран, как Китай, Индия и Россия).

Терминологически державой называют ту страну, которая имеет наибольший потенциал стать империей. Национальные идеи многих стран как раз и выражают в той или иной мере полноту их имперских настроений, потенциалов и устремлений (Карабущенко, 2014, стр.155). При этом именно посредством этих национальных идей правящие политические элиты пытаются выразить свои политические амбиции. Как показывает история элитологии, большая часть элитологических идей относится именно к проблеме анализа политической доминации, приводящей к установлению конкретной мировой гегемонии (Ашин, 2010).

Имперские амбиции новых евразийских гигантов проявляются в трех главных факторах их роста: экономика, наука, вооружение. Соединение и синхронизация этих факторов будет в дальнейшем свидетельствовать о том, что рост политического самосознания политических элит этих стран все больше будет приобретать имперский стиль и характер.

В этом процессе мы должны также особо выделять аксиологические стороны, связанные с продвижением и навязыванием всем своих ценностей и своих стандартов. Именно от успеха в этом во многом зависит успех всего имперского проекта.

ИМПЕРСКИЕ ТРАДИЦИИ ЕВРАЗИИ

Географические границы Евразии подвижны и зависят от геополитических тенденций. Если раньше вектор активности развития шел с Запада на Восток, то в настоящее время мы видим разворот этого вектора в обратную сторону. Все дело в том, что страны Азии, обретая свою новую идентификацию и субъектность, перестают быть сугубо «Азией», перемещаясь в разряд евразийских субъектов. Если раньше Азия граничила с Уральскими горами, то теперь она отодвинулась далеко на Восток. Выходя на евразийский простор, такие азиатские стра-

ны как Китай, Индия, Иран приобретают новые геополитические измерения, позволяющие им быть не просто странами, а державами.

Еще классики евразийства пытались определить волны имперского могущества, которые постоянно прокатывались по просторам Евразии, меняя политическую карту мира. На основе анализа евразийской истории они выстраивали свои модели и графики всплесков этих политических могуществ, эхо которых докатывалось и до стран Западной Европы (Гумилев, 1993). Эти разработки могут быть интересны и для современных исследований, в плане понимания динамики общих политических процессов, происходящих здесь на пространстве от Лиссабона до Владивостока.

Политические элиты новых евразийских гигантов заняты не только поиском новых форм своего международного лидерства, но и осмыслением своей роли в новых международных отношениях. Для них сам факт лидерства является забытой политической традицией, которую стремились из них вытравить западные колонизаторы, навязав им собственную волю своего собственного политического лидерства.

Лидерство в международных отношениях в первую очередь касается тех держав, которые осуществляют свои собственные имперские проекты. В настоящее время среди евразийских стран, претендующих на такое место и такую роль, в основном являются те, которые в прошлом уже имели опыт имперского строительства. В результате западного колониализма эти традиции были подавлены, а сами они унижены до уровня колоний. Но время имперского заката для них проходит и встает вопрос о возрождении имперского величия.

Любые политические амбиции, превышающие национальные возможности и выходящие за пределы границ государства, могут рассматриваться как проявление имперских устремлений. Такие устремления могут носить как скрытый, так и открытый характер, могут иметь искусственную или естественную природу. Наиболее ярко эти имперские тенденции проявляются в столкновении друг с другом, когда равные по мощи силы сходятся в непримиримом конфликте (Вандам, 2002).

Это возвращение традиций доминанции, восстановление некогда утраченных позиций гегемонии и подчинения воли сильнейшего. Воля сильного всегда опиралась на имперский диктат. Происходит во многом консервативный возврат к проверенным временем традициям. При этом европоцентризм утрачивает свою привлекательность и проигрывает конкуренцию в борьбе ценностей.

Все империи следует в первую очередь рассматривать в качестве конкретного геополитического проекта. Именно по степени реализации и успеха этих проектов можно судить о том, насколько удачным был тот или иной проект. Чаще всего имперские проекты вызывают неоднозначную оценку, как со стороны профессионального политического, так и научного сообщества. Дискуссии особенно обостряются в момент кризиса имперской системы, когда начинаются сложные процессы деформации и трансформации политических режимов власти.

Имперские тенденции заключаются и в стремлении навязать своим конкурентам свое видение мировых политических процессов, утвердить свою оценку в качестве единственно верной. Такое могущество на информационном пространстве приносит наибольший эффект, с учетом роста качества высоких коммуникационных технологий.

БОРЬБА ИМПЕРСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Империя в первую очередь есть утверждение не просто своего военно-политического господства, но и успешное продвижение своих культурных ценностей, лежащих в основе всей системы имперского стандарта. Во время своего геополитического могущества коллективный Запад продвигал свою систему ценностей, в которой наряду с такими принципами как демократия, свобода и братство, были еще такие ныне не популярные доктрины как олигархия, расизм, колониализм и милитаризм (Саркисянц, 2008). Причем расизм в западном мире настолько укоренился в политической культуре, что его до сих пор не могут из нее вытравить, несмотря на все усилия политиков и общественных активистов. Но именно расизм был идеологической основой колониальной политики коллективного Запада, который к началу XX в. успел поделить весь мир на зоны своего имперского влияния.

В начале XXI века бывшие колонии с трудом преодолевают оставленный этим колониальным господством комплекс неполноценности и технологической зависимости от своих бывших западных «хозяев». Более того, наиболее динамично развивающиеся государства (Китай, Индия) начинают сами экономически проникать в бывшие колонии Запада (в частности на африканском континенте) и выстраивать свои далеко идущие политико-экономические отношения. Именно в этом успешном продвижении своих «бывших колоний» Запад видит одну из системных угроз проводимой им политики. И как следствие реакции на эту угрозу, формирует свою политику сдерживания потенциальных конкурентов.

Для предотвращения развития китайского имперского проекта коллективный запад во главе с США активно разыгрывает карту «слабых» политических точек Поднебесной: Тайвань, Уйгурский автономный район, Гонконг, проблему Тибета... Для сдерживания имперских амбиций Индии используются ее обостренные противоречия на пакистанской и китайской границах; Иран сдерживается нагнетанием конфликтных противоречий с арабским миром на Юге и неоосманизмом на Западе. Не обошли вниманием западные стратеги и Россию. Еще в 1990-е гг. З. Бжезинский писал о том, что восстановлению имперских амбиций России может помешать только одно – отрыв от нее Украины (Бжезинский, 1998). И они сделали все, чтобы превратить в 2010-е гг. Украину в анти-Россию.

Разработанный западными идеологами проект «Украина как анти-Россия» преследует одну единственную цель – оторвать Украину от России и тем самым помешать осуществлению российского имперского проекта. По этому поводу президент России В.В. Путин отмечал: ««Правильным» патриотом Украины сейчас объявляется лишь тот, кто ненавидит Россию. Более того, всю украинскую государственность, как мы понимаем, предлагается в дальнейшем строить исключительно на этой идее. Ненависть и озлобление – и мировая история это не раз доказывала – весьма зыбкое основание для суверенитета, чреватое многими серьёзными рисками и тяжёлыми последствиями» (Путин, 2021). В случае с Россией Запад использует проверенное еще римской империей правило – «разделяй и властвуй». Для этого русофобам важно показать, что русские, украинцы и белорусы три разных народа, у которых нет ничего общего – ни истории, ни культуры, ни политического будущего.

Следует также обратить внимание и на такое явление, как лжеимперские амбиции. Это проекты, которые не выходят за рамки политической риторики и существуют исключительно в политическом пространстве правящих элит, чьи амбиции на господство носят откровенно абсурдный характер. В качестве последнего такого примера можно привести крайне амбициозную и такую же до крайности провальную политику современных украинских национальных элит. Эксперты признают, что «украинская власть на международной арене ведёт себя всё более развязно... Просто какая-то новая глобальная сверхдержава, которая рулит Западом как хочет» (Стоякин, 2021). Неоправданные имперские амбиции обнаруживаются также в действиях польских и турецких элит, они звучали в отдельных заявлениях лидеров запрещенного в России ИГИЛ... Мания величия подобных политиков и целых элитных политических сообществ наводит нас на мысль о том, что им-

перский проект является желанным и соблазнительным для многих амбициозных политических деятелей. Однако не для всех желающих подобные мегапроекты оказываются по силам. Для многих ситуация дальше их громких, но пустых заявлений не двигается, хотя и производит в политической сфере большой шум.

Анализ существующих в настоящее время работ, указывает на то, что геополитические акции США слишком переоценены, а геополитические акции России настолько же недооценены и даже идеологически демонизированы в угоду интересам коллективного Запада (Панарин, 2002; Киссинджер, 2015; Примаков, 2016). Однако, есть и такие, кто считает российский имперский проект весьма обременительной ношей для страны и государства, принесшей им гораздо больше неприятностей, чем пользы (Абалов, & Иноземцев, 2021). Но подобная оппозиционная точка зрения не пользуется симпатией экспертного большинства, поэтому мы оставим ее без должного внимания.

При этом особое внимание в настоящее время уделяется т.н. «осевому региону» Евразии, каковым исторически был Каспийский регион. Усиление роли этого «осевого региона» происходит на фоне начавшегося процесса, получившего название «пробуждение Азии». Лучшее всего тезис о пробудившейся Азии иллюстрируют данные, приведенные в Таблицах 1-2.

Государства	Годы				Доля по годам, %			
	1992	2020	2030	2050	1992	2020	2030	2050
Численность населения Большой Каспийской пятерки, тыс. чел.								
Иран	58 780	84 038	92 663	103 098	1,1	1,1	1,1	1,1
Россия	148 270	146 238	143 347	135 824	2,7	1,9	1,7	1,4
Турция	55 748	83 614	89 157	97 139	1,0	1,1	1,0	1,0
Индия	909 307	1 379 583	150 364 2	163 917 6	16,5	17,7	17,6	16, 8
Китай	1 206 711	1 405 000	146 434 0	140 240 5	21,9	18,5	17,1	14, 4
Итого	0	0	0	0	0	40,3	0	0
Мир (всего)	5 498 919	7 836 525	854 848 7	973 503 3	100,0	100,0	100,0	100 ,0
В том								

числе:								
США	256 990	331 427	349 642	379 419	4,7	4,3	4,1	3,9
Валовой внутренний продукт Большой Каспийскойпятеркипо ППС, млрд. долл.								
Иран	485,8	1100,1	1914,0	3224	1,47	0,84	-	-
Россия	1604,4	4096,5	4854,0	7575	4,85	3,14	-	-
Турция	450,0	2546,5	2714	5102	1,36	1,95	-	-
Индия	1085,3	8907,1	17 138	42 205	3,28	6,84	-	-
Китай	1454,3	24 142,8	36 112	61 079	4,39	18,5	-	-
Итого	0	0	0	0	0	0	-	-
Мир (всего)	33 053	130 186	-	-			-	-
В том числе:							-	-
США	6520,3	20 932,8	25 451	41 384	19,7	16,1	-	-

Таблица 1.

Экономические показатели ведущих игроков на пространстве Большого Каспия (Большая Каспийская пятерка)¹

ПРОБУЖДЕНИЕ ЕВРАЗИИ

Пробуждение Евразии происходит на фоне затухания мировой западной гегемонии. Запад полностью исчерпал свою мировую миссию, доведя политику своего колониализма до полного абсурда. Этим самым он сам себя поставил в исторический тупик – Запад привык выживать и процветать за счет ограбления своих колоний, и когда их у него не стало, возник общий системный кризис западной цивилизации. Выяснилось, что по-иному Запад жить просто не может. Падение западного авторитета происходит на фоне деградации их базовых политических (цивилизационных) ценностей: демократия, свобода, равенство...

¹ Источники: составлено и рассчитано по данным

Организация Объединенных Наций, Департамент по экономическим и социальным вопросам, Отдел народонаселения (2019). Перспективы народонаселения мира 2019, онлайн-издание.

Ред. 1. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/>

Валовой внутренний продукт, по паритету покупательной способности (ППС) // Кноема. 2021.

URL: <https://knoema.ru/atlas/maps/%D0%92%D0%92%D0%9F-%D0%BF%D0%BE-%D0%9F%D0%9F%D0%A1>

Было замечено, что кризис империи проявляется в том, что она начинает путаться в своей собственной лжи и все больше ввязывается в борьбу с ветряными мельницами. Так, президентские выборы 2020 г. в США стали самыми фальсифицированными за всю историю этой страны. Легитимность президента Д. Байдена оказалась под большим вопросом. Сам он между тем призвал всех бороться за укрепление американской демократии. «Ни одни другие выборы не подвергались такому тщательному изучению и не проводились по таким высоким стандартам. – Заявил он. - ...В Америке, если вы проигрываете, вы принимаете этот результат. Вы следуете конституции. Вы пытаетесь снова. Вы не называете факты ложными. ...Это не искусство управления государством. Это эгоизм» (Байден, 2021). С «большой ложью» в политике борются те политики, которые сами обвинены в фальсификации политической действительности.

Государства	Годы				Доля по годам, %			
	1992	2020	2030	2050	1992	2020	2030	2050
Численность населения, тыс. чел.								
Иран	58 780	84 038	92 663	103 098	1,1	1,1	1,1	1,1
Россия	148 270	146 238	143 347	135 824	2,7	1,9	1,7	1,4
Казахстан	16 303	18 776	20 639	24 024	0,3	0,2	0,2	0,2
Туркменистан	3 900	6 031	6 782	7 949	0,1	0,1	0,1	0,1
Азербайджан	7 472	10 139	10 739	11 064	0,1	0,1	0,1	0,1
Итого	0	0	0	0	4,3	3,4	3,2	2,9
Мир (всего)	5 498 919	7 836 525	8 548 487	9 735 033	100,0	100,0	100,0	100,0
Валовой внутренний продукт по ППС, млрд. долл.								
Иран	485,8	1 100,1	1 914,0	3 224	1,5	0,8	-	-
Россия	1 604,4	4 096,5	4 854,0	7 575	4,8	3,1	-	-

Казахстан	120,5	501,3	-	-	0,4	0,4	-	-
Туркменистан	12,0	98,2	-	-	0,1	0,1	-	-
Азербайджан	32,8	145,8	-	-	0,1	0,1	-	-
Итого	0	0	6768	10 799	6,9	4,5	-	-
Мир (всего)	33 053	130 186	-	-	100,0	100,0	-	-

Таблица 2.

Экономические показатели ведущих игроков на пространстве Большого Каспия (Прикаспийская пятерка)¹

Между Востоком и Западом наметился некий ментальный раскол. Заявления западных политиков и восточных относительно рассматриваемой нами проблемы сильно различаются. Их различие состоит в том, что западные лидеры стремятся утвердить свою монополию на господство путем геополитического шантажа и экономического давления, тогда как восточные лидеры чаще всего говорят о сохранении в неприкосновенности своего суверенитета. Так, например, лидер Китая Си Цзиньпин заявил, что любой, кто захочет поработить Китай, «разобьет себе голову»: «Китайцы никогда не угнетали другие народы и никогда не будут этого делать, а тот, кто попытается поработить Китай, "разобьет себе голову"» (Си Цзиньпин, 2021).

Выступая 1 июля 2021 г. на площади Тяньаньмэнь в Пекине по случаю столетнего юбилея китайской коммунистической партии, он заявил: «Китайский народ - это народ, который отстаивает справедливость и не боится угроз и насилия. Китайская нация - это нация с сильным чувством национальной гордости и уверенности в себе. Китайский народ никогда не притеснял, не угнетал и не поработил народы других стран, такого не было в прошлом, нет в настоящем и не будет в будущем» (Си Цзиньпин, 2021). Си Цзиньпин подчеркнул, что «в то же время китайский народ никогда не позволит внешним силам

¹ Источники: составлено и рассчитано по данным

Организация Объединенных Наций, Департамент по экономическим и социальным вопросам, Отдел народонаселения (2019). Перспективы народонаселения мира 2019, онлайн-издание.

Ред. 1. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/>

Валовой внутренний продукт, по паритету покупательной способности (ППС) // Knoema. 2021.

URL: <https://knoema.ru/atlas/maps/%D0%92%D0%92%D0%9F-%D0%BF%D0%BE-%D0%9F%D0%9F%D0%A1>

притеснять, угнетать или поработить себя, а тот, кто захочет это сделать, непременно разобьет себе голову о стальную великую стену, созданную из плоти и крови более чем 1,4 миллиарда китайцев!» (Си Цзиньпин, 2021). Такие заявления носят исключительно охранительный характер и не нацелены на агрессию против других лидеров международных отношений. Хотя многие аналитики усмотрели в этих громких заявлениях намеки на напряженные отношения КНР с США. Но намек этот был завуалирован и дипломатически весьма корректен. Подобного рода заявления были немыслимы всего лишь каких-нибудь 20-30 лет тому назад, когда мировая гегемония США никем не оспаривалась и за ними прочно утвердилась «слава» мирового жандарма. В начале 2020-х гг. к мнению этого бывшего «жандарма» уже прислушивается все меньшее число стран. Авторитет его упал, репутация сильно подмочена. Мир уже не верит в приоритет западных ценностей и полагает продвигать свои встречные проекты. Усиление военной составляющей евразийских гигантов порождает конкурентную зависть и угрозу со стороны бывших мировых гегемонов. Особенно Запад пугает военное сотрудничество Китая и Индии с Россией. Появление новых военных технологий, делает военно-техническое превосходство Западной коалиции сомнительным. Военная мощь Запада (прежде всего США и Великобритании) базируется на военно-морской составляющей. Контроль мировых торговых коммуникаций всегда приносил значительную финансовую прибыль этим странам. Но появление у России гиперзвукового оружия делает это их морское превосходство уязвимым настолько, что практически обнуляет его. По мнению экспертов, военная мощь США сильно преувеличена.¹ Содержание таких вооруженных сил обходится налогоплательщикам слишком дорогой и неоправданной ценой. К этому следует добавить, что Россия и Китай уже начали тестировать США на прочность, во все более откровенной форме подвергая их лидерство критическому сомнению.

1 В СМИ все чаще проходит информация о мифологическом характере американского военного могущества. Мировое сообщество уже видит, что «американская военная мощь – это как страшная с виду собака, которая в случае реальной угрозы трусливо поджимает хвост и убегает прочь. Да, такая собака способна гонять кошек в чужих дворах, но она никогда не вступит в бой с другим, равным себе соперником. Потому что в этом случае миф о силе и могуществе лидера тотчас же будет развенчан. Это означает, что стая начнет искать себе нового вожака. В данном случае, проводя параллели, мы видим, что США выступают в качестве своеобразного вожака, возглавляя альянс НАТО. Их стая состоит из ряда европейских стран – крупных и не очень больших. И они по-прежнему верят в своего вожака, наивно полагая, что он способен их защитить. Именно поэтому США никогда не вступят в противостояние с реальным противником. За поражение придется заплатить очень высокую цену – передать своё лидерство другой стране, или другому военному альянсу» (Скарлетт, 2018).

Госу-дар-ства	Годы				Годы				Государ-ства
	1992	2020	2030	2050	1992	2020	2030	2050	
Численность населения, тыс. чел.									
Большая Каспийская пятерка					Каспийская (Прикаспийская) пятерка				
Иран	587 80	8403 8	92 663	103 098	58 780	84 038	92 663	10 309 8	Иран
Россия	148 270	1462 38	14 334 7	135 824	148 270	146 238	143 347	13 582 4	Россия
Тур-ция	557 48	8361 4	89 157	97 139	16 303	18 776	20 639	24 024	Казахстан
Индия	909 307	1379 583	1503 642	1 639 176	3900	6031	6782	7949	Туркме-нистан
Китай	120 671 1	1405 000	1464 340	1 402 405	7472	10 139	10 739	11 064	Азербай-джан
Итого	0	0	0	0	0	0	0	0	
Мир (всего)	549 891 9	7836 525	8548 487	973 503 3					
В том числе:									
США	256 990	3314 27	3496 42	379 419					
Валовой внутренний продукт по ППС млрд. долл.									
Большая Каспийская пятерка					Каспийская (Прикаспийская) пятерка				
Иран	485, 8	1100, 1	1914,0	3224	485,8	1100,1	1914,0	3 224	Иран
Россия	160 4,4	4096, 5	4854,0	7575	1604,4	4096,5	4854,0	7 575	Россия
Тур-ция	450, 0	2546, 5	2714	5102	120,5	501,3	-	-	Казахстан
Индия	108 5,3	8907, 1	17 138	42 205	12,0	98,2	-	-	Туркме-нистан
Китай	145 4,3	2414 2,8	36 112	61 079	32,8	145,8	-	-	Азербай-джан
Итого	0	0	0	0	0	0	6768	1079 9	
Мир (всего)	330 53	1301 86	-	-					
В том числе:									
США	652 0.3	2093 2.8	25 451	41 384					

Таблица 3. Экономические показатели ведущих игроков на пространстве Большого Каспия¹

¹ **Источники:** составлено по данным:

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пробуждение Евразии влечет за собой смену политических полюсов и перестройку всей геополитической картины мира. И важную роль, по нашему мнению, в этом процессе играют имперские амбиции, которые стали проявлять новые международные лидеры. Проявление этих амбиций неизбежно, поскольку сама политическая международная реальность требует от лидеров этих стран более четкого определения их местоположения в ряду других доминантных сил. Это во многом естественный процесс и от желания правящих элит заниматься этим вопросом или не заниматься, мало что зависит. Сама объективная реальность заставит их решать этот блок вопросов.

Эти имперские амбиции проявляются не только в стремительном экономическом росте, в усилении научной базы, но и в росте вооруженных сил, гарантирующих их суверенитет и безопасность. Осознавая это, правящие политические элиты этих стран занялись поиском универсальных формул своих геополитических стратегий. Формулировка новых целей и планирование новых задач как раз и высвечивает их пока еще скрытые (латентные) имперские амбиции.

Список литературы

- Абалов, А., & Иноземцев, В. (2021). *Бесконечная империя: Россия в поисках себя* (с. 426). Москва: «Альпина Паблишер».
- Ашин, Г. К. (2010). *Элитология: История, теория, современность* (с. 600). Москва: МГИМО (У).
- Байден призвал защищать демократию США не только от внешних, но и от внутренних угроз. (2021). Извлечено от Новости Mail.Ru website: https://news.mail.ru/politics/47110415/?frommail=1&exp_id=899
- Бжезинский, З. (1998). *Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы)*. Москва: «Международные отношения».
- Валовой внутренний продукт, по паритету покупательной способности (ППС). (2021). Извлечено от Knoema website: <https://knoema.ru/atlas/maps/%D0%92%D0%92%D0%9F-%D0%BF%D0%BE-%D0%9F%D0%9F%D0%A1>
- Вандам, Е. А. (2002). *Геополитика и геостратегия*. Москва: «Кучково поле».
- Организация Объединенных Наций, Департамент по экономическим и социальным вопросам, Отдел народонаселения (2019). Перспективы народонаселения мира 2019, онлайн-издание. Ред. 1. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/>
- Валовой внутренний продукт, по паритету покупательной способности (ППС) // Knoema. 2021. URL: <https://knoema.ru/atlas/maps/%D0%92%D0%92%D0%9F-%D0%BF%D0%BE-%D0%9F%D0%9F%D0%A1>

- Гумилев, Л. Н. (1993). *Тысячелетие вокруг Каспия*. Москва: ТОО «Мишель и Ко».
- Карабущенко, П. Л. (2014). Национальная идея современной России: Страна, держава, империя. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, (2 (39)), 151–157.
- Киссинджер, Г. (2015). *Мировой порядок*. Москва: «АСТ».
- Маркелов, К. А. (2020). Современные геостратегические концепции политических элит прикаспийских государств. *Вопросы элитологии*, 1(1), 147–170. doi: 10.46539/elit.v1i1.9
- Организация Объединенных Наций. (2019). *Перспективы народонаселения мира 2019*, Ред. 1. Извлечено от <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/>
- Панарин, А. С. (2002). *Искушение глобализмом*. М: «ЭКСМО-Пресс».
- Примаков, Е. М. (2016). Вызовы и альтернативы многополярного мира: Роль России. В М. М. Примаков (Ред.), *Собрание сочинений: В 10 т* (Т. 8, с. 320).
- Путин, В. В. (2021). Об историческом единстве русских и украинцев. Извлечено от Президент России website: <http://kremlin.ru/events/president/news/66181>
- Саркисянц, М. (2008). *Английские корни немецкого фашизма. От британской к австро-баварской «расе господ* (с. 400). Санкт-Петербург: «Академический проект».
- Скарлетт. (2018). Обман века. Миф о военной мощи США, или почему Россия одолеет Америку. Извлечено от КОНТ | Платформа для социальной журналистики website: <https://cont.ws/@Alina99/1025332>
- Стоякин, В. (2021). Оборзевшая Украина и впавший в ничтожество Запад. Извлечено от Украина.ру website: https://ukraina.ru/opinion/20210710/1031806807.html?utm_medium=referral&utm_source=infox.sg&utm_campaign=exchange
- Цзиньпин, С. (2021, июль 1). Любой, кто захочет поработить Китай, «разобьет себе голову». Извлечено от РИА Новости website: https://ria.ru/20210701/kitay-1739339344.html?utm_medium=referral&utm_source=lentainform.com&utm_campaign=ria.ru&utm_term=1275531&utm_content=9429022

References

- Abalov, A., & Inozemtsev, V. (2021). The Infinite Empire. In *Russia in Search of Itself* (p. 426). Moscow: Alpina Publisher (In Russian).
- Ashin, G. K. (2010). *Elitology: History, Theory, Modernity*. Moscow: MGIMO (U).
- Biden called to defend U.S. democracy not only from external threats, but also from internal ones. (2021). Retrieved from News Mail.ru website: https://news.mail.ru/politics/47110415/?frommail=1&exp_id=899 (In Russian).
- Brzezinski, Z. (1998). *The Great Chessboard (America's Domination and its Geostrategic Imperatives)*. Moscow: International Relations.
- Gross Domestic Product, at purchasing power parity (PPP). (2021). Retrieved from Knoema website: <https://knoema.ru/atlas/maps/%D0%92%D0%92%D0%9F-%D0%BF%D0%BE-%D0%9F%D0%9F%D0%A1> (In Russian).

- Gumilev, L. N. (1993). *The Millennium Around the Caspian Sea*. Moscow: Michel & Co.
- Jinping, S. (2021, July 1). Anyone Who Wants to Enslave China Will Break His Head. Retrieved from RIA Novosti website: https://ria.ru/20210701/kitay-1739339344.html?utm_medium=referral&utm_source=lentaform.com&utm_campaign=ria.ru&utm_term=1275531&utm_content=9429022 (In Russian).
- Karabushchenko, P. L. (2014). National Idea of Modern Russia: Country, Power, Empire. *Caspian Region: Politics, Economy, Culture*, 2, 151–157 (In Russian).
- Kissinger, G. (2015). *The World Order*. Moscow: AST (In Russian).
- Markelov, K. A. (2020). Modern Geostrategic Concepts of the Political Elites of the Caspian States. *Voprosy elitologii*, 1(1), 147–170. doi: 10.46539/elit.v1i1.9 (In Russian).
- Panarin, A. S. (2002). *Temptation by Globalism*. Moscow: EXMO-Press (In Russian).
- Primakov, E. M. (2016). Challenges and alternatives to a multipolar world: Russia's role. In M. M. Primakov (Ed.), *Collected Works: In 10* (Vol. 8, p. 320) (In Russian).
- Putin, V. V. (2021). On the Historical Unity of Russians and Ukrainians. Retrieved from President of Russia website: <http://kremlin.ru/events/president/news/66181> (In Russian).
- Sarkisyan, M. (2008). *The English Roots of German Fascism. From the British to the Austro-Bavarian "race of gentlemen"*. St. Petersburg: The Academic Project (In Russian).
- Scarlett. (2018). Deception of the Century. The Myth of U.S. Military Power, or Why Russia Will Defeat America. Retrieved from CONT | Platform for Social Journalism website: <https://cont.ws/@Alina99/1025332> (In Russian).
- Stoyakin, V. (2021). Rotten Ukraine and the West which has fallen into insignificance. Retrieved from Ukraine.ru website: <https://ukraina.ru/opinion/20210710/1031806807.html>? (In Russian).utm_medium=referral&utm_source=infox.sg&utm_campaign=exchange
- United Nations. (2019). *World Population Outlook 2019*. Retrieved from <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/> (In Russian).
- Vandam, E. A. (2002). *Geopolitics and Geostrategy*. Moscow: Kuchkovo Pole (In Russian).

IMPERIAL AMBITIONS OF MODERN TRANSNATIONAL CORPORATIONS

(a) Vyacheslav G. Golovin, (b) Ekaterina E. Golovina

(a) Astrakhan State University. Astrakhan, Russia. E-mail: [golovinvg\[at\]rambler.ru](mailto:golovinvg[at]rambler.ru).
ORCID: 0000-0002-5560-6785

(b) Astrakhan State University. Astrakhan, Russia. E-mail: [golovinaeeasp\[at\]gmail.com](mailto:golovinaeeasp[at]gmail.com)

Abstract

In the modern world, the problem of research of transnational corporations (TNCs) remains one of the urgent tasks. In the new realities of international cooperation, the traditional internationalization of commodity (resource) flows is expanding by the global transnational movement of capital; the scale of accumulated geoeconomic resources creates a new geofinancial space. The emerging new world economic and technological structures erode national borders, transnational corporations are transforming into a “global” segment of world geopolitics and geoeconomics, reviving the imperial ambitions of large TNCs. The process of internationalization is accompanied by the growing power and influence of transnational companies from developing countries (TNC RS), increasing international competition for a variety of resources and their flows.

Achieving global domination in almost all spheres of life also allows us to consider transnational companies and their elites as the most important non-state actors of the world political system, providing a high speed and extensive geography of internationalization, as well as a tendency to “export democracy” and invest in countries with high level of political risk. As a result, new information network spaces are created, a virtual geopolitical world and “new common values” are formed as a fundamentally new way to achieve success in world politics and economics.

Keywords

transnational corporations; developing countries; globalization; internationalization; digital economy; new values; virtual world.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ИМПЕРСКИЕ АМБИЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ

(а) Головин Вячеслав Григорьевич, (б) Головина Екатерина Евгеньевна

(а) Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия.
E-mail: [golovinvg\[at\]rambler.ru](mailto:golovinvg[at]rambler.ru). ORCID: 0000-0002-5560-6785

(б) Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия.
E-mail: [golovinaeeasp\[at\]gmail.com](mailto:golovinaeeasp[at]gmail.com).

Аннотация

В современном мире проблематика исследований транснациональных корпораций (ТНК) остается одной из актуальных задач. В новых реалиях международной кооперации традиционная интернационализация товарных (ресурсных) потоков расширяется глобальным транснациональным движением капитала, масштабы накопленных геоэкономических ресурсов создают новое геофинансовое пространство. Нарождающиеся новые мирохозяйственный и технологический уклады размывают национальные границы, транснациональные корпорации трансформируются в «глобальный» сегмент мировой геополитики и геоэкономики, возрождая имперские амбиции крупных ТНК. Процесс интернационализации сопровождается нарастанием мощи и влияния транснациональных компаний из развивающихся стран мира (ТНК РС), повышающих международную конкуренцию за разнообразные ресурсы и их потоки.

Достижение глобального доминирования практически во всех сферах жизнедеятельности позволяет также рассматривать транснациональные компании и их элиты в качестве важнейших негосударственных акторов мировой политической системы, обеспечивая высокую скорость и обширную географию интернационализации, а также склонность к «экспорту демократии» и инвестированию в страны с высоким уровнем политического риска. В результате создаются суперновые информационные сетевые пространства, формируется виртуальный геополитический мир и «новые общие ценности», как принципиально новый способ достижения успехов в мировой политике и экономике.

Ключевые слова

транснациональные корпорации; развивающиеся страны; глобализация; интернационализация; цифровая экономика; новые ценности; виртуальный мир.

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) [Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

«Империи являются в основе своей нестабильными, потому что подчиненные элементы почти всегда предпочитают большую степень автономии, и контрэлиты... для достижения большей автономии. В этом смысле империи не рушатся; они, скорее, разрушаются на части, обычно очень медленно, хотя иногда и необыкновенно быстро» (Puchala, 1994).

ВВЕДЕНИЕ

В качестве важнейших субъектов геополитических исследований и равноправных акторов геополитики выделяют транснациональные корпорации (ТНК) и международные неправительственные организации (МНПО), в составе которых насчитывалось более 50 тысяч субъектов и свыше 100 всемирных организаций, деятельность которых сосредоточена на участии в экономическом и социальном развитии стран мира, включая продвижение процессов «гуманитарной экспансии и интервенции».

Характерной особенностью развития системы международных связей являются структурные трансформации в мировой экономике и политике, возрастающая активность процессов глобализации и интернационализации, нарастание мощи и влияния транснациональных компаний из развивающихся стран мира (ТНК РС), повышающих международную конкуренцию за разнообразные ресурсы и их потоки. Одновременно формируются и эволюционируют транснациональные бизнес-сообщества и их элиты, стимулируя развитие научно-технического и интеллектуального потенциала, обеспечивающих создание новой экономики на основе критических и информационных технологий, цифровизации и сетевых принципов организации экономики.

Трансформационные процессы в международных отношениях формируют новые теории и концепции политического и экономического развития, как «новые общие ценности», предполагающие инновационные способы достижения успехов в мировой политике и экономике. С одной стороны, наблюдается мощное развитие производительных сил и нового технологического уклада, с другой, - формирова-

ние предпосылок зарождения нового мирохозяйственного уклада и экономики в виртуальном геополитическом цифровом мире.

В теоретических исследованиях выделяют разновидности территориальных и нетерриториальных империй, которые могут трансформироваться, как правило, в экономические или идеологические образования. Имперским ядром и носителями имперских амбиций выступают, как правило, транснациональные корпорации и международные экономические организации коллективного Запада, проводящие коллективную имперскую политику в отношении развивающихся стран мира.

В рамках бурного развития процессов глобализации и интернационализации особое теоретическое и практическое значение приобретают аналитические исследования поведения транснациональных компаний на мировых рынках. В группе ведущих факторов можно выделить геополитические и геоэкономические, формирующие глобальные (по масштабу и емкости) мировые рынки движения товаров и услуг, финансов и капиталов, трудовых ресурсов, а соответственно новое развитие экономических интеграционных и кооперационных связей. Предложенная теоретическая матрица SWOT-анализа текущего состояния развития транснациональных корпораций построена на основе группировки важнейших факторов, характеризующих отдельные сегменты внешней и внутренней среды функционирования ТНК, которые свидетельствуют о доминирующем влиянии факторов внешней среды ТНК над внутренними условиями их развития.

МЕТОДОЛОГИЯ

Целью исследования является оценка современного состояния и тенденций развития ТНК, в числе из развивающихся стран, в системе глобальных изменений социально-политических и геоэкономических международных отношений в условиях зарождения нового мирохозяйственного и технологического укладов. В основу исследования положен структурно-функциональный подход, позволивший использовать методы компаративного и системного, в т.ч. SWOT-анализа, статистической и экспертной оценок, институциональный метод и др. Результаты эмпирических исследований носят промежуточный характер, на основе полученных результатов продолжится дальнейшее изучение данной тематики.

Объектом настоящего исследования являются имперские амбиции ТНК, а предметом - транснациональные корпорации как участники политико-экономических процессов мирохозяйственных отношений. В качестве рабочей гипотезы рассматривается тезис, что в услови-

ях современного мира формируются коллективные «империи», как зоны влияния и притяжения, формирующие новые разновидности геополитических и/или геоэкономических пространств, которые активизируют процессы глобализации и интернационализации в интересах ведущих западных стран и их ТНК.

В качестве глобальных центров силы и притяжения выступают: Русский Мир, Германский Мир, Англосаксонский Мир и Китайский Мир (Ямилов, 2015), иные государства, претендующие на данную роль можно отнести к региональным центрам. В отличие от традиционных территориальных империй, имперскость не исчезла, а приобрела новые формы (Комлева, 2006, стр. 81). В геополитическом пространстве формируются глобальные сети и крупные сетевые организации (корпорации), представленные глобальными Интернет-компаниями, посредством которых достигается идеологическое доминирование коллективного Запада.

ИМПЕРСКИЕ АМБИЦИИ КАК АТРИБУТ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МИРА

Считается, что термин «имперские амбиции» был введен в геополитический лексикон после развала СССР (Морозов, 2005), однако данное словосочетание, введенное в широкий научный оборот, свидетельствует о более значимом их толковании. Не редко речь идет о генетической памяти, о ностальгии об историческом прошлом, когда великие державы и цивилизации управляли большими мировыми пространствами, обладающими огромными территориями, населением, трудовыми ресурсами и экономикой.

Под империями также понимается геополитическое пространство, находящееся под контролем определенного актора и использующееся в его интересах. В теоретических исследованиях выделяют разновидности империй (Комлева & Миронов, 2007, стр. 3-4):

- территориальные (образуются путем силового захвата, управляются насильственными методами из центра, безвозмездно используют (эксплуатируют) сырьевые и демографические ресурсы);
- нетерриториальные (экономические и информационные).

В условиях современного геополитического пространственного развития империи могут трансформироваться, как правило, в экономические или идеологические образования.

В данном контексте можно говорить о различных уровнях влияния (государственном, корпоративном). Так, государство, являясь главным игроком, реализует свои амбиции непосредственно или через

транснациональные корпорации и международные неправительственные организации, насаждая, т.н. «новый империализм». При этом, по мнению, профессора Н.А. Комлевой выделяют «индивидуальный имперский актер» и некую коллективную империю «Унилатералию», выступающую имперским ядром современного мира и проводящую коллективную имперскую политику в отношении стран мира (Комлева & Миронов, 2007, стр. 8).

Известный американский политолог З. Бжезинский, характеризуя особенности современных империй, отмечал, что эта обширная и сложная глобальная система не является иерархической пирамидой. А Америка стоит в центре взаимозависимой Вселенной, в которой власть осуществляется через постоянное маневрирование, диалог, диффузию и стремление к формальному консенсусу, хотя эта власть происходит из единого источника – Вашингтона (Бжезинский, 2014, стр.41). По мнению А.С. Панарина, США – олигархическая империя с республиканско-демократическим прикрытием (Панарин, 1999) или - государство олигархической имперской республикой, существующей только как формальная демократия, под которой скрывается олигархическая начинка (Карабущенко, Гаврилина & Титов, 2017, стр. 78). В данном контексте совершенно справедлив тезис: «на место идеала демократического равенства выступил идеал олигархического господства» (Гильфердинг, 2011, стр. 400).

Подтверждением имперских целей США выступает ресурсный фактор американской империалистической политики, - стремление к ресурсам (Chomsky & Barsamian, 2005). Вся современная история внешней экспансии этого государства свидетельствует о «коалиционном» вхождении и присутствии вооруженных сил НАТО или вновь сформированных альянсов на территориях суверенных государств (Ливия, Сирия, Ирак, Афганистан и др.). Следствием незаконно аннексированных или «оккупированных» территорий остаются: свержение правительств, разрушение экономик, нещадная эксплуатация природно-сырьевых ресурсов, хищение и уничтожение культурно-исторических ценностей. Указанные действия осуществляются как вооруженными силами этих альянсов, так и транснациональными компаниями.

Несмотря на разрушение традиционных территориальных империй, имперскость не исчезла, но приобрела новые формы и новых акторов (Комлева, 2006, стр. 81). Национальные идеи многих стран выражают определенные тенденции формирования имперских настроений (Карабущенко, 2014, стр.155). В настоящее время имперские амбиции сохранились у Японии, Франции, Германии, Великобритании, Ирана, Саудовской Аравии, ряда стран Персидского Залива (Роджерс, 2020).

Особое место следует уделить Турции, активно продвигающей идею возрождения новой Османской империи, которая сформировала геополитические амбиции руководства страны и современные планы продвижения пантюркизма в страны Средней Азии и Кавказа (Сваранц, 2002, стр. 4). По заявлению Секретаря Совбеза Российской Федерации Н.П. Патрушева, Британия после выхода из ЕС пытается возродить имперское величие (Патрушев, 2021).

Известный политолог С. Михеев высказал мнение об имперском величии России, которой необходимо найти способ и предложить мировому Западу и цивилизованному миру вопрос о статусе империи или торгового предприятия. (Михеев, 2020).

Многообразие точек зрения на проблематику позволяют оценить современные центры силы и притяжения, к которым относят: Русский Мир, Германский Мир, Англосаксонский Мир, Китайский Мир (Ямилов, 2015). Представленная их характеристика по принципу самодостаточности (табл. 1) свидетельствует о существовании зон притязательного влияния.

Военное	Идеологическое	Экономическое	Доминирование
Русский Мир	Англосаксонский Мир	Русский Мир	Максимальное
Германский Мир	Германский Мир	Германский Мир	Минимальное
Англосаксонский Мир	Китайский Мир	Китайский Мир	
Китайский Мир	Русский Мир	Англосаксонский Мир	

Таблица 1 – Матрица доминирования Миров на основе самодостаточности¹

В современном мире, по оценкам Р.М. Ямилова, речь идет не о физических границах этих миров, а о зонах влияния, как центров притяжения, которых формируют определенные геополитические и/или геоэкономические пространства. Так, военная самодостаточность и доминирование определяют способность побеждать в прямом столкновении. Экономическая самодостаточность означает не наличие экономических ресурсов, а способность создавать функционирующую экономику без опоры на внешние ресурсы на основе имеющихся ресурсов.

¹ Источник: составлено по данным (Ямилов, 2015).

Идеологическое доминирование достигается способностью создания новых образов, смыслов, идеологий. Абсолютная идеологическая возможность принадлежит Англосаксонскому Миру, который лучше всех генерирует идеологические образы (Ямилов, 2015).

Указанная деятельность обеспечивает преимущество использования в своих интересах вновь созданной сети международных связей, которая заметно развивается вне рамок более традиционной системы национальных государств (Бжезинский, 2014, Стр. 253 - 254)

Следовательно, в геополитическом пространстве формируются глобальные сети и сетевые организации, представленные глобальными Интернет-компаниями, посредством которых достигается идеологическое доминирование. Черета «цветных» революций и процесс экспорта демократии являются ярким подтверждением аналогичных событий.

Приведенные выводы подтверждаются результатами исследования И.М. Бусыгиной и А.А. Захарова: «носителем имперского суверенитета, вполне в духе постмодернизма, оказывается сетевая структура, в состав которой входят руководители ведущих западных стран, транснациональных корпораций ... и международных экономических организаций» (Бусыгина & Захаров, 2009, стр. 48; 49).

В этих условиях остаются весьма актуальными слова министра иностранных дел России С.В. Лаврова, высказанные в интервью норвежской газете «Верденсанг» (25.10.2014 года): «Мир вступил в переходный период и, судя по всему, речь идет не просто об очередном историческом этапе, а о смене эпох. Происходит перераспределение глобального баланса сил, формируется новая полицентричная система мироустройства» (Лавров, 2014).

По мнению известного российского политолога С.В. Кортунова, США не выдерживают бремени единоличного лидерства, американское превосходство не вечно, оно ограничено жесткими временными рамками. По его оценкам, роль США в мировой экономике на протяжении последних 50 лет последовательно падает (Кортунов, 2008).

В рамках изложенного становятся актуальными слова Президента США Джо Байдена. Выступая на 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (22.09.2021), он провозгласил новый тезис: «Мы завершили двадцатилетний конфликт в Афганистане. И заканчивая этот период неослабной войны, мы открываем новую эру неослабной (неустанной) дипломатии..., эру обновления и защиты демократии» (Байден, 2021).

В контексте его речи, можно предполагать о возможности перехода от новых войн, в т.ч. холодных, к формированию стратегии, так называемой «мягкой силы» в современной внешней политике на основе

отстаивания многолетних правил и норм, составляющих базис международного сотрудничества, а также введения с союзниками и партнерами новых правил международной торговли и экономического роста.

Накануне «исторической» речи, Соединенные Штаты Америки, Великобритания и Австралия (15.09.2021) объявили о создании нового тройственного военного союза AUKUS (Australia, United Kingdom, United States). Особенность данной коалиции – это англосаксонский международный военно-политический альянс, декларирующий защиту и отстаивание общих интересов сторон в Индо-Тихоокеанском регионе и объединение усилий в сфере развития оборонного сектора (“AUKUS belli,” 2021), что свидетельствует о новой попытке возрождения англосаксонского мира и имперский традиций участников альянса.

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ

В научных исследованиях отсутствуют структурированные определения отдельных понятий, связанных с процессами глобализации, транснационализации и интернационализации. Различное толкование указанных определений можно связать с уровнем постановки задач и сфер исследования (мировой, национальный, локальный, политический, экономический, корпоративный и др.).

Триада указанных категорий свидетельствует об их единстве и тесной взаимосвязанности на различных уровнях международного сотрудничества, взаимодействие которых осуществляется в системе причинно-следственных связей.

Глобализация современного мира представляет собой процесс трансформации пространственной организации социальных отношений и взаимодействий, порождающих межконтинентальные и межрегиональные потоки и структуры активности, взаимодействий и проявлений власти (Хелд & Гольдблатт, стр. 19).

Целесообразно обратить внимание на новый этап неоглобализма, преследующего стратегические цели планетарного развития. Так, по мнению Клауса Шваба, основателя и исполнительного председателя Всемирного экономического форума (в Давосе), «национальные государства – анахронизм, пережиток старого капитализма. Надо стремиться к размыванию национальных границ, национальных государств. И в «дивном новом мире» корпорации будут не «транснациональными», а «глобальными». Глобальные корпорации должны постепенно брать на себя все функции государства, по сути, планируется приватизация государства» (Катасонов, 2021).

В рамках теории транснационализма выделяются различные концепции развития транснационального сообщества, формируя многообразие каналов взаимосвязей и взаимной зависимости, расширяя границы интернационализации пространства (Головин & Головина, 2021, стр. 65). В работе профессора Е.Д. Фроловой понятия интернационализации и глобализации рассматриваются как тождественные (Фролова, 2012).

В данном контексте интернационализация экономики рассматривается как процесс развития устойчивых экономических международных взаимосвязей на основе международного разделения труда и выхода стандартного воспроизводственного цикла за пределы национальных границ» (Колесов & Осьмова, 2002). С позиций геоэкономического подхода интернационализацию мирохозяйственной жизни определяют, как «процесс выхода за национальные рамки звеньев воспроизводственного процесса» (Кочетов, 2006, стр. 172).

По мнению американского политолога З. Бжезинского «хотя национальное государство формально остается главным субъектом на мировой арене, интернациональная (а не международная в традиционном смысле) политическая жизнь все больше приобретает форму трансграничного, беспорядочного и часто сопряженного с насилием глобального процесса» (Бжезинский, 2014, стр. 282).

Таким образом, современное состояние геополитических отношений сводится к глобальному геоэкономическому доминированию. По нашему мнению, одновременно с использованием накопленных геоэкономических ресурсов создается геофинансовое пространство, в котором особое место занимает финансовый капитал и формирующий его финансовые потоки – фиктивный капитал (Головина, 2020). Указанная «конструкция» в политико-экономическом аспекте сопровождается синергетическими (положительными, но, возможно, «отрицательными») эффектами (Маркелов & Головина, 2020, стр.15).

Процесс взаимодействия основных акторов глобальной экономики выражается в дальнейшем развитии более тесного интеграционного единства государства и бизнеса, в первую очередь, развитии транснациональных корпораций (ТНК) и формировании единого мирового рыночного пространства. В новых реалиях международной кооперации классическая интернационализация товарных (ресурсных) потоков наращивается глобальным транснациональным движением капитала. Указанный процесс в единстве с интернационализацией представляют собой естественную опцию глобализации, основные компоненты которой находятся в постоянном взаимном движении и переплетении многочисленных факторов.

На геополитическом пространстве осуществляется конкуренция между «старым» и «новым» миром, англосаксонским и прочими мирами (см. табл. 1) с целью занятия доминирующего положения в триаде взаимосвязанных факторов: геополитических, геостратегических и геоэкономических.

По мнению американского ученого М. Портера, в процессе глобализации и ужесточения конкуренции крупная корпорация не может ограничиваться деятельностью на национальном рынке, она формирует глобальный подход к стратегии. Компания «не может долго поддерживать преимущество в международной конкуренции, не используя и не расширяя свои преимущества, связанные с базированием в своей стране, с помощью глобального подхода к стратегии» (Портер, 1993, стр. 628)

Результаты статистических исследований свидетельствуют об объективности указанных выводов. Как известно, основу современного мирового хозяйства составляют порядка 2 тыс. крупных ТНК, но только топ - 500 определяют экономическую базу нефинансового сектора (Шутаева & Побирченко, 2019, стр. 168 –170), которые по итогам 2018 году обеспечили получение 30 трлн долл. США доходов и 1,9 трлн долл. США прибыли, обеспечив занятость работающих 67,7 млн человек (“Global 500,” 2018).

Сравнительная оценка крупных зарубежных и отечественных ТНК по странам происхождения, отраслевой принадлежности и выручке представлена в таблице 2.

№ в рейтинге	Компания	Страна	Отрасль	Выручка, млрд\$
Зарубежные компании				
1	Walmart	США	Ритейл	524,0
2	Sinopec Group	КНР	Нефть	407,0
3	State Grid	КНР	Энергетика	383,9
4	China National Petroleum	КНР	Нефть	379,1
5	Royal Dutch Shell	Нидерланды	Нефть	352,1
6	Saudi Aramco	Саудовская Аравия	Энергетика	329,8
7	Volkswagen	Германия	Автомобили	282,8
8	BP	Великобритания	Нефть	282,6

9	Amazon.com	США	Ритейл	280,5
10	Toyota Motor	Япония	Автомобили	275,3
Российские компании				
55	Газпром	РФ	Нефть-газ	118,0
57	Лукойл	РФ	Нефть-газ	114,6
76	Роснефть	РФ	Нефть-газ	96,3
240	Сбербанк	РФ	Финансы	48,3

Таблица 2. Сравнительная оценка крупных современных ТНК¹

Аналитические данные свидетельствуют, что наибольшее число компаний-лидеров мирового рейтинга сосредоточено в энергетическом секторе Китая, а параметры крупных международных ТНК существенно превосходят российские корпорации, что объясняется экономическим потенциалом и национальной стратегией развития стран.

Характерная особенность настоящего этапа экономического развития - существенный количественный рост транснациональных корпораций развивающихся стран (ТНК РС), число которых за период с 1995 по 2019 гг. выросло с 17 (1995 г.) до 150 (2019 г.) или в 8,8 раза ("Global 500," 2019). Соответственно, возросла их доля в общем объеме мирового товарного экспорта с 24% (1986 г.) до 44 % (2018 г.) (WTO, 2019, стр. 14), а объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) из ТНК РС вырос с 4 млрд. долл. США (1986 г.) до 418 4 млрд. долл. США (2018 г.). Китай по величине вывоза ПИИ в 2018 году занял второе место в мировой экономике (UNCTAD, 2019, стр. 6-7).

Следовательно, активно нарастает процесс глобализации экономики и формирования глобальных компаний, которые выступают в качестве локомотива инновационно-инвестиционного прогресса в мировой экономике, включая производство природного сырья, топлива и электроэнергии, современной техники, технологических знаний, информации и глобальных информационных сетей (Шутаева & Побирченко, 2019, стр. 176).

В рамках динамично развивающейся глобальной экономики и нарастания международной конкуренции особое внимание уделяется тенденциям развития транснациональных корпораций развивающихся стран мира (ТНК РС), основные компоненты которых приведены в таблице 3.

¹ Источник: составлено по данным (Fortune Global 500, 2020).

Основные положения «традиционных» теорий интернационализации, противоречащие практике деятельности ТНК РС		Основные теории и концепции, исследующие особенности ТНК РС	
Теория / концепция	Дивергентные факты по отношению к ТНК РС	Теория / концепция	Ключевые положения
Теория жизненного цикла продукта	Основное положение теории состоит в том, что фирмы (причем преимущественно из развитых стран) разрабатывают инновационные товары у себя на родине, продают их на внутреннем рынке до момента насыщения, а затем, со временем, выходят на рынки других стран. Однако, ТНК РС часто выходят на зарубежные рынки без давно апробированных и широко известных товаров или брендов, и фактически разрабатывают многие из своих самых инновационных продуктов (и/или конкурентных преимуществ) за рубежом, а не дома.	Теория инвестиционного трамплина	Теория фокусируется на факте систематического использования ТНК РС международной экспансии в качестве трамплина для достижения множества стратегических целей, таких как приобретение стратегических активов, компенсация недостатков, использование своих уникальных сильных сторон и борьба с государственным и институтами в стране базирования.
Эклектическая парадигма	ТНК РС, как правило, не располагают традиционными преимуществами владения (запатентованные технологии, рыночная власть, всемирно известные бренды), служащими основной предпосылкой	Теория 3L	Первая «L» (связи) обращает внимание на то, как ТНК из малых азиатских стран (напр., Сингапура, Гонконга, Тайваня и Южной Кореи) преодолели дефицит ресурсов, получив доступ к

	интернационализации для ТНК развитых стран. Наоборот, ТНК РС выходят на глобальный рынок, чтобы развить или создать эти виды преимуществ. ТНК РС принимают решение об интернализации не столько с целью устранения несовершенств промежуточных рынков, сколько для интеграции основных производственных мощностей, которые они приобрели на родине, и для повышения глобальной конкурентоспособности.		внешним ресурсам через связи (партнерство). Вторая «L» (рычаги) исследует каналы и способы связи с должностными лицами (прежде всего, с чиновниками). Третья «L» (обучение) относится к обучению, возникающему в результате повторения первого и второго процессов. Эмпирические исследования в рамках данной теории фокусируются на компаниях-гигантах из стран «Азиатских драконов».
Теория интернализации	ТНК РС выходят на зарубежные рынки в основном с целью компенсации недостатка внутренних возможностей/мощностей путем приобретения или поглощения преимуществ / мощностей за рубежом, в то время как теория провозглашает основной целью усиление сильных сторон фирмы (как внутреннего управления, так и фирменных преимуществ). Домашний рынок, как правило, продолжает играть	Концепция преимущества владения	ТНК РС обладают преимуществом владения до выхода на глобальный рынок, но эти преимущества могут значительно отличаться от располагаемых преимуществ ТНК из развитых стран. Это, в первую очередь - глубокое понимание потребностей

	центральную роль для общего роста и развития ТНК РС, что в целом так же противоречит теории.		клиентов, опыт работы в сложных условиях, возможность использования низких издержек производства, а также правильное сочетание цены и качества. Эти преимущества - контекстуальны, отражают условия страны происхождения.
Уппсальская модель интернационализации	Для ТНК РС расстояние (как географическое, так и кросс-культурное) менее значимо частично из-за процессов глобализации, частично из-за преобладания стратегической ориентированности ПИИ. Процесс интернационализации ТНК РС часто имеет радикальный и агрессивный характер, а не поступательный (согласно основным постулатам теории), поскольку ТНК РС стремятся максимально быстро преодолеть свою отсталость и поздний выход на мировые рынки по сравнению с давно признанными конкурентами из развитых стран. ТНК РС демонстрируют меньшую склонность к интернационализации по классическому сценарию: сначала небольшие по размеру ПИИ, затем последовательное	Концепция институционального арбитража	ТНК РС выходят на глобальный рынок, чтобы дистанцироваться или избежать слабых институциональных условий на родине. Это особо проявляется при осуществлении активного инвестирования на рынки развитых стран, где права собственности защищаются значительно лучше. ТНК РС умело конкурируют на рынках других развивающихся стран со слабо развитыми институтами и инфраструктурой по причине того, что они привыкли и хорошо осведомлены о неопределенности

	увеличение своей вовлеченности в зарубежный рынок и размера инвестиций по мере получения достаточного опыта и знаний о принимающей стране.		х и трудностях подобного рода и превосходно выживают в таких условиях.
--	--	--	--

Таблица 3 – Основные положения теорий и концепций для «традиционных» теорий интернационализации и стран с развивающейся экономикой (РС)¹

По мнению И.А. Мезиновой, процесс интернационализации транснациональных корпораций развивающихся стран происходит в противоречии с «классическими» теориями интернационализации. При этом автор отмечает характерные особенности развития ТНК РС (Мезинова, 2020, стр. 228):

- тенденция к осуществлению активных инвестиций в страны с высоким уровнем политического риска;
- ограниченность выхода на международные рынки, как правило, при отсутствии продвинутых фирменных (имиджевых) преимуществ или возможностей, уникальных технологий или узнаваемых брендов, гибких политических или сетевых способностей;
- использование альянсов с целью поглощения и приобретения иностранных активов в качестве первоначальной платформы выхода на зарубежные рынки;
- ускоренный процесс расширения бизнеса по различным направлениям. Недостаточная проработанность вопросов последовательной и поэтапной международной экспансии сопровождается нарастанием негативных вызовов и угроз;
- ориентация на стратегические зарубежные активы, стимулирующие развитие геоэкономических факторов, в т.ч. прямых иностранных инвестиций.

В качестве наглядного примера можно привести внешнеэкономический курс Китая. Благодаря высокой конкурентоспособности китайской продукции и эффективной внешнеторговой политике, Китай за прошедшее десятилетие увеличил объемы экспорта – с 1,2 трлн долл. (2009 г.) до 2,5 трлн долл. за 2020 год (Горлова, 2021).

Наиболее существенными являются программные мероприятия КНР до 2035 года. Всекитайским собранием народных представителей

¹ Источник: составлено по данным (Мезинова, 2020, стр. 227-228).

(март 2021 г.) был принят План национального социально-экономического развития (2021 - 2025) и перспективных целей до 2035 года (Кашин и др., 2021).

В основу концепции развития 14-ой пятилетки Китая положена стратегия «двойной циркуляции»: опора на внутренние источники роста («внутренняя циркуляция») и существенное повышение роли международного сотрудничества («внешняя циркуляция»). Ее ожидаемый результат – удвоение ВВП Китая и душевой ВВП в реальном выражении. В плане предусмотрены инновационные изменения развития КНР (Кашин и др., 2021, стр. 11-12):

- повышение качественного развития экономики страны;
- усиление стратегического инновационного научно-технического развития и расширение возможностей предприятий в сфере технологических инноваций;
- модернизация производственной системы и цепочки поставок, в том числе в сфере международного сотрудничества в области промышленной безопасности;
- ускорение цифрового развития;
- формирование сильного внутреннего рынка и стимулирование жизнеспособности различных субъектов рынка, развитие предпринимательства;
- создание современной финансовой системы (создание цифровой валюты, внедрение системы регистрации выпуска акций);
- «урбанизация нового типа».

Ожидаемые результаты развития цифровой экономики впечатляют. По прогнозным оценкам масштабы цифровой экономики Китая к 2025 году (по номинальным темпам роста в 11,3 %) достигнет 5051,15 млрд. долл. США (“《中国数字经济规模测算与‘十四五’展望研究报告》发布-中国社会科学网,” 2020), что существенно превышает размер экономики Российской Федерации в целом.

1. Особое интерес вызывает сопряжение важнейших документов стратегического развития Российской Федерации и Китайской Народной Республики:
2. 1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», определивший важнейшие цели внешней политики страны:
 - развитие отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия с Китайской Народной Республикой, особо привилегированного стратегического партнерства с Республикой Индия, в том числе в целях создания в Азиатско-Тихоокеанском регионе надежных механизмов обеспече-

ния региональной стабильности и безопасности на внеблоковой основе;

- углубление многопрофильного сотрудничества с иностранными государствами в форматах Шанхайской организации сотрудничества и БРИКС, укрепление функциональных и институциональных основ взаимодействия в рамках РИК (Россия, Индия, Китай).
3. 2. Указ Президента РФ от 05.03.2020 № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года».
 4. 3. Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года, утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 24.09. 2020 № 2464-р.

Указанная синхронизация может свидетельствовать о последовательности реализации Совместного заявления Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути от 08.05.2015 г. («Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути», 2015). Также можно говорить о современных моделях евразийского сотрудничества между ведущими геополитическими игроками (Россия и Китай) и необходимо определить субъектность паритетных партнерских отношений, масштабы и возможности их достижения и обеспечения (Маркелов & Головина, 2020, стр.11).

Процессы развития транснациональных корпораций и бизнес-элит в современных условиях развития интернет-технологий и разновидностей «цифровых элит» будут формироваться новыми тенденциями и особенностями развития нарождающегося мирохозяйственного уклада, который предполагает «расширенное воспроизводство национальных экономик, определяющих механизм глобальных экономических отношений» (Глазьев, 2018, стр. 561).

Нарождающиеся новые мирохозяйственный и технологический уклады объективно размывают национальные границы, транснациональные корпорации и их элиты трансформируются в «глобальный» сегмент мировой геополитики и геоэкономики (пространство финансового капитала, финансовых потоков и фиктивного капитала). С другой стороны, цифровизация и внедрение информационно-коммуникационных технологий формируют предпосылки для усиления интер-

национализации, слияния и поглощения, приобретения эффективных активов за рубежом.

В результате трансформации мировой экономики можно предвидеть бурное развитие сетевых организаций в геоэкономической и геополитической сферах. По мнению Л.В. Сморгунова и А.С. Шерстобитова, выделяются характеристики, присущие политическим сетям в публичной сфере глобального и локального уровня политического управления (Сморгунов & Шерстобитов, 2014, стр. 28-29):

- 1) Сети являются структурой управления публичными делами, связывающей государство, представителей бизнеса и гражданского общества, имеющих общий интерес;
- 2) Выработка соглашений и реализация решений осуществляется акторами в процессе обмена имеющимися ресурсами (властными, управленческими, финансовыми, информационными и т.д.);
- 3) Наличие у участников сети общего интереса, реализация которого и становится важным мотивом её создания;
- 4) Преобладание горизонтальных отношений над иерархическими, при которых участники имеют равные возможности по формированию общего решения;
- 5) Сеть является договорной структурой, состоящей из набора контрактов, основанных на формальных и неформальных правилах коммуникации.

Таким образом, тенденции развития глобализации и интернационализации определили транснациональные корпорации в качестве центров мирового развития, сделав их главной движущей силой экономического прогресса ведущих стран мира (Побирченко & Сазонова, 2002, стр. 33), формируя многообразие каналов взаимосвязей и взаимозависимости, расширяя границы интернационализации пространства.

SWOT-АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ

В научной литературе представлены различные системы классификации факторов развития геополитические и геоэкономических процессов, особое место среди которых занимает SWOT-анализ. В отличие от математических методов и моделей он является описанием субъективных факторов, которые сделаны на основе научных методов исследования: диалектический, абстрактно-логический, монографический, экономико-статистический, экспертных оценок и др.

По мнению А.С. Устенко, фактор определяет внешнее свойство объекта, представляющее собой свойство среды, влияющей на параметры исследуемого объекта или модели (Устенко, 2000). Сложение

указанных факторов приводит к получению аддитивной величины, а также через свойства синергизма и эмерджентности, обеспечивает увеличение их общего эффекта до величины большей, чем сумма эффектов этих же элементов, действующих независимо друг от друга, при этом формируются новые свойства целостности у системы. (Королев, 2015, стр. 9)

В рамках SWOT-анализа исследование ситуации происходит «под углом зрения» конкретного актора (Ахременко, 2006, стр. 263). Его аббревиатура представлена четырьмя английскими словами: Strength (сильные стороны); Weakness (слабые стороны); Opportunities (возможности); Threats (угрозы).

Поведение транснациональных корпораций на мировых рынках и в системе международных отношений является многоплановым в системе триады взаимосвязанных геополитических, геостратегических и геоэкономических факторов.

Среди ведущих групп геоэкономических факторов можно выделить процесс формирования глобальных (по масштабу) рынков, в первую очередь, финансовых, транспортные сети, емкость рынков, движение товаров, капиталов, услуг и рабочей силы, экономические интеграционные и кооперационные связи (Михайлов, 2010), которые также можно оценить с помощью рассматриваемого метода SWOT-анализа (табл. 4).

Факторы	Основные элементы
Экономические	Отраслевая структура экономики
	Финансовая обеспеченность отраслей экономики
	Конкурентоспособность отраслей экономики
	Инвестиционный климат страны и региона
	Внешнеэкономические связи отраслей экономики
Природно- сырьевые	Климатические условия
	Экономико-географическое положение страны и региона
	Минерально-сырьевые ресурсы
	Природно-земельные ресурсы
Инфраструктурные	Общэкономическая инфраструктура
	Рыночная инфраструктура
	Производственная инфраструктура

	Жилищно-коммунальные условия
	Социальная инфраструктура
Демографические	Демографическая ситуация
	Характеристика населения
	Уровень доходов
	Состояние и динамика миграционных потоков
Экологические	Эдафические факторы
	Пирогенные факторы
	Уровень загрязнения окружающей среды
	Использование природоохранных технологий
Социальные	Национальные особенности
	Качество жизни, в т.ч. сельского населения
	Социальный климат региона
	Соблюдение культурных традиций

Таблица 4 - Ключевые факторы геоэкономического развития транснациональных корпораций¹

В качестве теоретического использования матрицы SWOT-анализа текущего состояния развития транснациональных корпораций построим комбинированную таблицу сгруппированных факторов, характеризующих отдельные сегменты внешней и внутренней среды функционирования ТНК (табл. 5).

Сильные стороны (S)	Слабые стороны (W)
ТНК - локомотивы развития мировой экономики и отдельных государств	Сохранение зависимости от сектора нефтедобычи и нефтепереработки
Формируют единое мировое пространство и условия для смены мирохозяйственного и технологического укладов	Финансово-экономическая, военно-политическая, информационная и культурная экспансии развивающихся государств
Крупные размеры активов компаний обеспечивают активное развитие научно-технологического потенциала	Недостаточное рациональное использование природных ресурсов, формирующих неблагоприятную

¹ Источники: авторский с использованием данных (Алиева Б.Р., 2016; Карпович, 2017; Королев, 2015; Кривокопа, 2014).

	экологическую обстановку
Высокий инвестиционный и организационный потенциал компаний, стимулирующий развитие предпринимательства	Снижение уровня конкурентоспособности национальных отраслей и предприятий
Формируют глобальные бизнес-элиты, которые становятся все более интернациональными	ТНК выступают прямыми конкурентами традиционной дипломатии; оказание политического и экономического давления на геополитические процессы
Ускорение и увеличение объемов движения капитала	Образование целостной системы усиления господства ТНК
Тесное взаимодействие в рамках научно-технического и кооперационного сотрудничества с зарубежными партнерами	Замедление экономического развития развивающихся стран, в т.ч. государств Европейского Союза
Диверсификация структуры и географии активностей ТНК на развивающихся рынках, богатых природно-ресурсный потенциалом	Неиспользуемый потенциал развивающихся стран (трудовых, производственных и минерально-сырьевых ресурсов)
Индустриализация на новой технологической базе и стремительная урбанизация в развивающихся странах	Сырьевая структура внешнеторгового оборота и рост рейдерства и теневой экономики
Развитию крупных интегрированных производственных систем	Ослабление национальных экономик на финансовом, технологическом и кадровом уровнях
Формирование благоприятной бизнес-среды новой идеологической основы международной политической системы	Политическое воздействие на органы власти, лоббирование интересов ТНК; низкая покупательская способность населения
Создание центров подготовки кадров с учетом потребности рынка труда и перспективных направлений развития экономики	Демографические изменения и миграционная политика, обеспечивающая приток дешевой рабочей силы на рынок труда и отток квалифицированных кадров

Приток капитала в развивающиеся экономики, включая социальную сферу	Рост внешний долг; ослабление влияния институтов, представляющих национальные интересы стран и граждан
Возможности (О)	Угрозы (Т)
Возможности формирования благоприятного экономического пространства	Глобализация ведет к экономическим потрясениям, экономическим кризисам
Усиление экономической кооперации и взаимозависимости разных стран и регионов	Снижение возможностей национальных государств контролировать процесс изменения отношений собственности
Культурное взаимообогащение и интеграция процессов всемирной экономической, политической и культурной интеграции	Распространение коронавирусной инфекции (COVID-19), сдерживающих развитие туризма, авиаперевозок, гостиничного бизнеса, общественного питания и другие
Стандартизация экономических и технологических процессов и сближение культур разных стран	Финансовая нестабильность ряда отраслей, наиболее пострадавших от коронавирусной инфекции (COVID-19)
Возникновение новой экономики, основанной на управлении информацией и информационными отраслями	Поворот в сознании потребителей и кардинальная смена парадигмы розничных продаж
Развитие информационных и телекоммуникационных технологий	Постоянное стремление к максимизации прибыли
Возможность использования потенциала ТНК для развития национальных отраслей развивающихся стран	Санкционная политика, введение торгово-экономических и культурных ограничений
Сдвиг фокуса деловой активности в сторону перспективных растущих стран и рынков	Усиление конкуренции с развивающимися странами за рынки сбыта, рабочую силу, инвестиции
Свободное перемещение продукции (работ и услуг), рабочей силы, капитала	Увеличение структурной безработицы, миграционный отток перспективных и квалифицированных кадров
Расширение доступак природными ресурсам и новым технологиям	Ослабление контроля транснациональными природными ресурсами
Создание новой экономики на основе критических технологий, цифровизации и сетевых принципов	Недостаточный учет национальных интересов развивающихся стран, рост

организации	безработицы
Создание новых общих ценностей как новый способ достижения успехов в мировой экономике	Негативное вмешательство внешних геополитических сил во внутринациональные процессы
Появление зачатков «цифровой элиты», стимулирующих развитие информационных и коммуникационных технологий	Стремление к размыванию границ национальных государств; разрушение национальных механизмов контроля за рынками

Таблица 5 - Матрица SWOT-анализа текущего состояния развития транснациональных корпораций¹

SWOT-анализ выступает важным инструментом структурирования информации, позволяя представить общую картину взаимного расположения факторов развития системы, формулируя соответствующие выводы и рекомендации (Королев, 2015, стр. 22).

Приведенная группировка свидетельствует о доминирующем влиянии факторов внешней среды функционирования ТНК над внутренними условиями их развития, которые определяются глобальными устремлениями ведущих экономик мира. Коллективный Запад реализует свои имперские амбиции через международные военно-политические альянсы или при совместном участии с крупными транснациональными корпорациями.

В соответствии с результатами указанной матрицы можно сформировать стратегические направления развития транснациональных корпораций. Для реализации данной задачи следует перейти от абстрактных аналитических исследований к реальному научно-практическому и углубленному анализу геополитического, геостратегического и геоэкономического пространства или отдельных их сегментов. Например, в рамках проведения SWOT-анализа эффективности международных отношений в Прикаспийском регионе, целесообразно дать оценку Российской Федерации по следующим параметрам (табл. 6).

Сильные стороны (S)	Слабые стороны (W)
---------------------	--------------------

¹ Источник: составлено по данным (Алиева Б.Р., 2016; Аттокурова & Макеева, 2016; Мельников, Снимщикова & Лазгиев, 2014; Карпович, 2017; Королев, 2015; Чапурко, Волошин & Чапурко, 2018).

Большая площадь территории, наличие значительных запасов разнообразных природных ресурсов; возможность использования территории страны для транзитных перевозок	Сохранение преимущественно сырьевой структуры экспорта (главным образом нефти и газа) и, как следствие, значительная зависимость от конъюнктуры мирового рынка в сфере топливно-энергетических ресурсов
Значительная протяженность морской границы на Каспии, наличие глубоководных портов	Полиэтнический и поликонфессиональный характер населения, в т.ч. в регионах страны, прилежащих к Каспию.
Наличие развитых внутренних судоходных путей, включая канал Волго-Дон, Волго-Балтийскую судоходную систему, обеспечивающих доступ судов к мировому океану и в акватории других морей	Наличие факторов, затрудняющих бизнес-деятельность, привлечение иностранных инвестиций в экономику страны
Достаточно большая численность населения, в т.ч. в регионах, непосредственно прилегающих к Каспию	Действие ряда международных санкций со стороны развитых стран, в т.ч. Европейского Союза и США (в отношении страны в целом и отдельных политических деятелей России)
Физическое присутствие страны на двух континентах и, как следствие, возможности участия в «наднациональных организациях» двух континентов	Значительная протяженность границ страны затрудняет адекватное отражение внешних угроз – если они одновременно возникнут на разных участках этих границ
Значительная доля населения в зарубежных Прикаспийских странах (кроме Ирана), которые относят себя к «этническим русским»; большая доля русскоговорящего населения, в т.ч. и работающих в высших звеньях управления странами	Сложное экологическое состояние региона; необходимость экологического оздоровления Волжского бассейна и российского сектора Северного Прикаспия
Высокий уровень обороноспособности страны, в т.ч. наличие воинских соединений и необходимой инфраструктуры непосредственно в Прикаспийских регионах России; при необходимости – возможность быстрой переброски «живой силы» и техники из других частей страны	Сокращение запасов биоресурсов; необходимо сохранение и воспроизводство водных биологических ресурсов Волго-Каспийского бассейна
Наличие развитых национальных средств	Слабое состояние

проведения разведки в дистанционной форме, в т.ч. с использованием спутниковой съемки, радиоволнового зондирования поверхности Земли из космоса (обеспечивает своевременное получение информации, важной для обеспечения интересов страны в сфере обороны)	инфраструктурного развитие региона; необходимость формирования российского транспортно-логистического комплекса Каспийского бассейна как стратегического приоритета развития страны
Возможности (О)	Угрозы (Т)
Усиление инновационного характера развития экономики за счет использования накопленного научно-технического потенциала, высокого уровня образования населения	Возможность усиления существующих санкций со стороны развитых стран или введения новых санкций, в т.ч. связанных внешнеполитической или внешнеэкономической активностью России, реализацией некоторых внутриполитических мер
Расширение взаимовыгодных международных связей, в т.ч. направленных на устранение различного рода санкций, таможенных барьеров и пр.	Значительное уменьшение стоимостей продаж на мировом рынке топливно-энергетических ресурсов, что может привести к «недополучению» государственным бюджетом запланированных доходов
Заключение двусторонних и многосторонних соглашений со странами Прикаспийского региона в отношении сотрудничества в различных сферах	Введение серьезных ограничений на такие продажи со стороны наднациональных организаций
Развитие «Свободных» или «Особых» экономических зон, в т.ч. на территориях Прикаспийских регионов России	Возникновение военных конфликтов между Прикаспийскими и другими сопредельными странами, в которые может оказаться втянутой РФ

Таблица 6–Результаты SWOT-анализа Российской Федерации¹

Результаты приведенных экспертных оценок позволяют определить Россию как государство, консолидирующее геополитическое пространство не только Прикаспийского региона, но и в ареале Кавказ - Каспийский бассейн - Центральная Азия. Также следует учитывать, что Евразийская интеграция имеет более широкие пространственные из-

¹ Источник: авторы.

мерения, в качестве важнейшего сегмента которых можно выделить страны ареала Большого Каспия, на пространстве которого реализуются многомерные сопряженные мегапроекты, в частности, с Китайской Народной Республикой (Маркелов & Головина, 2020, стр.14).

ВЫВОДЫ

Бурное развитие международных экономических отношений конца XX века и начала XXI века усилили значимость и влияние транснациональных корпораций стран с «классической» экономикой, так и развивающихся государств. Произошла трансформация мировой торговли и финансовых отношений, классическая интернационализация товарно-ресурсных потоков расширяется глобальным транснациональным движением капитала, масштабы накопленных геоэкономических ресурсов создают новое геофинансовое пространство.

Инновационное развитие производительных сил в рамках нового технологического уклада, сопровождается преобразованием ТНК в сетевые формы организации бизнес-сообществ, деятельность которых основана на сетевых и виртуальных технологиях, а также на сети информационных обменов между экономическими и политическими агентами. С другой стороны, формируются предпосылки зарождения нового мирохозяйственного уклада и экономики в виртуальном геоэкономическом цифровом пространстве. Следствием указанных изменений является размывание национальных границ, транснациональные корпорации и их элиты трансформируются в «глобальный» сегмент мировой геополитики и геоэкономики (пространство движения финансового капитала, финансовых потоков и фиктивного капитала).

Современное состояние геополитических отношений сводится к глобальному геоэкономическому доминированию и попыткам возрождения имперских амбиций, которые в настоящее время формируются как коллективные «империи» илизоны влияния и притяжения. Имперским ядром и носителями имперских амбиций выступают, как правило, транснациональные корпорации и международные организации коллективного Запада, проводящие коллективную имперскую политику в отношении развивающихся стран.

Глобальные информационные сетевые пространства и «новые общие ценности» формируют благоприятную почву для развития глобализации и интернационализации транснациональных корпораций в качестве центров мирового развития.

Список литературы

- AUKUS belli. (2021, сентябрь 16). Извлечено 7 ноября 2021 г., от Коммерсант website: <https://www.kommersant.ru/doc/4988107>
- Chomsky, N., & Barsamian, D. (2005). *Imperial Ambitions: Conversations with Noam Chomsky on the Post 9/11 World*. London: Hamish Hamilton.
- Global 500. (2018). Извлечено 8 ноября 2021 г., от Fortune website: <https://fortune.com/global500/2018/>
- Global 500. (2019). Извлечено 8 ноября 2021 г., от Fortune website: <https://fortune.com/global500/2019/>
- Global 500. (2020). Извлечено 8 ноября 2021 г., от Fortune website: <https://fortune.com/global500/2020/>
- Puchala, D. (1994). The History of the Future of International Relations. *Ethics and International Affairce*, (8), 183.
- UNCTAD. (2019). *World Investment Report 2019—Special Economic Zones* (с. 2019 29). Geneva: United Nations Publications. Извлечено от https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2019_overview_en.pdf
- WTO. (2019). *Trade Statistical Review*. Извлечено от www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2019_e/wts2019_e.pdf
- 《中国数字经济规模测算与“十四五”展望研究报告》发布-中国社会科学网. (2020, сентябрь). Извлечено 7 ноября 2021 г., от Китайская сеть социальных наук website: http://www.cssn.cn/zx/zx_gjzh/zhnews/202009/t20200904_5178924.shtml
- Алиева, Б. Р. (2016). Британские транснациональные корпорации на современном этапе. *Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова*, 6(90), 138–147.
- Аттокурова, Н. С., & Макеева, М. Т. (2016). Возможности SWOT-анализа при исследовании проблем экономической интеграции. *Вестник КРСУ*, 16(2), 183–186.
- Ахременко, А. С. (2006). *Политический анализ и прогнозирование*. Москва: Гардарики.
- Бжезинский, З. (2014). *Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратегические императивы*: Москва: АСТ.
- Бортова, М. П. (2000). Современные проблемы транснационализации производства и капитала. *Менеджмент в России и за рубежом*, (3), 3. Извлечено от <http://www.mevriz.ru/articles/2000/3/900.html>
- Бусыгина, И. М., & Захаров, А. А. (2009). *Общественно-политический лексикон*. Москва: МГИМО – Университет.
- Выступление президента США Джозефа Байдена на сессии генеральной ассамблеи ООН. (2021, сентябрь 22). Извлечено 7 ноября 2021 г., от Посольство и консульства США в Российской Федерации website: <https://ru.usembassy.gov/ru/remarks-by-president-biden-before-the-76th-session-of-the-united-nations-general-assembly-ru/>
- Гильфердинг, А. (2011). *Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма*. Москва: Либроком.

- Глазьев, С. Ю. (2018). Рынок в будущее. В *Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах*. Москва: Книжный мир.
- Головин, В. Г., & Головина, Е. Е. (2021). Транснациональные элиты в системе геополитических координат. *Вопросы элитологии*, 2(1), 63–87. doi: [10.46539/elit.v2i1.52](https://doi.org/10.46539/elit.v2i1.52)
- Головина, Е. Е. (2020). Геоэкономика в системе международных отношений. *Интернаука: электронный научный журнал*, 22(151). Извлечено от <http://internauka.org/journal/science/internauka/151>
- Горлова, Д. (2021). Внешнеторговая политика Китая. Извлечено от РСМД:: Российский совет по международным делам website: <https://russiancouncil.ru/blogs/daria-gorlova/vneshnetorgovaya-politika-kitaya/>
- Карабущенко, П. Л. (2014). Национальная идея современной России: Страна, держава, империя. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, (2 (39)), 151–157.
- Карабущенко, П. Л., Гаврилина, Н. Е., & Титов, А. В. (Ред.). (2017). *Теневая экономика и современные элиты*. Прага: Vedeckovydavatelскеentrum «Sociosfera-Cz».
- Карпович, О. Г. (2017). Вторжение» транснациональных корпораций в сферу международных отношений как политическая проблема глобального и регионального развития. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*, (3. С), 74–81.
- Катасонов, В. (2021, январь 5). Локдаун Навсегда: «Великая перезагрузка» Клауса Шваба. Извлечено 8 ноября 2021 г., от https://tsargrad.tv/articles/lokdaun-navsegdavelikaja-perezagruzka-klausa-shvaba_311153
- Кашин, В. Б., Пятачкова, А. С., Смирнова, В. А., Литвинов, А. А., & Поташев, Н. А. (2021). *Китайские эксперты о новом пятилетнем плане КНР. Аналитическая записка* (с. 25). Москва: ЦКЕМИ НИУ ВШЭ.
- Колесова, В. П., & Осъмовой, М. Н. (Ред.). (б. д.). *Мировая экономика. Экономика зарубежных стран: Учебник (2002) / под ред* (с. 3-). Москва: Флинта.
- Комлева, Н. А. (2006). Имперская политика в эпоху постмодерна. *Дискурс-ни: научно-практический альманах*, 1(6), 80–83.
- Комлева, Н. А., & Миронов, Д. А. (2007). Имперские амбиции как атрибут геополитического поведения великих держав. *Власть*, 3–10.
- Королев, П. Ю. (2015). SWOT-анализ как инструмент структурирования информации в системе факторов формирования экономической политики в условиях единого экономического пространства ЕАЭС. *Ученые записки СПб филиала РТА*, 4(56), 23.
- Кортунов, С. (2008). Россия на пути к мировому лидерству. *Безопасность Евразии*, (4), 7–35.
- Кочетов, Э. Г. (2006). *Геоэкономический (глобальный) толковый словарь (Основы высоких геоэкономических технологий современного бизнеса): Сб. Стратегических понятий-новелл*. Екатеринбург: ИПП «Уральский рабочий».

- Кривокора, Ю. Н. (2014). *Обеспечение многофункционального характера развития сельского хозяйства* (с. 455). Ставрополь: ДГТУ.
- Маркелов, К. А., & Головина, Е. Е. (2020). Сопряжение как новое политико-экономическое понятие: Теоретико-практический аспект. *АСТРАПОЛИС*, Т. 9-10, 8–17.
- Мезинова, И. А. (2020). Исследование особенностей интернационализации транснациональных компаний из развивающихся стран. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*, 2(31), 226–230.
- Мельников, А. Б., Снимщикова, И. В., & Лазгиев, М. М. (2014). Некоторые противоречия внешнеэкономической экспансии ТНК - Вестн. Волгогр. гос ун-та. Сер. 3, Экон. Экол, 5(28), 128–135.
- Михеев, С. (2020, октябрь 4). Избавить Россию от комплекса неполноценности: Имперские амбиции объяснил Михеев. Извлечено 8 ноября 2021 г., от <https://tsargrad.tv/news/izbavit-rossiju-ot-kompleksa-nepolnocennosti-imperskie-ambicii-objasnil-miheev> 285 984
- Михеева, Н. М. (2017). Трансформация приоритетов деятельности международных неправительственных организаций со второй половины XX века. *Universum: Общественные науки: электронный научный журнал*, 9(39). Извлечено от <http://7universum.com/ru/social/archive/item/5138>
- Морозов, А. (2005). Имперские амбиции. Быть или не быть? Извлечено от Издание русской консервативной мысли «Золотой Лев» website: http://www.zlev.ru/55_20.htm
- Панарин, А. С. (1999). Имперская республика» на пути к мировому господству. *Общественные науки и современность*. No, 4. С, 146–157.
- Патрушев заявил об имперских амбициях Великобритании. (20 210 921T1233). Извлечено 8 ноября 2021 г., от Радио Sputnik website: https://radiosputnik.ria.ru/20_210_921/patrushev-1_751_114_140.html
- Побирченко, В. В., & Сазонова, Г. В. (2002). Транснациональный фактор трансформации экономики Украины в условиях глобализации. *Культура народов Причерноморья*, (26.), 33–37.
- Портер, М. (1993). *Международная конкуренция*: (В. Д. Щетинина, Ред.). Москва: Международные отношения.
- Роджерс, А. (2020). Имперские амбиции. Извлечено от E-News.su website: https://e-news.su/in-world/350_672-imperskie-ambicii-aleksandr-rodzhers.html
- Сваранц, А. (2002). *Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе*. Академия гуманитарных исследований.
- Сморгунов, Л. В., & Шерстобитов, А. С. (2014). *Политические сети: Теория и методы анализа*. Москва: Издательство «Аспект-Пресс».
- Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. (2015). Извлечено 7 ноября 2021 г., от Президент России website: <http://kremlin.ru/supplement/4971>

- Устенко, А. С. (2000). *Основы математического моделирования и алгоритмизации процессов функционирования сложных систем*. Москва: Просвещение. Извлечено от [URL](#):
- Фролова, Е. Д., Куприна, Т. В., & Шишминцев, М. Ю. (2012). Проблемы измерения интернационализации хозяйственной деятельности в условиях глобализации. *Известия УрГЭУ*, (1), 139–145.
- Хелд, Д., Гольдблатт, Д., Макгрю, Э., & Перратон, Д. (Ред.), Сошова, В. В. (Пер.). (2004). *Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура*. Москва.
- Чапурко, Т. М., Волошин, И. И., & Чапурко, Я. Я. (2018). Зарождение «цифровой элиты» в процессе модернизации России. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*, (1), 144–151.
- Шутаева, Е. А., & Побирченко, В. В. (2019). Транснациональные корпорации в условиях системной трансформации глобальной экономики. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление*, 5(71), 165–177.
- Ямилов, Р. М. (2015). Русский Мир vs Англосаксонский Мир: Вопросы, возможности, стратегия. *Гуманитарные научные исследования*. Извлечено от <https://human.snauka.ru/2015/03/9753>

References

- Akhremenko, A. S. (2006). *Political analysis and forecasting*. Moscow: Gardariki (In Russian).
- Alieva, B. R. (2016). British Transnational Corporations at the Present Stage. *Vestnik (Herald) of Plekhanov Russian University of Economics*, 6(90), 138–147 (In Russian).
- Attokurova, N. S., & Makeeva, M. T. (2016). Possibilities of SWOT-analysis in the study of economic integration problems. *Vestnik KRSU*, 16(2), 183–186 (In Russian).
- AUKUS belli. (2021, September 16). Retrieved from Kommersant website: <https://www.kommersant.ru/doc/4988107> (In Russian).
- Bortova, M. P. (2000). Contemporary problems of transnationalization of production and capital. *Management in Russia and Abroad*, 3. doi: <http://www.mevriz.ru/articles/2000/3/900.html> (In Russian)
- Brzezinski, Z. (2014). *The great chessboard: America's dominance and its geostrategic imperatives*. Moscow: ACT (In Russian).
- Busygina, I. M., & Zakharov, A. A. (2009). *Socio-political lexicon*. Moscow: MGIMO-University (In Russian).
- Chapurko, T. M., Voloshin, I. I., & Chapurko, Y. Y. (2018). The emergence of the “digital elite” in the process of Russia’s modernization. *State and Municipal Governance. Scientific Notes*, 1, 144–151 (In Russian).
- Chomsky, N., & Barsamian, D. (2005). *Imperial Ambitions: Conversations with Noam Chomsky on the Post 9/11 World*. London: Hamish Hamilton.

- Frolova, E. D., Kuprina, T. V., & Shishmintsev, M. Y. (2012). Problems of measuring the internationalization of economic activity in the context of globalization. *Proceedings of the Ural State Economic University*, 1, 139–145 (In Russian).
- Glazyev, S. Y. (2018). *A Dash to the Future. In Russia in the New Technological and World Economic Patterns*. Moscow: Book World (In Russian).
- Global 500. (2018). Retrieved from Fortune website: <https://fortune.com/global500/2018/>
- Global 500. (2019). Retrieved from Fortune website: <https://fortune.com/global500/2019/>
- Global 500. (2020). Retrieved from Fortune website: <https://fortune.com/global500/2020/>
- Golovin, V. G., & Golovina, E. E. (2021). Transnational Elites in the System of Geopolitical Coordinates. *Issues in Elitology*, 2(1), 63–87. doi: [10.46539/elit.v2i1.52](https://doi.org/10.46539/elit.v2i1.52) (In Russian).
- Golovina, E. E. (2020). Geoeconomics in the System of International Relations. *Internauka: Electronic Scientific Journal*, 22(151). URL: <http://internauka.org/journal/science/internauka/151> (In Russian).
- Gorlova, D. (2021). China's foreign trade policy. Retrieved from RIAC : Russian International Affairs Council website: <https://russiancouncil.ru/blogs/daria-gorlova/vneshnetorgovaya-politika-kitaya/>
- Held, D., Goldblatt, D., McGrew, E., & Perraton, D. (Eds.), Soshova, V. V. (Trans.). (2004). *Global Transformations: Politics, Economics, Culture*. Moscow (In Russian).
- Hilferding, A. (2011). *Financial Capital. The Newest Phase in the Development of Capitalism*. Moscow: Librocom (In Russian).
- Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on Cooperation in Bridging the Construction of the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt. (2015). Retrieved from President of Russia website: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (In Russian).
- Karabushchenko, P. L. (2014). National Idea of Modern Russia: Country, Power, Empire. *Caspian Region: Politics, Economy, Culture*, 2 (39), 151–157 (In Russian).
- Karabushchenko, P. L., Gavrilina, N. E., & Titov, A. V. (Eds.). (2017). *Shadow economy and modern elites*. Prague: Vedeckovydavatelstvecentrum "Sociosfera-Cz."
- Karpovich, O. G. (2017). The "invasion" of transnational corporations in the sphere of international relations as a political problem of global and regional development. *Proceedings of Tula State University. Humanities*, 3. C, 74–81 (In Russian).
- Kashin, V. B., Pyatachkova, A. S., Smirnova, V. A., Litvinov, A. A., & Potashev, N. A. (2021). Chinese Experts on China's New Five-Year Plan. In *Analytical note* (p. 25). Moscow: CKEMI National Research University Higher School of Economics (In Russian).
- Katasonov, V. (2021, January 5). Lockdown Forever: Klaus Schwab's "Great Reset." Retrieved from Tsargrad website: https://tsargrad.tv/articles/lokdaun-navsegdavelikaja-perezagruzka-klausa-shvaba_311153 (In Russian).
- Kochetov, E. G. (2006). *Geoeconomic (Global) Interpretative Dictionary (Fundamentals of High Geoeconomic Technologies of Modern Business): Sb. Strategic notions-novels*. Ekaterinburg: IPP "Uralsky Rabochiy." (In Russian)

- Kolesova, V. P., & Osmova, M. N. (Eds.). (2002). *World Economy. Ekonomika zarubezhnykh stranakh: Uchebnik*. Moscow: Flint (In Russian).
- Komleva, N. A. (2006). Imperial politics in the postmodern era. *Discurs-Pi: Scientific-Practical Almanach*, 1(6), 80–83 (In Russian).
- Komleva, N. A., & Mironov, D. A. (2007). *Imperial ambitions as an attribute of geopolitical behavior of great powers*. Power (In Russian).
- Korolev, P. Y. (2015). SWOT-analysis as a tool for structuring information in the system of factors of economic policy formation in the conditions of the common economic space of the EAEU. *Scientific Notes of the St. Petersburg Branch of RTA*, 4(56), 23 (In Russian).
- Kortunov, S. (2008). Russia on the way to world leadership. *Eurasian Security*, 4, 7–35 (In Russian).
- Krivokora, Y. N. (2014). *Ensuring the multifunctional nature of agricultural development*. Stavropol: DSTU (In Russian).
- Markelov, K. A., & Golovina, E. E. (2020). Pairing as a new political-economic concept: Theoretical and practical aspect. *ASTRAPOLIS*, 9-10, 8–17 (In Russian).
- Melnikov, A. B., Snimschikova, I. V., & Lazgiev, M. M. (2014). Some contradictions in the foreign economic expansion of TNCs—Vestn. *Volgogr. Gosudarstvennogo Universiteta [Volgograd State University]*. Ser. 3, Econ. Ekol, 5(28), 128–135 (In Russian).
- Mezinova, I. A. (2020). Study of the peculiarities of internationalization of transnational companies developing countries. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*, 2(31), 226–230 (In Russian).
- Mikheev, S. (2020, October 4). Getting rid of Russia's inferiority complex: Imperial ambitions explained by Mikheev. Retrieved from Tsargrad website: <https://tsargrad.tv/news/izbavit-rossiju-ot-kompleksa-nepolnocennosti-imperskie-ambicii-objasnil-miheev> 285 984 (In Russian).
- Mikheeva, N. M. (2017). Transformation of priorities of international non-governmental organizations since the second half of the 20th century. *Universum: Social Sciences: Electronic Scientific Journal*, 9(39). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/5138> (In Russian).
- Morozov, A. (2005). Imperial Ambitions. To Be or Not to Be? Retrieved from The publication of Russian conservative thought "Golden Lion" website: http://www.zlev.ru/55_20.htm (In Russian).
- Panarin, A. S. (1999). The "imperial republic" on the way to world domination. *Social Sciences and Modernity*. No. 4. C, 146–157 (In Russian).
- Patrushev Has Declared Britain's Imperial Ambitions. (2021, November 8). Retrieved from Radio Sputnik website: <https://radiosputnik.ria.ru/20210921/patrushev-1751114140.html> (In Russian).
- Pobirchenko, V. V., & Sazonova, G. V. (2002). Transnational factor of transformation of Ukrainian economy in conditions of globalization. *Culture of the Peoples of the Black Sea Region*, 26(), 33–37 (In Russian).

- Porter, M. (1993). *International competition* (V. D. Shchetinina, Eds.). Moscow: International relations (In Russian).
- Puchala, D. (1994). The History of the Future of International Relations. *Ethics and International Affairce*, (8), 183 (In Russian).
- Rogers, A. (2020). Imperial ambitions. Retrieved from E-News.su website: <https://e-news.su/in-world/350672-imperskie-ambicii-aleksandr-rodzhers.html> (In Russian).
- Shutaeva, E. A., & Pobirchenko, V. V. (2019). Transnational corporations in the systemic transformation of the global economy. *Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Economics and Management*, 5(71), 165–177 (In Russian).
- Smorgunov, L. V., & Sherstobitov, A. S. (2014). *Political Networks: Theory and Methods of Analysis*. Moscow: Aspect-Press Publishing House (In Russian).
- Svarants, A. (2002). *Panturkism in Turkey's geostrategy in the Caucasus*. Academy of Humanitarian Studies (In Russian).
- UNCTAD. (2019). *World Investment Report 2019—Special Economic Zones* (p. 2019 29). Geneva: United Nations Publications. Retrieved from https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2019_overview_en.pdf
- U.S. President Joseph Biden's address to the U.N. General Assembly. (2021). Retrieved from U.S. Embassy and Consulates in the Russian Federation website: <https://ru.usembassy.gov/ru/remarks-by-president-biden-before-the-76th-session-of-the-united-nations-general-assembly-ru/> (In Russian).
- Ustenko, A. S. (2000). *Fundamentals of Mathematical Modeling and Algorithmization of Processes of Functioning of Complex Systems*. Moscow: Prosveshchenie (In Russian).
- WTO. (2019). *Trade Statistical Review*. Retrieved from www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2019_e/wts2019_e.pdf
- Yamilov, R. M. (2015). *Russian World vs Anglo-Saxon World: Issues, Possibilities, Strategy*. Humanitarian Scientific Research. Retrieved from <https://human.snauka.ru/2015/03/9753> (In Russian).
- 《中国数字经济规模测算与“十四五”展望研究报告》发布-中国社会科学网. (2020, September). Retrieved November 7, 2021, from China Social Science Network website: http://www.cssn.cn/zx/zx_gjzh/zhnew/202009/t20200904_5178924.shtml (In Chinese).

GEOPOLITICAL, SOCIO-CULTURAL, ELITOLOGICAL ASPECTS OF THE FORMATION, DEGRADATION AND REVIVAL OF IMPERIAL INTENTIONS: INFORMING AND DISCUSSING

(a) Alexander Va. Ponedelkov, (b) Konstantin Vi. Kudryashov

(a) South-Russian Institute of Management - a branch of the RANEPa under the President of the Russian Federation. Rostov-on-Don, Russia. E-mail: [ponedelkov\[at\]uriu.ranepa.ru](mailto:ponedelkov[at]uriu.ranepa.ru).

(b) The North Caucasian Social Institute. Stavropol, Russia. E-mail: [kv-26\[at\]yandex.ru](mailto:kv-26[at]yandex.ru).

Abstract

On October 22 (November 2), 1721, following the results of the Northern War and at the request of the Senate and Synod, the Russian Tsar Peter I accepted the titles of Emperor of All Russia and Father of the Fatherland. It is generally accepted that with the adoption of the imperial title by Peter I, Russia turned from a kingdom into an empire and its imperial period of history began. There is an opinion that in the twentieth century. The Soviet Union became the legal successor of this empire, and now the Russian Federation is the bearer of this tradition. On June 4, 2021, Rostov-on-Don hosted a Round Table - "Geopolitical, socio-cultural, elitological aspects of the formation, degradation and revival of imperial intentions" in the framework of the All-Russian scientific practical full-time / correspondence online conference "FOR THE 300TH ANNIVERSARY OF THE RUSSIAN EMPIRE: ELITE AND A WORLD OF HIGH RELATIONS (PRO ET CONTRA)". The following topical problems and issues were considered at the round table: the head of state and the management elite; experience in training personnel for the management elite in the 19th - early 20th centuries; the role of the political, managerial (bureaucratic), military, financial and intellectual elite in the history of Russia in the 17th-20th centuries; criteria for assessing the quality of the political elite and political leaders; regional elites of modern Russia; elites and leadership: Russian specificity; elitocracy as a phenomenon of modern political reality; and many others. In this publication, only preliminary introductory material is given, one can get acquainted with the full content of the reports through the published collection of materials of the round table.

Keywords

interaction of elites; education of elites; genesis of elites; imperial politics; global elites; empire; the crisis of the elite of troubled times; the collapse of the empire; national policy; post-imperial syndrome; elitocracy.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ, ЭЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ, ДЕГРАДАЦИИ И ВОЗРОЖДЕНИЯ ИМПЕРСКИХ ИНТЕНЦИЙ: ИНФОРМИРУЕМ И ОБСУЖДАЕМ

(а) Понеделков Александр Васильевич, (б) Кудряшов Константин Викторович

(а) Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ.
Ростов-на-Дону, Россия. E-mail: [ponedelkov\[at\]uriu.ranepa.ru](mailto:ponedelkov[at]uriu.ranepa.ru).

(б) Северо-Кавказский социальный институт Ставрополь, Россия. E-mail: [kv-26\[at\]yandex.ru](mailto:kv-26[at]yandex.ru).

Аннотация

22 октября (2 ноября) 1721 г. по итогам Северной войны и по прошению Сената и Синода русский царь Петр I принял титулы Императора Всероссийского и Отца Отечества. Принято считать, что с принятием Петром I императорского титула, Россия превратилась из царства в империю, и начался её имперский период истории. Существует мнение, что в XX в. правопреемником этой империи стал Советский Союз, а в настоящее время носителем этой традиции является Российская Федерация. 4 июня 2021 года в Ростове-на-Дону состоялся Круглый стол – «Геополитические, социально-культурные, элитологические аспекты формирования, деградации и возрождения имперских интенций» в рамках Всероссийской научной практической очно/заочной онлайн конференции «К 300-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ЭЛИТЫ И МИР ВЫСОКИХ ОТНОШЕНИЙ (PRO ET CONTRA)». На круглом столе были рассмотрены следующие актуальные проблемы и вопросы: глава государства и управленческая элита; опыт подготовки кадров для управленческой элиты в XIX – начале XX в.; роль политической, управленческой (бюрократической), военной, финансовой и интеллектуальной элиты в истории России XVII–XX вв.; критерии оценки качества политической элиты и политических лидеров; региональные элиты современной России; элиты и лидерство: российская специфика; элитократия как феномен современной политической реальности; и многие другие. В настоящей публикации даётся лишь предварительный ознакомительный материал, ознакомится с полным содержанием докладов возможно через опубликованный сборник материалов круглого стола.

Ключевые слова

взаимодействие элит; воспитание элит; генезис элит; имперская политика; глобальные элиты; империя; кризис элитности смутных времён; крушение империи; национальная политика; постимперский синдром; элитократия.

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

4 июня 2021 г. на базе Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ состоялся Круглый стол – «Геополитические, социально-культурные, элитологические аспекты формирования, деградации и возрождения имперских интенций», который был проведён в рамках Всероссийской научной практической конференции с международным участием «Историческое наследие великой эпохи: к 300-летию Российской империи».

На Круглом столе были подвергнуты рассмотрению следующие вопросы и проблемы: глава государства и управленческая элита: характер взаимоотношений в XVI-XX вв.; опыт подготовки кадров для управленческой элиты в XIX – начале XX в.: Царскосельский (Александровский Лицей), Училище правоведения, университеты и др.; роль политической, управленческой (бюрократической), военной, финансовой и интеллектуальной элиты в истории России XVII-XX вв.; критерии оценки качества политической элиты и политических лидеров; региональные элиты современной России: итоги трансформации в постсоветское время и уровень адекватности; политико-административные элиты регионов России: этапы трансформации и современное состояние; элиты и лидерство: российская специфика; элиты и лидеры муниципального уровня; воспитание на духовно-патриотических ценностях принципиально новой элиты; проблемы формирования элиты и государственная кадровая политика в современной России; взаимодействие элит в социально-политическом пространстве современной России; элитократия как феномен современной политической реальности; состояние и перспективы развития современной элитологии; сравнительная элитология: российский и зарубежный опыт; эволюция российской бизнес-элиты в постсоветский период; этнократические элиты и их роль в современном политическом процессе в России; роль интеллектуальных элит в трансформационных процессах; элиты СМИ и коммуникативные процессы в элитологическом сообществе и гражданском обществе; силовые элиты, их роль в обеспечении национальной безопасности России; институционализация контрэлит: история, политический процесс, современная действительность; молодежные элиты в современной России: проблемы институционализации и перспективы развития; ценностно-мотивационный аспект в формировании и деструктивности элит; элитарные личности: задатки, черты, социальные условия продвижения и блокирования; демократизм и элитизм; глобальное управление, глобальные элиты, их особенности и

миссия; особенности российских элит и российского элитогенеза; современный рекрутинг российских элит: механизмы конструктивные и девиационные; элитное образование в системе элитогенеза; элиты России в условиях санкционных ограничений и русофобии; самоидентификация, психологические ограничения и преимущества демократически ориентированной элиты.

Спикер Круглого стола **Понеделков Александр Васильевич** – заслуженный деятель науки РФ, доктор политических наук, профессор, заведующий лабораторией проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (далее, ЮРИУ РАНХиГС).

Модераторами дискуссии Круглого стола выступили:

Брюханова Наталья Владимировна – канд. экон. наук, доцент, директор Учебно-научного центра ЮРИУ РАНХиГС.

Шатковская Татьяна Владимировна – докт.юрид.наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС

Черкасова Татьяна Павловна – доктор экономических наук, профессор, декан факультета политологии ЮРИУ РАНХиГС

Данилов Андрей Геннадьевич – докт. ист. наук, профессор кафедры теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС, действительный член (академик) Петровской академии наук и искусств, председатель Ростовского областного отделения Петровской академии наук и искусств

Яланский Александр Павлович – канд. экон. наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории проблем повышения эффективности ГМУ ЮРИУ РАНХиГС.

Круглый стол, организованный ЮРИУ РАНХиГС, привлек внимание солидных ученых из Москвы, Астрахани, Челябинска, Екатеринбурга, Кургана, Уфы, Петрозаводска, Краснодар, Саратова, Ставрополя и других регионов нашей страны, которые благодаря реализованной инициативе ростовских ученых в организации обсуждения названных выше актуальных вопросов и проблем, смогли принять самое деятельное участие.

Символичность, академичность и стратегическое значение обсуждаемых вопросов

С приветственным словом участникам Круглого стола обратился *Зерищиков Юрий Стефанович*, канд. экон. наук, первый заместитель председателя Общественной палаты Ростовской области, (г. Ростов – на

- Дону). Он напомнил участникам дискуссии о символичности и академичности обсуждаемых вопросов, а также и об их стратегической важности. Символизм круглого стола, по его мнению, имеет очень много подтверждений, в том числе и в истории Ростовской области в её сегодняшнем виде является результатом реализации многочисленных интенций и времён Российской Империи, и в советский период. Среди них общеизвестные Петровские походы, позволившие иметь первые в России морские порты в Азове и Таганроге, и защита донскими казаками Отечества и непосредственная реализация ими интенций российской власти.

Ю.С. Зерщиков, напомнил, что именно в целях решения задач экономического развития Донского региона, а также других регионов Кавказа и Закавказья был в своё время основан и Ростов-на-Дону, который уже в советский период своей истории, стал крупнейшим промышленным центром, а многое из сделанного тогда естественным образом продолжает служить и стране, и государству, и российскому обществу, и сегодня. Ю.С. Зерщиков выразил надежду о том, что обсуждение многих актуальных в настоящее время проблем, в том числе и обозначенных в названиях докладов участников данного круглого стола, позволит лучше осмыслить как актуальные проблемы, так и способы их решения (Зерщиков, 2021, стр. 7-8).

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Пляйс Яков Андреевич – докт. полит. наук, докт. ист. наук, проф. Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Москва), выступил с докладом: «Российская империя как неклассическая империя: причины возникновения, этапы развития, современное состояние». Он рассмотрел ряд базовых вопросов.

По его мнению, реально работа по образованию Российской империи, или первый этап её предистории, началась ещё во времена Ивана IV, во второй половине XVI века и это проявилось уже в начальной стадии завоевания Сибири. Походы русских военных отрядов за Волгу и за Урал, разгром остатков татаро-монгольской орды, в частности сибирского хана Кучума, создание опорных крепостей, приводило не только к присоединению новых огромных территорий к Московскому царству, но и к началу освоения этих территорий. Особое значение имело то, что у московских князей стало формироваться новое мышление – великорусское, державное, имперское. Разумеется, появились и новые задачи, и заботы. Второй этап имперской предистории, а это

уже, вторая половина XVII в., считает Я.А. Пляйс, имманентно связан с династией Романовых и дальнейшим продвижением границ Российского государства на восток и юго-восток. Этот этап он называет – «допетровским». Третий этап в имперской предыстории связан, по его мнению, и с самим периодом правления Петра I, его многочисленными административными, политическими, сословными, фискальными реформами и первыми победами в Европе, в результате которых Россия явилась миру не только как сильная держава, но и уже со своими интересами, и с новым мышлением верховной власти.

Особым этапом он выделяет собственно период уже состоявшейся истории Российской империи XVIII – XIX вв. Он напомнил участникам дискуссии, что именно достижения Петра I стали основой для объявления России империей в 1721 году, а царя Петра – императором. В это же время в Европе всюду шёл процесс формирования сразу нескольких колониальных империй: Испанской, Португальской, Голландская, Британской, Французской, который уже в самом своём начале чётко обозначил принципиальное отличие Российской империи от иных. Оно, по мнению Я.А. Пляйс, как раз и заключалось в том, что другие европейские империи, становились таковыми за счёт завоевания заморских территорий и их последующей всесторонней эксплуатации. Однако Российская империя заморских территорий никогда не имела и колониальной эксплуатации, подобной европейской, также фактически не было. Уже в те времена чётко обозначилась и другая особенность Российской империи, которая продолжалась и в последующие времена. Эта особенность состояла в том, что расширение границ империи происходило не только путем завоеваний, т.е. насильственным путём, но и через добровольное присоединение народов, которые оказывались под угрозой либо завоевания другими государствами, либо подчинения религиозному диктату других государств, т.е. когда конкретному народу грозила внешняя опасность. Значительное расширение Российской империи и формирование новых основ государственного управления происходило при Екатерине II во второй половине XVIII в., а также в XIX в. при Николае I и Александре II.

Я.А. Пляйс выделяет и исторический период – «Советской империи». Он считает, что по установившейся традиции новое государство – СССР на Западе продолжали называть Россией, а также империей, часто добавляя к этому определению слово советская империя, приписывая ей необычайную агрессивность, вероломство и другие отрицательные черты. Однако сам же предостерегает от возможных ошибок, полагая, что советскую Россию, а затем Советский Союз можно назвать империей с большой натяжкой. Она формировалась и управлялась

иначе, чем другие, классические империи, а внутренняя и внешняя политика государства под названием СССР строилось на принципиально иных основах, чем это происходило в западных империях. В соответствии с одним из основных принципов внутренней политики советской власти все так называемые российские окраины должны были подняться до уровня центра, т.е. России, а внешняя политика строилась от имени единого государства. Таким образом, в советский период государственности у нас не было разделения на метрополию и колонии, страна воспринималась и действовала как единый государственный организм. Более того, подъём бывших колониальных окраин происходил в основном за счёт России и русского народа. Ни в одной классической империи такое не наблюдалось и в принципе отвергалось. Это даёт нам все основания говорить о том, что и с самого начала образования империи, и особенно в советское время наше государство империей фактически уже и не было.

Особый интерес, для Я.А. Пляйс представляет современное состояние. Напомнив научной аудитории, что, когда в конце 1991 года история СССР заканчивалась, всем советским республикам, объявившим к этому времени о своем суверенитете, была дана «вольная». Замечу при этом, что большинство республик о такой «вольной» даже не мечтали. Они хотели больше самостоятельности, но выхода из состава советского государства в большинстве своём не планировали. И это также принципиально отличает российскую империю от классических, где колониальные народы в течение долгих лет боролись за свою независимость, в том числе вооружёнными средствами. Образование СНГ большинством республик СССР также свидетельствовало о том, что народы и их элиты большинства бывших советских республик, хотя и сохранить свои исторические связи, и совместно строить своё будущее.

Я.А. Пляйс делает вывод о том, Российская империя, а затем и Советский Союз представляли собой единое пространство для большинства населявших их народов, и только это пространство своей совокупной мощью было способно поглощать многие глобальные катаклизмы и способствовать сохранению мирового баланса сил. Я.А. Пляйс считает, что таковым оно останется ещё долгое время (Пляйс, 2021, стр. 10-12).

НООСФЕРНОЕ ЛИДЕРСТВО РОССИИ В ЭПОХУВЕЛИКОГО ЭВОЛЮЦИОННОГО ПЕРЕЛОМА И РОДОВ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО РАЗУМА

Субетто Александр Иванович –Заслуженный деятель науки РФ, Лауреат премии Правительства РФ, докт. филос. наук, докт. экон. наук,

канд. техн. наук, проф., Первый вице-президент Петровской Академии науки и искусств, директор Центра ноосферного развития Северо-Западного института управления – филиала РАНХиГС, проф. РГПУ им. А. И. Герцена, почетный президент Ноосферной общественной академии наук, председатель Философского совета Русского Космического Общества (г. Санкт-Петербург) отметил, что в наше время много обсуждают вопросов, которые так или иначе связаны с будущим России и всего человечества. При этом глобальный империализм мировой финансовой капиталократии в США, чей «интеллект» обуян «безумием корыстного интереса», по-своему выстраивает свою стратегию выживания – за счёт России, через её расчленение и установление своей диктатуры над её ресурсами. Прочитав А.И. Фурсова: «...грядет битва за Евразию – это последняя Большая Охота эпохи капитализма, в которой Запад скорее всего попытается окончательно решить русский вопрос – по крайней мере, такой соблазн у него будет... пролог этой битвы – «арабская весна», бикфордов шнур, который антлантисты протянули по исламской дуге от Магриба до Кашмира и Киргизии, к под брюшью РФ и КНР. Поэтому мы не можем позволить себе роскошь быть слабыми – в сегодняшнем мире слабого не бьют, а стирают Ластиком Истории Навсегда». А.И. Субетто полагает, что вследствие неуправляемого, хаосогенного развития, диктуемого мотивацией прибыли, наживы, и равнодушию к себе подобным человек сам как бы способствует уничтожению средств к самосохранению и, тем самым, истреблению своего вида. Однако, по его мнению, сила в современном мире измеряется не только военной мощью, экономической мощью, особенно на фоне, когда вся рыночно-капиталистическая система превратилась в систему экологического самоуничтожения, но и, главным образом, мощью большой национальной идеи, спасающей все человечество от безумия экологической гибели из-за алчности законов рынка. И эта большая идея рождается именно в России, и именно выходя с этой большой идеей ноосферной стратегии экологического выживания человечества, которую ждет всё человечество, Россия приобретёт союзников в лице большинства стран мира, народов и цивилизаций (Субетто, 2021, стр. 13-41).

ЦАРСКАЯ ЭЛИТА И ГИБЕЛЬ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Данилов А.Г., докт. ист. наук, проф. кафедры теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС, действительный член (академик) Петровской академии наук и искусств, председатель Ростовского отделения Петровской академии наук и искусств (г. Ростов-на Дону). Ляхов В.П., докт.полит.наук, проф. РГУПС, Исполнительный директор Ассоци-

ации «Совет муниципальных образований Ростовской области» (г. Ростов-на-Дону)

Современная элитология характеризуется широким спектром интересов в отношении основного объекта своего исследования – политических элит. Все чаще в этих исследованиях начинает проявляться интерес к соответствующим исследованиям в историческом ракурсе (Карабущенко, Понеделков, & Воронцов, 2019; Карабущенко, Понеделков, Ляхов, & Разумец, 2019). Эти обстоятельства дают основания для весьма плодотворных исследований на стыке современных наук. Весьма плодотворной для этого представляется именно российская история.

Мировая и отечественная история свидетельствует о том, что система, которая, казалась, была незыблемой, сильной, стабильной, в считанные дни может рухнуть. Как правило, это было полной неожиданностью, как для власти, так и для общества. Запись в дневнике императора Николая II от 22 февраля 1917 г. за 8 дней до своего отречения: «Читал, скучал и отдыхал» (Хрусталева В.М., 2012, стр. 163).

В августе 1991 г. после поражения ГКЧП был определенный подъем среди части советского общества, и никто не поверил бы в тот момент, что через 4 месяца в течение 2 недель, с 8 по 25 декабря великой державы СССР не станет.

21 декабря 1989 г. Президент Румынии Н. Чаушеску еще выступал на митинге в Бухаресте как глава государства, а 25 декабря был расстрелян по приговору трибунала.

Осмысление опыта быстрого краха существующей системы, изучение механизма, этапов крушения, поведения в этот момент главы государства и элиты – актуально не только в научном плане, но и имеет важное практическое значение.

Сохранение монархии в России в 1917 г. было возможным в случае наличия следующих трех факторов: 1. Сильный лидер во главе государства. 2. Единство элиты. 3. Союз главы государства и элиты.

В своей деятельности в 1915 – начале 1917 г. император совершил ряд крупных управленческих ошибок. (1) Слабое знание ситуации в стране. Принятие ошибочных стратегических решений на основе неполной (неверной) информации. (2) Непонимание задач, стоящих перед страной. (3) Отказ от решения задач, стоящих перед страной, откладывание их решение «на потом». Запоздывание с принятием решений. (4) Несоответствие форм и методов деятельности власти качественно изменившейся ситуации осенью 1916 г. (5) Отсутствие стратегии (программы) решения задач, стоящих перед страной. (6) Неумение прогнозировать ход событий и просчитывать отдаленные последствия

своих шагов. (7) Ошибки в кадровой политике. На ключевых должностях были преданные царю люди, но малокомпетентные и малоинициативные. (8) Отказ от диалога с оппозицией, нежелание власти передать часть властных полномочий обществу. (9) Непонимание или недооценка роли настроений в обществе, в том числе степени десакрализации власти. (10) Николай II в августе 1915 г. вступил в должность Верховного главнокомандующего.

Как следствие – в конце 1916 – начале 1917 г. в экономической, политической, духовной сферах общества нарастал кризис. Транспорт, торговля, обеспечение населения столиц продовольствием, обеспечение фронта оружием и продовольствием и ряд других сфер также переживали кризисные явления. Рост цен в Петрограде за годы войны на 3000% (Глобачев, 2009, стр. 402), рост безработицы и падение уровня жизни большинства слоев населения в столице, значительное падение авторитета лично императора Николая II и ненависть к императрице Александре Федоровне среди части военной, бюрократической, политической, деловой элиты России, творческой интеллигенции – такие явления наблюдались в стране, и прежде всего в Петрограде в конце 1916 – начале 1917 г.

Кризис и крах – это разные состояния общества или системы.

В истории всех стран нередко имели место различные кризисы. Из состояния кризиса есть два выхода. Сильная или эффективная власть выводит общество из кризиса. Например, реформы Александра II в 60 – 70-е годы XIX в., переход В.И. Ленина к НЭПу в 1921 г., «новый курс» Ф. Рузвельта в США в 1933 – 1939 гг.

БИЗНЕС-ЭЛИТА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19: УСИЛЕНИЕ РОЛИ В РАЗРАБОТКЕ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ

Черкасова Татьяна Павловна – докт. экон. наук, профессор, декан факультета политологии ЮРИУ РАНХиГС (г. Ростов-на-Дону)

Особенности современного этапа общественного развития, связанные с противоречивостью позиций России в мировом как экономическом, так и политическом пространстве, обуславливают необходимость формирования внутринационального баланса интересов политической и бизнес-элиты, который способен обеспечить устойчивость национальной системы. К сожалению, взаимодействие политической и бизнес-элиты России часто не обеспечивает эффективных договоренностей по ключевым позициям, что отчасти связано с разноплановостью самих интересов акторов, отчасти с характером моделей взаимодействия. Указанные проблемы актуализируют тематику поис-

ка эффективных моделей взаимодействия бизнес и политических элит в контексте посткризисной стабилизации отечественной экономики.

Прежде всего, целесообразно остановиться на категориальной определенности терминов «бизнес элита» и «политическая элита». Следует отметить, что с категориальной сущностью последней категории значительно проще, поскольку существует российская школа элитологии, которая за период своего существования выработала определенные подходы к трактовке «элит», под которыми понимаются в первую очередь политические элиты. Так, соглашаясь с определением политической элиты, сформулированным основателями отечественной концепции элитологии Ашиным Г.К. и Понеделковым А.В., считаем целесообразным под ней понимать «наиболее влиятельных и политически активных членов господствующего класса, включая слои функционеров политических организаций, интеллектуалов, вырабатывающих политическую идеологию, людей которые принимают политические решения, выражающие совокупную волю класса» (Ашин, & Понеделков **et al.**, 2001, стр. 135). Исходя из подобной трактовки, именно политические элиты занимаются выработкой стратегии национального развития и государственной политики ее реализации. Однако успешность реализации любой стратегии и политики зависит от ее восприятия основными акторами, функционирующими в рамках национальной системы. Такими акторами являются, в первую очередь, производители и потребители, которые с целью реализации своих интересов агрегируются в общественные организации. Наиболее активным актором национальной системы являются крупные бизнес-структуры, от готовности которых участвовать в мероприятиях предложенных посредством государственной политики, зависит успешность последней (Черкасова, 2011, стр. 53).

Если придерживаться вышеприведенного определения политической элиты, то можно определить бизнес-элиту как совокупность наиболее активных представителей крупных бизнес-структур или общественных объединений предпринимателей способных согласовывать и реализовывать свои классовые интересы посредством принимаемых управленческих решений, ориентированных на максимизацию прибыли. В этой связи политической элите важно рассматривать бизнес-элиту как понимающего союзника, способного реализовать государственную политику, будучи ее ключевым объектом, но при условии, что реализуемая политика согласуется с целевыми установками бизнес-элиты. Поэтому важен сам факт эффективности взаимодействия

бизнес и политической элиты для согласования их интересов, которое определяется избранной моделью взаимодействия.

Типы моделей взаимодействия бизнес и политической элиты не являются раз и навсегда сформированными, они постоянно модифицируются и зависят от общественного развития и особенностей (политических, властных, экономических и иных) переговорных возможностей элиты. Базовыми можно считать следующие 4 модели: (1) модель властного принуждения, которая базируется на административном управлении бизнес-структурами; (2) модель патронажа, которая реализуется через государственный патернализм и финансовую поддержку наиболее национально значимых отраслей (предприятий); (3) модель невмешательства, когда государства не оказывает непосредственного влияния на социальную ответственность бизнеса; (4) модель партнерства, базирующаяся на равноправии субъектов партнерства и равнозначности их интересов (Черкасова, & Аксенов, 2016, стр.110).

В России можно выделить четыре этапа формирования моделей взаимодействия элит:

- Советский этап (до 1991 г.) характеризовался использованием модели властного принуждения во взаимоотношениях бизнес и политической элиты, отдельные ее элементы сохраняются и до настоящего периода, приобретая косвенные модифицированные формы, которые маскируются под партнерство.
- Этап зарождения (1990-е гг.), бизнес-элита, пытается найти лояльных людей в политической элите для решения своих проблем и вопросов со властью при принятии управленческих решений. На этом этапе модель взаимодействия характеризуется преимущественно невмешательством государства;
- Этап становления (2000-е гг.) бизнес-элита пытается выстраивать отношения с политической элиты через лоббирование своих интересов в финансовых потоках государственной поддержки путем объединения в ассоциации и общественные организации, а также посредством иных структур нарождающегося гражданского общества. Данную модель взаимодействия можно отнести к модели патронажа, но конкретным бизнес-структурам за него нужно конкурировать.
- Современный этап (с 2008 г. по настоящее время) преобладает модель партнерского взаимодействия бизнес и политической элиты, основой которой выступает сотрудничество. Власть призывает бизнес участвовать в реализации приоритетных общественных проектов и программ экономического развития, но не принуждая, а на партнерских взаимовыгодных условиях: путем

участия в этапе их разработки с целью учета возможных интересов бизнеса; посредством концессионных соглашений; формирования территорий ускоренного развития на базе отраслевых и межотраслевых интеграционных бизнес-объединений.

Констатируя факт того, что современные модели взаимодействия бизнес и политической элиты базируются на моделях партнерства, следует отметить их особенности в условиях пандемии COVID-19.

Рассмотрим яркие примеры участия бизнес-элиты в разработке региональной публичной политики в условиях преодоления COVID-19 на примере Ростовской области. В числе основных форм включения бизнес-элиты в разработку оперативных мер поддержки бизнеса в условиях ограничительной ситуации преодоления COVID-19 можно назвать: модель партнёрства политической и бизнес элиты региона, представленная в традиционных партнерах, модернизирована путем использования инновационных инструментов, таких как: а) ГЧП проекты; б) участие общественных организаций в разработке государственной политики; в) кластерные структуры и бизнес-инкубаторы, ориентированные на поддержку малого и среднего предпринимательства; г) дискуссионные площадки, форсайт-сессии с участием представителей бизнес-сообщества.

Акцентируя внимание на таких институтах гражданского общества, придающим публичный характер российской политики, как общественные организации, важно остановиться на деятельности общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России» (далее «Опора России»). Данная организация призвана обеспечить формирование благоприятных институциональных условий функционирования малого и среднего предпринимательства, оказывать поддержку и содействовать развитию малого и среднего бизнеса в стране. «Опора России» имеет разветвленную структуру и отделения в регионах, что позволяет учитывать территориальную специфику организации и ведения бизнеса на местах, региональные барьеры и трудности. «Опора России» одна из первых в условиях мер самоизоляции 2020 г., принятых как ответный шаг предотвращению нераспространения COVID-19, выступила инициатором разработки мер поддержки бизнеса в тяжелых экономических условиях. Следует отметить, что в марте-июне 2020 г. произошло массовое свертывание бизнес-процессов, которое выразилось в отрицательной макродинамике: - 3,8 % ВВП и - 3,5 % доходов граждан в 2020 г., как следствие сокращение спроса и качества жизни.

Так, Ростовское областное отделение общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора Рос-

сии» в условиях не распространения COVID-19 на постоянной основе стала реализовать мониторинг финансового состояния регионального бизнеса и выработку рекомендации для Правительства Ростовской области по первоочередным мерам его поддержки и сохранения инвестиционной привлекательности (Черкасова, & Шубина, 2020, стр.226).

В марте 2021 г. состоялся форум «Формула роста 2021» для определения зон роста региональной экономики. Уже 5 июня 2020 г. состоялась экспертная онлайн площадка «Новые вызовы и новые решения» в составе Правительство Ростовской области, «Опора России», Представители образования и науки области, где был выработан пакет мер поддержки бизнеса.

Среди основных результатов деятельности «Опора России» по поддержки малого и среднего предпринимательства региона можно выделить следующие мероприятия в 2020-2021гг.: (1) более 15,5 тысяч жителей Ростовской области, в том числе свыше 10 тысяч – предпринимателей, получили различные услуги и меры поддержки в центрах «Мой бизнес»; (2) 648 предпринимателям предоставили микрофинансовую поддержку, выдали 545 займов на сумму более 1 млрд рублей; (3) 240 участникам донских кластеров и производителям оказали более 360 услуг, в т.ч. на условиях софинансирования (сертификация, инженерно-технические услуги, участие в выставках и др.) в размере более 20 млн рублей; (4) более 100 предпринимателям оказали маркетинговую поддержку, в т.ч. по онлайн-продвижению на сумму более 17 млн рублей; (5) 20 тысяч обращений обработали по линии Экстренного ситуационного центра информационной и консультационной поддержки бизнеса, который за короткие сроки развернули в первые дни пандемии; (6) 6-ой по счету в регионе центр «Мой бизнес» открыли в городе Миллерово по инициативе главы региона Василия Голубева; (7) более 19 тысяч жителей области протестировали на наличие предпринимательского потенциала; (8) провели более 380 бесплатных мероприятий для 8 тысяч участников с привлечением топовых спикеров страны - Вячеслава Гандапаса, Максима Батырева, Марины Починок, Константина Ивлева, Анны Мавричевой и других. (9) сохранили традицию проведения масштабных деловых мероприятий, переведя их в онлайн: (а) региональный этап премии «Бизнес-Успех»; (б) форум социальных предпринимателей «Дельфины бизнеса»; (в) форум женщин-предпринимателей «BUSINESS LADY»; (г) Губернаторский конкурс «Лидер Дона» и многие другие. (10) Впервые с региональной «Точкой кипения» запустили онлайн-акселератор «8 шагов для бизнеса из офлайна в онлайн» и организовали три потока онлайн-хакатона по запуску стартапа «От идеи до первых клиентов за 5 дней».

Если оценивать результаты предпринятых мер Правительством Ростовской области по поддержки малого и среднего бизнеса, предложенных «Опорой России», то региональная динамика основных показателей развития демонстрирует незначительное сокращение ВРП на уровне 2 %. Такая мягкая посадка региональной экономики в условиях сложнейшей непрогнозируемой угрозы как COVID-19 результат оперативной публичной политики (Черкасова, & Шубина, 2020).

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРАЗИИ

Карабущенко Павел Леонидович – докт. филос. наук, профессор Астраханского государственного университета (г. Астрахань) и *Понеделков Александр Васильевич* – заслуженный деятель науки РФ, докт. полит. наук, проф., заведующий лабораторией проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления ЮРИУ РАНХиГС, член Общественной палаты Ростовской области (г. Ростов-на Дону) считают, что за всеми геополитическими измерениями международных отношений неизменно стоят интересы конкретных национальных политических элит, отстаивающих свои позиции всеми доступными для них средствами. Сущность любой политической элиты проявляется в том, какие геополитические стратегии она выбирает, и какие ценности она выдвигает в качестве экзистенциальных констант своего политического бытия. В свою очередь, очевидно, что именно политическая культура оказывает непосредственное влияние на характер геополитических стратегий и выбора методов их практической реализации. Именно объективное знание основ политической культуры Евразии позволяет политическим элитам в своих практиках адекватное планирование и эффективный выбор используемых ими стратегий. Они делают вывод о том, что геополитическое измерение представляет собой компаративистику высших политических стратегий мировых лидеров, пытающихся благоустроить мир под свои национальные интересы. По их мнению, именно стремление к мировому лидерству чаще всего и определяет стратегию поведения национальных элит, их способность эффективно участвовать в военных конфликтах и дипломатических дуэлях. Евразийский контекст этих отношений представляет собой прекрасный иллюстративный материал, который на примере многовековой истории показывает то, как был устроен мир и как он функционировал в сложных условиях постоянно длящегося конфликта геополитических интересов.

П.Л. Карабущенко и А.В. Понеделков полагают, что вся история человечества может быть представлена в виде геополитического маятни-

ка, амплитуды движения которого указывают на доминирование в конкретный период времени конкретного региона по линии «Восток – Запад». Все древнейшие евразийские цивилизации – это Восток и лишь последние четыреста лет в мире доминирует вследствие своего технологического превосходства европейский Запад. Между этими крайними точками волны геополитической активности подымались пассионарии среднего евразийского мира (Аттила, Чингисхан, Тимур). В настоящее время маятник вновь качнулся в сторону Востока, и уходящая доминация Запада сдержать это движение уже никак не может. Они считают, что Евразия представляет собой географическое пространство от Лиссабона до Владивостока, в узком политическом смысле это пространство, которое остается за вычетом «чистой» Европы и «чистой» Азии, как территория взаимопроникновения друг в друга Европы и Азии; где «чисто» европейское и «чисто» азиатское теряется во взаимном скрещивании, создающем нечто принципиально иное. В этом смысле скифский мир был сугубо евразийским явлением, поскольку нашел в себе силы обитать на обоих берегах (Запада и Востока) этого великого пространства. Для них Евразия стала родным домом, позволявшим их общаться как с греческим европейским миром, так и с азиатской китайской цивилизацией. Скифы стали первыми евразийцами, в том смысле что «комфортно» себя чувствовали, как на европейском Западе, так и на азиатском Востоке. В настоящее время в схожем положении находится Россия. Однако, предостерегают они, именно огромное различие народами Европы и Азии и в культурном, и в языковом, и в религиозном делают практически невозможным какое-либо совместное единство.

П.Л. Карабущенко и А.В. Понеделков делают важный вывод, что Россия одной из первых в XXI в. повернулась лицом к Евразии. Ведущие страны ЕС (ФРГ, Франция) только сейчас начинают это делать, осознав, что США уже более не являются главным центром мира. В этом опережающем движении, возможно, заключается стратегический перевес российской внешней политики, сумевшей своевременно усмотреть открывшиеся новые глобальные реалии. А стратегия эта заключается в том, чтобы стать в этой новой евразийской реальности одним из лидеров, к мнению которого прислушиваются другие лидеры (Карабущенко, 2021, стр. 287-298).

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ: ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОСТИ

Шатковская Татьяна Владимировна – докт. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории и истории права и государства ЮРИУ РАН-ХиГС (г. Ростов-на-Дону) выразила уверенность, что 300 летний юбилей юридического оформления имперского устройства Российского государства служит хорошим поводом к тому, чтобы повернуться лицом к пережитому Россией за эти столетия и избавившись от ложных предрассудков сформулировать научно обоснованную, продуманную и согласованную с исторической традицией формулу успеха сильного Российского государства в новых условиях его развития. Она призвала исследователей темы избавиться от предрассудков, некоторые из которых сложились в период законодательного закрепления России как империи и дожили до сегодняшнего дня, а другие рождались в последующие времена как результат упрощенного понимания национального опыта, став сегодня нормой нашей жизни. По её мнению, Петр I, реализуя идею и объективную потребность в формировании сильного централизованного имперского государства делает ставку на укреплении военной мощи страны. Однако армия и флот – это, не только орудия и корабли, но и люди. Именно Петр I меняет подходы к формированию российской элиты. И, если в допетровский период главным критерием принадлежности к элитарному слою было происхождение, а точнее принадлежность к привилегированным родам (чем знатнее род, тем более широкие возможности открывались для входивших в него лиц), то Петр I не только «включает» социальный лифт, но и разрабатывает, и законодательно закрепляет новые критерии «элитарности». Петр I закладывает несколько важнейших оснований в дело формирования в России социально ответственного политического устройства. Во-первых, правящая политическая элита становится служилой и ее привилегии напрямую обуславливались несением службы государству. Во-вторых, государственный строй поставлен на твердые основания закона, а деятельность государственных органов в законодательные пределы. За исключением императора все равны перед законом. В-третьих, по инициативе Петра I впервые законодательную охрану получила честь подданных. Он принимает указ, запрещающий использование самоуничижительных имен при обращении к верховной власти. Вслед за этим должностные лица получили право подписывать акты, имеющие подзаконный характер. Тем самым закреплялась личная ответственность исполнителя за порученное ему дело. В-четвертых, впервые верховная власть обращается к разуму подданных, разви-

тию у них чувства служебного и общественного долга, возбуждению умственного интереса правящих слоев, расширению его кругозора и образования. И такое попечение верховной власти не было лишено смысла. В этом отношении показателен состав первых российских сенаторов. Все они несомненно были отобраны за способность к труду. При этом князь Михаил Владимирович Долгорукий не умел писать и за него подписывался бригадир Григорий Племянников. Сенаторы Василий Опухтин, князь Григорий Волконский, граф Мусин-Пушкин привлекались к суду за злоупотребления по службе и казнокрадство. При ссорах и несогласиях сенаторы охотно доносили друг на друга. Некоторые из них подвергались пыткам и кнуту, что не умаляло их достоинств как царедворцев.

Таким образом, отсутствие у политической элиты чувства законности и государственного правосознания вынуждало верховную власть обеспечивать правопорядок посредством учреждений и юридических норм, которые ставили поведение лиц в строгие рамки. Нарушение внешних предписаний каралось жесткими наказаниями. Отсюда и появилось понимание ответственности как меры наказания или санкции за нарушение, установленных правил, которое сохранилось до сегодняшнего дня и прочно вошло в современное правоведение.

Современная государственная власть России по-прежнему в качестве одной из основных целей ставит развитие чувства социальной ответственности причем не только у государственных служащих, но и у граждан, предпринимателей, общественных союзов и организаций. Формальное понимание ответственности допускает реализацию всякого интереса не противного положительно-правовой форме, насаждает политический формализм, допускающий возможность прикрытия беспринципных и несправедливых действий авторитетом государственной власти. В итоге в сознании граждан формируется убеждение о том, что в политике все дозволено, размываются, разрушаются и копируются цели государственного союза.

Т.В. Шатковская, подводя итоги своего выступления, сформулировала следующие положения, которые, по её мнению, повлияют на изменение теории ответственности от её формального аспекта к антропоцентрическому содержанию: при законодательном определении «ответственности» необходимо исходить из положительного значения данного понятия, так как его наличие у лица свидетельствует о нормальном правосознании и готовности к нормальному или социальному активному правомерному поведению. Напротив, отсутствие ответственности свидетельствует о дефекте правосознания у лица, но не означает необходимости автоматического применения мер государ-

ственно-принудительного воздействия; политическая элита обеспечивает организацию культуры во всех её проявлениях, поэтому данный социальный слой должен осознавать общие идеалы, воплощать принципы социально-ответственного духовного общения, а для этого необходимо обладать развитым и углубленным правосознанием, чтобы видеть в своем публичном полномочии не выгоду, а ответственное бремя. Уважение, доверие и авторитет властвующего слоя, без которых невозможно длительное существование государственного союза, не достигаются принуждением, а только социально-ответственным единением на основе общей государствообразующей идеи.

ВНУТРИЭЛИТНЫЕ ГРУППЫ В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ: ДИНАМИКА РЕЙТИНГА ВЛИЯНИЯ ВО ВТОРОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XXI ВЕКА

Зырянов Сергей Григорьевич – докт. полит. наук, главный редактор научного журнала «Социум и власть» (г. Челябинск) в своём докладе отметил, что современное российское общество переживает очередную довольно глубокую трансформацию, процесс которой был запущен коронакризисом. Распространение коронавирусной инфекции болезненно отразилось на содержании и темпах экономических и социально-политических процессов. Российские регионы по-разному реагировали на проявления коронакризиса и преодолевали его различными путями – от масштабных локдаунов до частичных локальных регулирующих отдельные сегменты жизнедеятельности запретов. И, как следствие, трансформации подверглись не только общественные отношения, изменилась и структура региональной элиты.

С.Г. Зырянов считает, что региональная элита – это структурированное сообщество персон, представляющих разнообразные институты региональной власти, экономики и политики, образования и культуры, средств массовой информации и коммуникации, а также формирующегося гражданского общества. Региональная элита вырабатывает региональный политический курс, выстраивает отношения с федеральным центром, обеспечивает социально-экономическое функционирование региона, формирует общественное мнение и даёт оценку событиям, происходящим в жизни регионального социума. Всего в составе региональной элиты было выделено представительство четырнадцати внутриэлитных групп.

Раскрывая собственную методику исследований, С.Г. Зырянов рассказал, что им используется определённая комбинация методов – метод экспертных оценок, совмещённый с основами позиционного анализа. Этот комбинированный метод анализа часто используется в

менеджменте. Следует подчеркнуть, что метод коллективной консолидированной экспертной оценки основан на выявлении объективно обобщенной оценки экспертной группы путем обработки индивидуальных, независимых оценок, данных экспертами, входящими в ее состав.

Подводя итог своему выступлению, С.Г. Зырянов подчеркнул взаимосвязь в сопоставлении социального контекста и факторов регионального элитогенеза. Он указал и на общероссийскую тенденцию нашего времени, которая заключается в том, что в числе влиятельных персон региона (страны) представлены не только люди, имеющие некий объем контролируемых ими властных, либо экономических ресурсов. Довольно значимую роль в жизни региона начинают играть представители региональной элиты, которые не занимают постоянных оплачиваемых должностей в структурах власти или бизнеса, но, вместе с тем, оказывают серьёзное влияние на региональный политический процесс. Новая конфигурация региональной элиты, по его мнению, вне всяких сомнений, повлечёт и изменения в методах и способах управления развитием региона. Дискуссионным остаётся лишь один вопрос: насколько эффективно она будет влиять на управляемость регионом и региональным сообществом и одновременно – на становление новой социально-экономической системы в посткоронавирусный период (Зырянов, 2021, стр.47-56).

ДЕСТРУКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Попов Михаил Юрьевич – докт. социол. наук, проф., главный редактор всероссийского научного журнала «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» (г. Краснодар) и *Брюханова Наталья Владимировна*, канд.экон.наук, директор Учебно-научного центра ЮРИУ РАНХиГС (г.Ростов-на-Дону) считают, что среди комплекса проблем в современной России следует выделить, прежде всего те из них, что сопровождают все уровни государственного управления в Российской Федерации, начиная с момента оформления ею своего статуса независимого государства, правопреемницы Советского Союза. Очевидно для них, что несмотря на революционный характер перемен, происшедших в нашей стране, в первую очередь, в системе её политического устройства, государственная кадровая политика на региональном уровне, как показывают исследования специалистов, характеризуются сложными и противоречивыми механизмами. На этом уровне столь радикальных изменений не произошло, в результате чего, во

главе процесса демократических преобразований лидирующие позиции заняли представители бывшей партийно-советской и хозяйственной номенклатуры. По их мнению, требования, предъявляемые советским государством к лицам, облеченным властными полномочиями, не могли быть совместимыми с теми, что предъявляло новое демократическое руководство России к региональным элитам, и перетекание в них представителей прежних органов власти, если и могло иметь место, то только на короткий промежуток времени, которое было необходимо для обеспечения преемственности власти. Только этот процесс растянулся на годы, что привело, по их мнению, к негативным последствиям: В идеологической сфере, так как бывшие представители советских властных структур, хотя и демонстрировали приверженность и преданность идеям либеральной демократии, тем не менее, по объективным причинам не могли сиюминутно избавиться от груза прожитых лет, в связи с чем, они формировали свои «команды» из себе подобных, но на иной идеологической платформе; в сфере профессиональной деятельности, так как по их мнению, на волне демократии, высокий потенциал которой был утрированно трактован на государственном, а затем - и на региональном уровнях в период «перестройки» во второй половине 1980-х гг., в нарушение принципа компетентности на волне популистских лозунгов и заявлений, как на предприятиях, так и в органах власти оказались люди с крайне низким уровнем профессиональных знаний и опытом управленческой деятельности, ценностных и духовно-нравственных позиций, что негативно отразилось на качестве принимаемых представителями новых хозяйственных и политико-управленческих элит решений, и, как следствие, на результатах их деятельности, в том числе и на региональном уровне; в духовно-нравственной сфере, так как одним из следствий революционной трансформации российского общества в постсоветский период его истории стал системный кризис, который поразил не только политическую, социально-экономическую и правовую сферы его функционирования, но и наиболее слабо защищенную, по мнению М.Ю.Попова и Н.В.Брюхановой, его духовно-нравственную составляющую, которая в условиях системного кризиса российского общества оказала деформирующее влияние, как на массовое, так и на индивидуальное сознание, а, следовательно, и на мировоззрение, и на поведение наших соотечественников, в результате чего, многое из того, что на протяжении веков считалось в нашем Отечестве признаками высокого человеческого достоинства, к сожалению, далеко не первый раз подверглось ревизии. Только в отличие от революционных событий Октябрьской революции 1917 года и, последовавшей за ней

братоубийственной Гражданской войной, последствия этого кризиса, в котором оказалась наша страна на рубеже XX-XXI веков, хотя и не сопровождалась террором со стороны противостоящих друг другу политических сил, но, тем не менее, продолжают уже на протяжении нескольких десятилетий оказывать травмирующее влияние, как на общественную мораль, так, и на практически все сферы функционирования российского социума. Так, далекая от идеала мораль советского общества уступила место потребительской морали, усугубленной криминализацией массового сознания, угодническо-подражательским отношением к морали, культуре и ценностям западного либерализма. И, если кризисное состояние таких сфер российского общества, как экономика, политика и право руководству страны с разной степенью эффективности удастся последовательно преодолевать, то для преодоления кризиса в духовно-нравственной сфере общества требуется более продолжительное время посредством комплексного подхода к решению этой проблемы с участием не только органов государственной власти, но и региональных элит, если они окажутся способными не только к личностной духовно-нравственной трансформации, но и готовыми к тому, чтобы взять на себя ответственность за духовно-нравственное оздоровление той части российского социума, которая находится под их управлением.

М.Ю. Попов и Н.В. Брюханова делают вывод о том, что региональные управленческие элиты в постсоветском и модернизирующемся российском обществе продолжают находиться в крайне затруднительном положении под грузом нерешенных проблем из-за того, не могут соответствовать требованиям нового времени. Поэтому радикальные изменения в этой сфере вряд ли возможны, пока руководство нашей страны не избавится от такого рудимента советского прошлого, как номенклатурный принцип кадровой государственной политики, одним из недостатков которого является перманентное «перетекание» обладателей этого статуса из одного кресла в другое по причинам, объяснение которым не всегда можно найти с учётом того обстоятельства, что их деятельность никак нельзя подвести под критерии профессионализма, компетентности, высокой гражданственности. Но, тем не менее, эти люди сохраняются на «плаву» и даже получают государственные награды и различные привилегии, правда, до того времени, когда против некоторых из них возбуждаются уголовные дела, свидетельствующие о том, что эти представители региональных элит на протяжении длительного времени безнаказанно занимались противоправной деятельностью, вероятно, по вине правоохранительных органов, допустивших подобный «беспредел» или же, благодаря прикры-

тию, опеке со стороны какой-то влиятельной персоны или группировки, что уже предполагает их деятельность в составе организованной преступной группы, состоящей из персон высокого ранга.

М.Ю. Попов и Н.В. Брюханова считают, что подобные нарушения правовых норм при исполнении, в данном случае, представителями региональных элит своих профессиональных обязанностей, стали следствием не только неэффективной кадровой государственной политики, но и их личностной духовно-нравственной деформации.

М.Ю. Попов и Н.В. Брюханова призвали участников Круглого стола обратить внимание и ещё на одну серьезную проблему, усугубившую эту же ситуацию, помимо вышеобозначенного комплекса проблем, на глубокий кризис отечественного образования, попытка реформирования которого по западноевропейским стандартам, по мнению подавляющего большинства представителей экспертного сообщества, привела к негативным результатам.

М.Ю. Попов и Н.В. Брюханова предлагают следующие изменения в кадровой политике государства в органах власти в направлении придания ей характера системной стратегии по нескольким направлениям: 1) сохранение механизма поиска в молодежной среде лидеров с высоким творческим потенциалом и хорошими знаниями; 2) расширение в стране системы образования, ориентированной на подготовку кадров управленцев для всех уровней государственной власти; 3) организацию системы переподготовки и повышения квалификации руководителей всех уровней; 4) создания в органах власти таких условий, которые сделают бессмысленным использование коррупционных схем из-за последствий для лиц, их использующих, где уголовное наказание, как показала действующая практика, далеко не всегда является средством эффективной борьбы с коррупцией; 5) насыщения всей системы отечественного образования на всех его уровнях гуманитарным содержанием, в том числе, и в тех его направлениях, которые ориентированы на подготовку будущих управленцев; 6) обеспечение гласности в деятельности органов власти на всех ее уровнях через СМИ, институты гражданского общества, систему общественного контроля за исполнением не только национальных, но и региональных проектов.

М.Ю. Попов и Н.В. Брюханова пришли к выводу о том, что подавляющее большинство представителей современной отечественной региональной элиты не обладают необходимой суммой личных качеств, чтобы эффективно выполнять возложенные на них государством обязанности, в том числе, и в связи с тем обстоятельством, что ее приход к власти осуществлялся с использованием процедуры выборов, которые нередко превращались в фикцию, но с расходом колос-

сальных бюджетных средств. В связи с этим, они предлагают на определённое время отказаться от этого дорогостоящего мероприятия, возложив на законодательные органы власти право утверждения должностей руководителей субъектов Федерации по представлению Президента России (Попов, 2021, стр. 154-164).

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сонина Екатерина Олеговна - канд. полит. наук, доц. кафедры государственного управления и политических технологий Уральского института управления – филиала РАНХиГС, советник Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Свердловской области (г. Екатеринбург) отметила в своём докладе что, по её мнению, передача весной 2020 года главам регионов полномочий по определению параметров действия режимов повышенной готовности только укрепила тенденцию увеличения значимости в конкретном регионе местной политической повестки по отношению к федеральной, поскольку каждое усиление или послабление действия данного режима в регионе, фактически, становилось для него самостоятельным политическим событием. Многие значимые для экономики региона решения, связанные с реализацией мер государственной поддержки, в период пандемии также были отданы на откуп органам государственной власти субъектов Российской Федерации. Ключевые решения по этому вопросу безусловно принимались на федеральном уровне, но регионы также были вынуждены реализовывать целый комплекс мер по поддержке бизнеса в рамках своих налоговых полномочий и полномочий по распоряжению государственным имуществом: это и снижение ставок по имущественным налогам, специальным режимам налогообложения, и предоставление освобождений, отсрочек, рассрочек по платежам, связанным с распоряжением государственным имуществом. От эффективности реализации указанных мер напрямую зависела (и зависит) возможность сохранения диалога бизнеса и власти на конкретной территории.

Е.О. Сонина, полагает, что в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года для всех регионов (за исключением только отдельных труднодоступных регионов) в качестве «перспективной экономической специализации» закреплено развитие туризма. Вынужденная в связи с пандемией изоляция и локализация сделала развитие внутреннего туризма не только одним из приоритетных направлений федеральной государственной политики,

но и путем повышения инвестиционной привлекательности регионов, источником их экономического развития. По её мнению, это не может не усиливать конкуренцию регионов, как экономическую, так и политическую (Сони́на, 2021, стр. 140-146).

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Кудряшов Константин Викторович – канд. ист. наук, доц. кафедры истории и теории государства и права АНО ВО «Северо-Кавказский социальный институт» (г.Ставрополь) и Санькова Алёна Александровна – канд. филол. наук, доц. кафедры русской и мировой литературы и технологий обучения ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт» (г. Ставрополь) в своём докладе рассмотрели особенности национальной политики Российской империи.

Они отметили, что не смотря на то, что само образование Российской империи произошло триста лет назад, оно не оставило равнодушными многих учёных, проявивших себя в различных отраслях знания: истории, политике, социологии, филологии, философии, экономике, юриспруденции и других. В их трудах давно построена ось правопреемства: Российская империя – Советский Союз – Российская Федерация. К.В. Кудряшов и А.А. Санькова полагают, что подобная идеальная конструкция подходит именно для очерчивания их правопреемства, но не более того, так как, например, Российская империя, Советский Союз и Российская Федерация как отдельно взятые государства совершенно не совпадают друг с другом по очень многим аспектам и поэтому многие сравнения и ретроспективы содержат столько погрешностей, что способны поставить под сомнения выводы, получаемые таким способом.

К.В. Кудряшов и А.А. Санькова напомнили научной аудитории, что утверждение о том, что «Россия – тюрьма народов!» давно муссируется многими учёными, политиками, выдающимися деятелями как нашего Отечества, так и мирового зарубежья. Оно пережило своего автора – французского маркиза Астольфа де Костина, да и саму книгу, в которой оно было оставлено потомкам: «Россия в 1839 г.». Для исторической правды К.В. Кудряшов и А.А. Санькова подчеркнули, что де Костин писал о незавидном положении всех народов, пребывавших под властью тирана, самодержца и деспота Николая I, то есть Астольф де Костин включал сюда и русский народ, но всё увиденное им в России он действительно описывал лишь в мрачных тонах, критиковал произвол российских властей, несовершенство её судебной системы, российскую показуху, в которой причудливо переплелись и

благоговейный восторг, и язвительный сарказм, и отсутствие гражданского общества, и всеобщее, по его мнению, рабство и многое другое. Однако русофобы всех мастей ухватились за главную для них фразу: «Сколь необъятна эта империя, она не что иное, как тюрьма, ключ от которой хранится у императора». Это утверждение активно использовал В.И. Ленин, а вслед за ним и другие коммунистические и советские лидеры СССР. Фактически, оно было положено в основу национальной политики в Советском Союзе и стало основой национально-государственного строительства, при котором русский народ за все годы Советской власти так и не стал титульной нацией и на громадной территории, превышающей 22,4 млн. км² не появилось ни одного русского национально-государственного образований. Это оправдывалось борьбой с великодержавным русским шовинизмом и преподносилось как некая расплата за якобы привилегированное отношение к русскому народу в Российской Империи.

Такой подход представляется К.В. Кудряшову и А.А. Саньковой ошибочным, так как, по их мнению, нельзя считать Российскую Империю националистическим государством, где якобы только русские имели разносторонние преференции, преимущества и привилегии от государства перед другими народами России. Это было бы в корне неверно. Крепостного права многие народы России не знали вовсе. В 1649 г. оно было распространено, в основном, на русских крестьян, затем, по мере присоединения территорий на западном направлении, в Россию попали и крепостные с присоединённых территорий Белоруссии, Украины, Прибалтики, Польши, Финляндии, Бессарабии и др. В то же время народы Сибири, Дальнего Востока, Поволжья, Северного Кавказа, Закавказья и др. регионов страны крепостного права не знали.

К.В. Кудряшов и А.А. Санькова полагают, что постоянное вхождение или присоединение к Российской империи новых областей приводило к тому, что в неё входили территории со своей культурой, традициями и обычаями, а Верховной российской власти при проведении внутренней политики страны необходимо было это учитывать. К.В. Кудряшов и А.А. Санькова высказали предположение, по чему Астольф де Костин, будучи яростным приверженцем монархии по своим политическим взглядам, так обрушивался на Российскую Империю и Николая I (единственного человека, с которым ему, по его же словам, было приятно общаться), достаточно вспомнить, что поездка французского маркиза состоялось всего через двадцать семь лет после того, как предшественник Николая I навсегда похоронил и «Великую» французскую армию, и долгосрочные планы французской буржуазии, да и сами радужные перспективы Франции на мировое господство. К.В.

Кудряшов и А.А. Санькова думают, что необходимо обратиться ещё к одному, крайне важному для заявленной темы, фактору. Во время вступления на престол Александра I Российская империя уже была крупнейшей страной мира и по своим размерам, и по своему национальному многообразию. В силу этого имеет смысл рассмотреть именно национальную политику этого российского государя. Национальная политика Александра I позволяет понять не только процессы, происходившие в России первой четверти XIX века, но и наглядно высветить позицию власти в отношении и присоединённых земель, и народов, их населявших.

К.В. Кудряшов и А.А. Санькова считают, что Александр I проводил национальную политику практически в большинстве регионов страны: в Закавказье и Северном Кавказе, в Польше, Прибалтике, Сибири, Финляндии и на Дальнем Востоке. Каждый из названных регионов был по-своему неповторимым, имеющим и свои традиции, и свои обычаи, и свои «вековые» конфликты. Исследование своеобразия внутренней политики Российской империи эпохи Александра I, направленной на национальные окраины страны, представляется необходимым для полноценного раскрытия национальной политики Российской империи в целом. Ограниченные регламентом выступления, они предложили рассмотреть основные векторные направления национальной политики Александра I лишь в землях, населённых финнами.

Именно Александр I создал российский вариант Великого княжества Финляндского. До этого земли, населённые финнами, веками входили в состав Королевства Швеции. Пётр I (1721 г.) и его дочь Елизавета Петровна (1743 г.) после побед русского оружия, включили в состав своего государства первые территории будущей Финляндии, но самое большое присоединение земель, населённых финнами, состоялось, когда Королевство Швеции проиграло русско-шведскую войну 1808-1809 гг. Именно тогда Швеция утратила Финляндию навсегда, а в состав России вошла территория, превышавшая 331 тыс. км² с населением более 1,2 млн. чел. На новой присоединённой территории Российской империи необходимо было проводить особую национальную политику, поскольку в состав империи вошли земли с двумя традиционно проживавшими в Финляндии народами, которых в России ранее не было: правящее национальное меньшинство – шведы и подавляющее большинство – финны. Этого не изменит и столетнее пребывание Финляндии в составе России: в 1914 г. финны составят около 87%, шведы – около 13%. Такое станет возможным в результате того, что Александр I наделил эти земли большой самостоятельностью и предпочёл именно для этого региона крайне сбалансированную, сдержанную, бо-

лее мягкую внутреннюю политику, чем, например, та, которую он проводил в губерниях, населённых преимущественно русским населением. К.В. Кудряшов и А.А. Санькова считают, что Александр I фактически спас тогда и финский язык, и финскую национальную самобытность, и финскую культуру. Он полностью прекратил на территории, заселённой преимущественно финнами, делопроизводство на шведском языке, но не стал вводить и делопроизводство на русском языке. Чтобы понять значение этого шага Александра I, достаточно вспомнить, что до начала XIX века на этой территории многие столетия всем управляло шведское меньшинство и официальным языком был только шведский. Теперь же финны не просто получили право свободно использовать свой родной язык в кругу собственного общения; он теперь становился государственным. Впервые в истории Финляндия стала признаваться государством, хотя и государством в государстве.

К.В. Кудряшов и А.А. Санькова делают вывод о том, что особенности такого положения территории, а главное – опасности, таившиеся в нём, представляется, понимали и Александр I, и последующие венценосцы, но, очевидно, желание сохранить для российской власти лояльность финских элит для российских монархов было главным. Сейм, представлявший собой сбор представителей различных категорий населения, реализовывал вопросы управления Великим княжеством Финляндским, на территории которого нельзя было теперь вводить новые законы, либо отменять старые без согласия этого органа власти. В общении с Санкт-Петербургом время от времени возникали бюрократические проблемы и вопросы, однако министрам и статс-секретарям удавалось достигнуть приемлемых для обеих сторон результатов. Финский сейм был реально самостоятелен: например, он самостоятельно отменил наказание розгами и провозгласил свободу учреждений. Власть была стабильной, система отношений Российской империи и Великого княжества Финляндского держалась на обязательствах российского руководства и клятвах подданных финнов более ста лет и функционировала эффективнее, чем современные договоры Европейского Союза с современной Финляндией. Княжеством управлял генерал-губернатор. Его, как и любых других чиновников, назначал Император. Комитет главного управления Финляндии, состоявший из 12 местных жителей, которые подчинялись генерал-губернатору, руководил всеми административными вопросами. Из 12 членов комитета 6 представляли дворянские сословия, а 6 нет. Княжество сохраняло полную самостоятельность в системе образования и самоуправления. Российский император назначал генерал-губернатора и других чиновников, но, как правило, изначально их кандидатуры согласовывались с

финляндским сеймом. В остальных же аспектах развития княжества никаких ограничений и никаких попыток задавить национальное движение или полностью подчинить России народы Финляндии царской властью не предпринимались.

В экономическом плане Финляндия получила от России огромную самостоятельность. К.В. Кудряшов и А.А. Санькова полагают, что финский лев родился, окреп и вырос на груди российского орла, благодаря чему сама Финляндия жила до 1917 г. без каких-либо потрясений, а Великое княжество Финляндское в составе Российской империи в вопросах экономики, законодательства и культуры было куда более независимым, чем современная Финляндия в составе Европейского Союза. При этом финны от российского государства получали больше, чем отдавали ему, и проводимая в таком ключе российскими самодержцами национальная политика сохранялась даже тогда, когда Финляндия стала делать серьёзные успехи в промышленности и мало-помалу становиться богаче самой Российской империи. Финский экспорт не ограничивался только Западом, он был направлен и на Восток, а основная масса финнов повышала свой достаток за счёт дешёвого русского зерна. Вхождение в состав Российской империи не мешало бурному развитию финского искусства, а цензура сводилась лишь к тому, что в газетах нельзя было порочить императора и российскую власть. Споры со свободой слова возникали в Великом княжестве Финляндском реже, чем сейчас в современной Финляндии.

К.В. Кудряшов и А.А. Санькова, считают, что благодаря прогрессивной, гибкой и очень сдержанной национальной политике Александра I и других самодержцев Российской империи проблемы финансовой политики не перекладывались на плечи финских налогоплательщиков, а независимости Российская империя в XIX-XX вв. дала финнам больше, чем современный Европейский Союз в XXI в.

Очевидно, что Александр I и последующие императоры не стремились тотально подчинить и уничтожить присоединенные Россией народы и многочисленные этнические общности, а, наоборот, стремились сохранить их национальную идентичность, культуру и самобытность. И очевидно, что все клише, применяемые по отношению к Российской империи как государству, являющемуся тюрьмой народов, научно неверны.

Все подобные обвинения для России не новы, они являются частью информационной войны по формированию «чёрной легенды», которую ещё со времён Ивана IV Грозного ведут страны Запада. Цель этой работы очевидна: дискредитация России в мировом сообществе любым образом и способом, значительное ослабление её позиций, воз-

ложение ответственности на наше государство по зачастую просто придуманным западными странами обвинениям и, как итог, требование признать наклеенные Западом ярлыки, раскаяться и понести ответственность, «заплатить за допущенные в прошлом ошибки».

Общеизвестно, что в ходе колонизации своей территории США уничтожили до 90% коренных жителей; полностью исчезло более тысячи автохтонных североамериканских языков, так как исчезли их носители. При этом никто ни в прошлом, ни сейчас не называет Штаты тюрьмой народов, хотя после такой внутренней национальной политики их можно было бы назвать «кладбищем народов».

Однако, как показал затем 1917 г., ставки царизма на этнократические элиты не оправдали себя, а с русским народом царизм уже успел расстаться (Кудряшов, 2021, стр.208-2016).

ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

Акопов Григорий Леонидович – докт. полит. наук, проф., директор Ростовского филиала Московского государственного технического университета гражданской авиации, заведующий кафедрой социально-экономических дисциплин Ростовского филиала МГТУ ГА (г. Ростов-на-Дону) Ростовского филиала МГТУ ГА (г. Ростов-на-Дону) и *Узденов Таусолтан Аубекирович* – канд. полит. наук, доц., ректор Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева (г. Карачаевск) считают, что общество является динамично развивающимся «живым» организмом», которое подвержено дискретному изменению как за счёт внутренних, так и за счёт внешних факторов воздействия. По их мнению, политические элиты выступают важнейшим элементом механизма этого развития. Однако одной из важнейших характеристик их в современном мире является достаточно активная деятельность в он-лайн среде. Государство по своей сути содержит ряд обязательных атрибутов, которые помогают осуществлять контроль за общественной и территориальной целостностью. Как правило, данные механизмы организации общественной жизни реализуются за счет использования правоприменительной системы. Однако волна информационной и коммуникационной мировой трансформации, перед каждым государством поставила новые вызовы. И первым из таких вызовов стало использование сети интернет во всех сферах жизнедеятельности. Информационная революция коснулась и государственного аппарата. В настоящее время в Российской Федерации активно используется информационная платформа «Электронное правительство». Но

это лишь один из возможных формальных способов использования электронной коммуникации.

С развитием информационно-коммуникационных (сетевых) технологий начался новый этап развития демократических процессов. Теперь, используя современные технологии связи (с помощью сервиса моментальных сообщений или интернет-голосования), можно получить реальную возможность вовлечения в процесс принятия значимых политических решений практически всех активных граждан, что создаёт условия для подлинного и эффективного народного контроля за деятельностью государственных и муниципальных органов власти.

Электронные коммуникации на базе сети Интернет вошли во все сферы жизнедеятельности общества: начиная от использования в целях удовлетворения индивидуальных потребностей в развлечении, получении информации, осуществлении профессиональных функций до формирования массовых настроений в обществе. Политическая коммуникация стала процессом передачи политической информации, в ходе которого, она курсирует от одной части политической системы к другой, а также циркулирует между политической и социальной системами.

Сеть интернет предоставила нам возможность практически абсолютной без барьерности, это касается как географических и территориальных границ, а также языковых. Следовательно, интернет способствует формированию всё новых социальных связей, опирающихся, в том числе, на общность политических интересов аудитории. Механизм вовлечения и использования интернет-ресурсов повсеместно предоставил возможность интеграции в общемировые и глобальные коммуникационные и политические процессы, формируя диалоги. В ходе социально-политических диалогов между акторами, которые зачастую выступают оппозиционными элементами коммуникационной сферы, формируются конфликты или столкновения интересов разных социальных групп. Поскольку общество, всегда находится в динамике развития, такие конфликты интересов перманентны, и пребывают в различных стадиях своего развития (Акопов, 2021, стр. 189-195).

Шабров Олег Федорович – докт. полит. наук, профессор кафедры государственной политики Факультета политологии МГУ им. М.В.Ломоносова, генеральный директор Консалтинговой компании «Академ-Групп», президент Академии политической науки, главный редактор научного альманаха «Моделирование в социально-политической сфере» (г. Москва) рассмотрел актуальные вопросы, связанные с глобальными элитами и современным государственным управлением.

Аверин Александр Николаевич - докт. филос. наук, проф., заместитель декана юридического факультета им. М.М. Сперанского Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Москва) посвятил своё выступление проблемам формирования российской государственной элиты.

Чернышов Алексей Геннадьевич – докт. полит. наук, проф. кафедры «Государственное и муниципальное управление» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Москва) затронул, крайне сложную тему, направленную поиску элиты, которая нужна современной России.

С полным содержанием всех выступлений можно ознакомиться в опубликованном по результатам Круглого стола сборнике – *«Геополитические, социально-культурные, элитологические аспекты формирования, деградации и возрождения имперских интенций»: сборник материалов Круглого стола 4 июня 2021 г., Ростов-на-Дону. Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2021. – 421 с.*

Таким образом, в результате дальнейшего развития страны, её успешной централизации Московским государством, при последующем формировании элит уже в самой Российской империи, оказались соединены политические, социальные и экономические традиции как древнерусской государственности, так и Византия, и Золотой Орды, при значительном влиянии общеевропейских традиций эпохи Нового времени.

Список литературы

- Акопов, Г. Л., & Узденов, Т. А. (2021). Эффективности применения интернет-коммуникаций в деятельности политических элит. В *«Геополитические, социально-культурные, элитологические аспекты формирования, деградации и возрождения имперских интенций»: Сборник материалов Круглого стола 4 июня 2021 г., Ростов-на-Дону* (с. 189–195). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС.
- Ашин, Г. К., & Понеделков, А. В. (2001). *Основы политической элитологии*. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
- Глобачев, К. И. (2009). Доклад начальника Петроградского охранного отделения К.И. Глобачева директору Департамента полиции 5 февраля 1917 г. В *Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения*. Москва: РОССПЭН.
- Зерциков, Ю. С. (2021). Уважаемые коллеги, дорогие друзья, сограждане! В *«Геополитические, социально-культурные, элитологические аспекты формирования, деградации и возрождения имперских интенций»: Сборник материалов Круглого стола 4 июня 2021 г., Ростов-на-Дону* (с. 7–8). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС.

- Зырянов, С. Г., Алдошенко, Е. В., & Аверьянова, Д. В. (2021). Внутриэлитные группы в Челябинской области: Динамика рейтинга влияния во втором десятилетии XXI века. В *«Геополитические, социально-культурные, элитологические аспекты формирования, деградации и возрождения имперских интенций»: Сборник материалов Круглого стола 4 июня 2021 г., Ростов-на-Дону* (сс. 47–56). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС.
- Карабущенко, П. Л., & Понеделков, А. В. (2021). Геополитическое измерение современной Евразии. В *«Геополитические, социально-культурные, элитологические аспекты формирования, деградации и возрождения имперских интенций»: Сборник материалов Круглого стола 4 июня 2021 г., Ростов-на-Дону* (сс. 287–298). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС.
- Карабущенко, П. Л., Понеделков, А. В., & Воронцов, С. А. (2019). Политические элиты Российской Империи в оценке В.О. Ключевского. *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*, (2), 119–124.
- Карабущенко, П. Л., Понеделков, А. В., Ляхов, В. П., & Разумец, В. М. (2019). Великая русская революция и кризис элит. *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*, 8(111), 138–142.
- Кудряшов, К. В., Понеделков, А. В., & Санькова, А. А. (2021). Национальная политика Российской Империи. В *«Геополитические, социально-культурные, элитологические аспекты формирования, деградации и возрождения имперских интенций»: Сборник материалов Круглого стола 4 июня 2021 г., Ростов-на-Дону* (сс. 209–216). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС.
- Пляйс, Я. А. (2021). Российская империя как неклассическая империя: Причины возникновения, этапы развития, современное состояние. В *«Геополитические, социально-культурные, элитологические аспекты формирования, деградации и возрождения имперских интенций»: Сборник материалов Круглого стола 4 июня 2021 г., Ростов-на-Дону* (сс. 10–12). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС.
- Попов, М. Ю., & Брюханова, Н. В. (2021). Деструктивные факторы формирования и функционирования региональных элит в постсоветской России. В *«Геополитические, социально-культурные, элитологические аспекты формирования, деградации и возрождения имперских интенций»: Сборник материалов Круглого стола 4 июня 2021 г., Ростов-на-Дону* (сс. 154–164). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС.
- Сонина, Е. О., & Шепилов, С. В. (2021). Роль региональной элиты в политическом самоопределении субъектов Российской Федерации. В *«Геополитические, социально-культурные, элитологические аспекты формирования, деградации и возрождения имперских интенций»: Сборник материалов Круглого стола 4 июня 2021 г., Ростов-на-Дону* (сс. 140–146). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС.
- Субетто, А. И. (2021). Ноосферное лидерство России в эпоху великого эволюционного перелома и родов Действительного разума. В *«Геополитические, социально-культурные, элитологические аспекты формирования, деградации и возрождения имперских интенций»: Сборник материалов Круглого стола 4 июня 2021 г., Ростов-на-Дону* (сс. 13–41). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС.

- Хрусталеv, В. М. (Ред.). (2012). *Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны* (Т. 1). Москва: ПРОЗАИК.
- Черкасова, Татьяна Павловна. (2011). *Инновационный экономический рост в посткризисной России: Институциональная модель и механизм государственной политики*. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та. Извлечено от <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19973662>
- Черкасова, Т.П., & Аксенов, Е. А. (2016). Модели взаимодействия государства и бизнеса в системе публичного управления: Мировой опыт. *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*, 4 (71)).
- Черкасова, Т.П., & Шубина, Л. В. (2020). Общественные организации как институциональный инструмент публичной политики поддержки среднего и малого предпринимательства. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*, (3), 219–227.
- Шатковская, Т. В. (2021). Законодательное закрепление социальной ответственности российской политической элиты: От истоков к современности. В «*Геополитические, социально-культурные, элитологические аспекты формирования, деградации и возрождения имперских интенций*»: Сборник материалов Круглого стола 4 июня 2021 г., Ростов-на-Дону (с. 106–111). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС.

References

- Akopov, G. L., & Uzenov, T. A. (2021). The Effectiveness of the Application of Internet Communications in the Activities of Political Elites. In “*Geopolitical, socio-cultural, elitological aspects of the formation, degradation and revival of imperial intentions*”: *Proceedings of the Roundtable on June 4, 2021, Rostov-on-Don* (pp. 189–195). Rostov-on-Don: Publishing house of SRIU RANEPa (In Russian).
- Ashin, G. K., & Ponedelkov, A. V. (2001). *Fundamentals of Political Elitology*. Moscow: Book House “LIBROCOM.” (In Russian).
- Cherkasova, T. P. (2011). *Innovative Economic Growth in Post-Crisis Russia: Institutional Model and State Policy Mechanism*. Volgograd: Volgograd State University Press (In Russian).
- Cherkasova, T. P., & Aksenov, E. A. (2016). Models of interaction between the state and business in the system of public administration: World experience. *Science and Education: Economics and Economy; Entrepreneurship; Law and Management*, 4, 71 (In Russian).
- Cherkasova, T. P., & Shubina, L. V. (2020). Public organizations as an institutional tool of public policy to support medium and small entrepreneurship. *State and municipal governance. Scientific Notes*, 3, 219–227 (In Russian).
- Globachev, K. I. (2009). Report of the Head of the Petrograd Security Office K.I. Globachev to the Director of the Department of Police on February 5, 1917. In *The Truth about the Russian Revolution: Memories of the Former Head of the Petrograd Security Branch*. Moscow: ROSSPEN (In Russian).

- Karabushchenko, P. L., & Ponedelkov, A. V. (2021). The Geopolitical Dimension of Contemporary Eurasia. In *Geopolitical, Socio-Cultural, and Elitological Aspects of the Formation, Degradation, and Revival of Imperial Intentions: Proceedings of the Roundtable on June 4, 2021, Rostov-on-Don* (pp. 287–298). Rostov-on-Don: Publishing house of SRIU RANEPa (In Russian).
- Karabushchenko, P. L., Ponedelkov, A. V., Lyakhov, V. P., & Razumets, V. M. (2019). The Great Russian Revolution and the Crisis of Elites. *Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Management*, 8, 138–142 (In Russian).
- Karabushchenko, P. L., Ponedelkov, A. V., & Vorontsov, S. A. (2019). Political elites of the Russian Empire in V.O. Klyuchevsky's assessment. *Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*, 2, 119–124 (In Russian).
- Khrustalev, V. M. (Ed.). (2012). *Diaries of Nicholas II and Empress Alexandra Feodorovna* (Vol. 1). Moscow: PROZAIK (In Russian).
- Kudryashov, K. V., Ponedelkov, A. V., & Sankova, A. A. (2021). The National Policy of the Russian Empire. In *Geopolitical, socio-cultural, and elitological aspects of the formation, degradation, and revival of imperial intentions: Proceedings of the Roundtable on June 4, 2021, Rostov-on-Don* (pp. 209–216). Rostov-on-Don: Publishing house of SRIU RANEPa (In Russian).
- Plyais, Y. A. (2021). Russian Empire as a Non-Classical Empire: Reasons for Emergence, Stages of Development, Modern State. In *Geopolitical, Socio-Cultural, and Elitological Aspects of the Formation, Degradation, and Revival of Imperial Intentions: Proceedings of the Roundtable on June 4, 2021, Rostov-on-Don* (pp. 10–12). Rostov-on-Don: Publishing house of SRIU RANEPa (In Russian).
- Popov, M. Y., & Brukhanova, N. V. (2021). Destructive factors of formation and functioning of regional elites in post-Soviet Russia. In *Geopolitical, Socio-Cultural, and Elitological Aspects of the Formation, Degradation, and Revival of Imperial Intentions: Proceedings of the Roundtable on June 4, 2021, Rostov-on-Don* (pp. 154–164). Rostov-on-Don: Publishing house of SRIU RANEPa (In Russian).
- Shatkovskaya, T. V. (2021). Legislative consolidation of social responsibility of the Russian political elite: From origins to the present. In *Geopolitical, socio-cultural, and elitological aspects of the formation, degradation, and revival of imperial intentions: Proceedings of the Roundtable on June 4, 2021, Rostov-on-Don* (pp. 106–111). Rostov-on-Don: Publishing house of SRIU RANEPa (In Russian).
- Sonina, E. O., & Shepilov, S. V. (2021). The Role of the Regional Elite in the Political Self-Determination of the Subjects of the Russian Federation. In *Geopolitical, socio-cultural, and elitological aspects of the formation, degradation, and revival of imperial intentions: Proceedings of the Roundtable on June 4, 2021, Rostov-on-Don* (pp. 140–146). Rostov-on-Don: Publishing house of SRIU RANEPa (In Russian).
- Subetto, A. I. (2021). Noosphere Leadership of Russia in the Epoch of the Great Evolutionary Turning Point and Generations of the Actual Mind. In *Geopolitical, Socio-Cultural, and Elitological Aspects of the Formation, Degradation, and Revival of Imperial Intentions: Proceedings of the Roundtable on June 4, 2021, Rostov-on-Don* (pp. 13–41). Rostov-on-Don: Publishing house of SRIU RANEPa (In Russian).

- Zershchikov, Y. S. (2021). Dear colleagues, dear friends, fellow citizens! In *"Geopolitical, Socio-Cultural, and Elitological Aspects of the Formation, Degradation, and Revival of Imperial Intentions: Proceedings of the Roundtable on June 4, 2021, Rostov-on-Don"* (pp. 7–8). Rostov-on-Don: Publishing house of SRIU RANEPa (In Russian).
- Zyryanov, S. G., Aldoshenko, E. V., & Averyanova, D. V. (2021). Intra-elite groups in the Chelyabinsk region: Dynamics of influence rating in the second decade of the XXI century. In *Geopolitical, Socio-Cultural, Elitological Aspects of the Formation, Degradation and Revival of Imperial Intentions: Proceedings of the Roundtable on June 4, 2021, Rostov-on-Don* (pp. 47–56). Rostov-on-Don: Publishing house of SRIU RANEPa (In Russian).

RUSSIAN IMPERIAL PROJECT: RUSSIFICATION OF THE NATIONAL OUTSKIRTS – REVIEW OF THE MONOGRAPH "NATIONAL OUTSKIRTS IN THE POLITICS OF THE RUSSIAN EMPIRE AND RUSSIAN SOCIAL THOUGHT / EDITED BY A.T. URUSHADZE - ROSTOV-ON-DON: UNTS RAS PUBLISHING HOUSE. 2020".

Arushan A. Vartumyan

Institute of Service, Tourism and Design (branch) of the North Caucasus Federal University. Pyatigorsk, Russia. E-mail: [pragpu\[at\]mail.ru](mailto:pragpu[at]mail.ru). ORCID 0000-0002-2295-5436

Abstract

In the history of all empires, much in their political development depended not only on a cohesive center, but also on the loyalty and obedience of their outskirts. It was in the harmonization of the dialogue between the center and the periphery that the empires' stable and constructive growth and their prospects for survival depended. The Russian Empire has long demonstrated a very flexible policy in the sphere of national relations, since the periphery of its state structure consisted of national conglomerations, each of which required an individual approach to itself. The author highly appreciates the reviewed monograph, whose authors managed to provide a comprehensive analysis of the Russian Empire's policy towards its national suburbs.

In particular, he agrees with the authors that the Russian Empire was an example of unique historical and cultural diversity. And this diversity was aimed not at conflict but at reconciliation. Therefore, it is important for the present day to adequately understand the reasons for this successful management of ethnocultural diversity. He sees further development of imperiological studies precisely in a detailed examination of the links between the various parts of the state, a study of the problem within the imperial transfer of managerial ideas and technologies, and an analysis of formal and informal administrative practices and the role of public representatives in the struggle to choose the political course of the empire on the fringes.

Keywords

empire; national outskirts; border; elites; national issue; autonomy; conflicts; center-periphery; historiography

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ИМПЕРСКИЙ ПРОЕКТ РОССИИ: РУСИФИКАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОКРАИН - РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ «НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОКРАИНЫ В ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ /ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ А.Т. УРУШАДЗЕ.- РОСТОВ-НА- ДОНУ: ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНЦ РАН, 2020».

Вартумян Арушан Арушанович

Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) Северо-Кавказского федерального университета. Пятигорск, Россия. E-mail: [pragpu\[at\]mail.ru](mailto:pragpu[at]mail.ru). ORCID 0000-0002-2295-5436

Аннотация

В истории всех империй многое в их политическом развитии зависело не только от сплоченного центра, но и от лояльности и послушности их окраин. Именно в гармонизации диалога «центр – периферия» зависел стабильный и конструктивный рост империй, перспектива их выживания. Российская империя длительное время демонстрировала весьма гибкую политику в сфере национальных отношений, поскольку периферия ее государственного устройства сплошь состояла из национальных конгломераций, каждый из которых требовал к себе индивидуального подхода. Автор высоко оценивает рецензируемую им монографию, авторскому коллективу которой удалось дать комплексный анализ проводимой Российской империей политики в отношении своих национальных окраин. Он, в частности, согласен с мнением авторов о том, что Российская империя являла собой пример уникального историко-культурного разнообразия. Причем это многообразие было направлено не на конфликт, а на примирение. Поэтому для настоящего дня важным является адекватное понимание причин этого успешного управления этнокультурным многообразием. Дальнейшее развитие империологических исследований им видится именно в детальном рассмотрении связей между различными частями государства, исследовании проблемы внутри имперского трансфера управленческих идей и технологий, а также в анализе формальных и неформальных административных практик и определение роли представителей общественности в борьбе за выбор политического курса империи на окраинах.

Ключевые слова

империя; национальные окраины; граница; элиты; национальный вопрос; автономия; конфликты; «центр-периферия»; историография

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

В современной политической и исторической научной литературе при анализе развития имперской государственности преобладает «центр-периферийный» подход, рассматривающий данный тип государства с позиций функционального анализа. Империя описывается в качестве такой политической организации, в которой центр занимает доминирующее положение, играет ведущую роль в определении внутренней и внешней политики и обеспечивает коммуникации между перифериями.

Монография «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли» представлена учеными Южного научного центра РАН и Ростова-на-Дону. Коллективный научный труд сложился на основе реализации проекта Российского научного фонда №17-78-20117 с аналогичным названием. В монографии ученые ЮНЦ РАН представляют вопросы стратегии и тактики имперской интеграции, а также особенности и источники формирования правительственной политики на окраинах государства Романовых. Внимательное и вдумчивое прочтение рассматриваемой нами научной работы группы ученых показывает, что в ней присутствует главный и обязательный «компонент» для подобного рода научных сочинений, а именно – общая тематика или проблематика. Форма и структура научного исследования обусловлены заданной фронтальной проблемой, характером поставленной цели и выдвинутых задач.

Коллективный научный труд состоит из семи разделов и 22 глав. Изучение собирания окраин, сенаторские ревизии национальных окраин, истоки и происхождение идеи русификации в правительственной мысли, безусловно, имеет немаловажное теоретическое и практическое значение в плане развития современной российской государственности, совершенствования российского федерализма, а также построения устойчивых позитивных межнациональных отношений.

Следует заметить, что в современной отечественной историографии и учебной литературе проблема окраин в политике Российской империи рассматривается прежде всего, как политика центра по подчинению периферии и модернизации практик имперского доминирования. Работы, выполненные в подобном эпистемологическом ключе, позволили пересмотреть закрепившейся в советской науке с конца 1950-х гг. концепт добровольного вхождения «окраинных» этносов в пространство Российского государства. Мы отмечаем, это предполагаемый в

рецензируемой монографии подход заключается в переносе внимания на то, как Российская империя управляла и интегрировала окраины, на то, как окраины видоизменяли империю.

Высказав предварительные соображения о структуре и методологических подходах коллективной монографии, обратимся к анализу источниковой базы научного труда, основу которой составили исторические архивные материалы, включая значительное количество впервые вводимых в научный оборот документов из российских федеральных архивов: Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований (Архив КБИГИ), Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Российский государственный архив социально политической истории (РГАСПИ), Российский государственный исторический архив (РГИА) и др.

Ценным и неповторимым источником является эпистолярное наследие свидетелей исторических событий: «Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I», Мещерский В.П. «Письма к великому князю Александру Александровичу 1869-1878», Письма и записки Г.-Ф. Паррота к императорам Александру III, из переписки М.Н. Муравьева относительно религиозных и церковно-обрядовых вопросов Северо-Западного края (1863-1864 гг.) и др.

Впечатляет перечень периодических газет и журналов далекой эпохи: Бессарабец (Кишинев, 1910), Вестник Европы (Санкт-Петербург, 1882), День (Москва, 1862), Кавказ (Тифлис, 1849-1910), Киевлянин (Киев, 1908), Литовские епархиальные ведомости (Вильнюс, 1903), Окраины России (Санкт-Петербург, 1906-1912) и др.

Актуальность рецензируемой работы определяется «отдаленностью окраин, которая заставляла Российскую империю искать нестандартные решения и практики» (Урушадзе, 2020, стр.16).

Целью коллективной монографии является сбор и обобщение экспертных мнений о государственной политике Российской империи по «присвоению» Туркестанского края, Кавказского края, Западного края, Остзейского края, территорий Польши и Финляндии и решение в этом контексте проблемы содержания и характера эволюции имперской политики в отношении проживавших там «инородных» народов.

В разделе I «Собирание окраин: присоединение новых территорий в правительственных дискуссиях и общественной мысли» рассматриваются причины и особенности территориальной экспансии России в российской историографии. Присоединенные Россией огромные земельные пространства представляли собой капитал, который «и был пущен в ход для содержания огромного, неимоверно разросшегося служилого сословия» (Урушадзе, 2020, стр.46).

Авторы резонно задаются вопросом – как обустроить империю? К началу XIX века российское правительство не имело определенной стратегии управления огромным территориальным пространством. Рассмотрев все предложенные управленческие решения от Александра I до Николая I, авторы утверждают, что «в итоге деятельность местной администрации в основном сводилась к мерам полицейского характера» (Урушадзе, 2020, стр.73). Курс на централизацию и бюрократизацию государственного управления нельзя считать успешным.

Раздел II посвящен вопросу: «(Не) системный мониторинг. Сенаторские ревизии национальных окраин» и проведению сенаторских ревизий Лифлядской и Курляндской губерний.

Ревизия 1882-1883 года проводилась с целью сбора сведений для реализации плана широкого реформирования. Авторы подчеркивают мысль о том, что для российской высшей бюрократии опыт проведения ревизии в Лифлядской и Курляндской губерниях стал примером распространения на национальные окраины губернии внутрироссийских административных и политических практик. Ревизия стала важным итогом на пути к выработке новой политики империи, направленной на «экономическую, политическую и культурную инкорпорацию окраин» (Урушадзе, 2020, стр.94).

Аналогичная работы была проведена в Туркестане в 1908-1909 году во время проведения Сенатской ревизии графа К.К. фон дер Палена.

Широкий круг вопросов и проблем был во многом беспрецедентным для тех времен.

Ревизия К.К. фон дер Палена была проведена филигранно и являла собой один из лучших примеров инспекции окраин для того времени. Авторский тезис о том, что «недореформированное», «полупереходное» состояние края сохранялось до Первой мировой войны и восстания 1916 г. (Урушадзе, 2020, стр. 108).

Раздел III «Истоки и происхождение идеи русификации в правительственной политике и русской общественной мысли» представляет проект восстановления русского влияния в «возвращенных землях» Западного края в первой половине XIX века. Огромное количество архивных и статистических материалов подводят нас к мысли о том, что попытки усилить русское влияние в западных губерниях не смогли ограничить влияние полонизма признаны неуспешными. Польский вопрос «всплывает» одним из наиболее острых, и подавление польских выступлений, карательные меры правительства до настоящего времени и являются основным историческим фоном российско-польских отношений. Авторам монографии удалось изложить проблематику достаточно убедительно (Урушадзе, 2020, стр. 140-165).

Какие ключевые средства русификации использовались в Российской империи: распространение общеимперского законодательства, русского образования, внедрение русского языка, поддержка православной церкви, и только в процессе подавления восстания 1863-1864 гг. перешли из концептуального поля в область практической политики.

Раздел IV научного труда «Опыты и практики политики русификации в правительственной политике и русской общественной мысли» исследует политику русификации западных окраин Российской империи во второй половине XIX века. Согласимся с утверждением авторов о том, что «особенностью империи было то, что к середине XIX века в ней в полном объеме не были созданы основные сущностные черты имперской системы управления-универсализм и гомогенность» (Урушадзе, 2020, стр.181).

Следует отметить, что политика русификации имперских окраин во многом стала следствием не только периферийных национальных движений, но и результатом аналогичных процессов, происходивших в недрах титульной нации. Отмена крепостного права и проведение комплекса либеральных преобразований 1860-1870-х гг. стали важными вехами в становлении собственно русской национальной идентичности собственными «исконными» национальными границами, в пределах которых должны были распространяться «русские начала». Освобождение русского народа от крепостной зависимости ознаменовало собой начало национального поворота во внутренней политике самодержавия. До этого никакой русифицирующей составляющей в политике имперских властей в

отношении окраин не могло быть в принципе в силу отсутствия самого определения критериев и маркеров «русскости», которые стали формироваться только во второй половине XIX в.

Таким образом, в последние десятилетия XIX в. репрессивно-запретительный компонент политики русификации западных окраин стал доминирующим в деятельности местной администрации. Борьба против нелегальной образовательной деятельности и преследование ввоза и выпуска запрещенной литовской литературы, вызывавшие недовольство и сопротивление местного населения, бесперспективные по своей сути, мало способствовали действительной интеграции региона в общеимперское культурное и языковое пространство. Антипольский дискурс, господствовавший в административной практике имперских властей, мешал им заметить постепенную трансформацию этнокультурной ситуации в регионе, где началось формирование новых региональных идентичностей, с которыми необходимо было налаживать диалог. Российская администрация смогла существенно ослабить польское влияние в западных губерниях, однако распространить в них русские начала, которые должны были прийти на смену полонизму, не удалось. Традиционализм и инертность бюрократического мышления, слабость рычагов русификации края, постоянное недофинансирование, отсутствие единой, четкой концепции обрусения западных окраин, приоритет привычных репрессивно-силовых методов административной политики — все это крайне затрудняло «дело водворения в крае русского элемента, способствуя сохранению перманентного конфронтационного климата в регионе.

На рубеже XIX–XX вв. имперские власти стояли перед необходимостью существенного пересмотра характера и содержания своей политики в регионе, мирное и бесконфликтное пребывание которого в составе империи во многом зависело от успешности внедрения современных управленческих практик в деятельность общеимперской и окраинной администрации.

Раздел V «Русская общественная мысль и политика имперских властей в отношении национальных окраин во второй половине XIX – начале XX в.» посвящен изучению польского вопроса в русской интеллектуальной традиции.

Польский вопрос относится к числу проблем, не отпускающих постоянное внимание представителей отечественной общественной мысли в течение всего XIX в. К

заслугам российских интеллектуалов следует отнести анализ истории и причин возникновения, сущностных черт в проявлении польского вопроса на разных этапах развития Российской империи, поиски вариантов его разрешения. Нередко публицистические сочинения и научные исследования привлекали внимание имперских властей к различным аспектам этой болезненной темы, создавали возможность разобраться в истоках и сути существующих проблем и тем самым оказывали на них влияние.

В разделе VI «Смягчение нравов»: противоречия правительственной политики просвещения и просветительские проекты» рассмотрен имперский проект по созданию полезного чиновника. Авторы пафосно определили его как «Новые люди» для Кавказа.

Присоединение Восточной Грузии, а затем и других (суб)регионов Кавказа стало большим вызовом для российской бюрократии. Выстраиванию новой системы управления препятствовало множество объективных обстоятельств: местное языковое и этническое разнообразие, сложные природно-ландшафтные условия края, отдаленность Кавказа от имперских столиц, постоянная военная угроза. В первой половине XIX в. имперское правительство рассчитывало привлечь опытных русских чиновников на кавказскую службу комплексом карьерных привилегий и материальных преимуществ, но добиться преодоления регионального кадрового дефицита так и не удалось. Первый наместник на Кавказе М.С. Воронцов (1844–1853) изменил тактику борьбы с бюрократической недостаточностью и перешел к реализации социально-образовательного проекта, который был рассчитан на воспитание и обучение полезных чиновников из местной молодежи. История этих преобразований может быть рассмотрена как один из эпизодов борьбы за «нового человека».

Следует признать вывод авторов справедливым в отношении «новых людей» для Кавказа (Урушадзе, 2020, стр.414).

Кавказские воспитанники оставили значительным след в истории развития южной окраины Российской империи. Жизнь и творчество многих интеллектуалов были связаны с обучением в российских университетах. Осетинский писатель и общественный деятель К.Л. Хетагуров учился в Петербургской академии художеств, грузинский публичный лидер И.Г. Чавчавадзе, в последствии именуемый в Грузии «отцом отечества», учился на юридическом факультете Петербургского

университета. Именно выпускники российских университетов, а также недоучившиеся кавказские воспитанники возглавляли национальные движения на Кавказе в начале XX в. Это позволяет считать, что в отношении империи Романовых справедливы слова венгерского публициста О. Ясивадре с австро-венгерской монархии: «Династия Габсбургов, если можно так выразиться, высидела яйца национальных государств и даже научила этих птенцов национальной свободы летать, дав им возможность использовать старую администрацию и бюрократию при строительстве новых государств.

Политика покровительства формирующимся окраинным идентичностям требовала значительной гибкости и управленческого мастерства от имперских властей, которые должны были балансировать на грани административного контроля и взаимовыгодного сотрудничества. «Смягчение нравов» в отдельных сферах окраинной политики требовало от власти многочисленных компромиссов и уступок, к которым многие звенья имперского аппарата были не готовы.

Модернизация модели взаимодействия имперского центра и окраин происходила на фоне роста националистических настроений, крайности которых неизбежно ставили имперские власти перед альтернативой: либо возвращаться к апробированной жесткой охранительно-русификаторской практике, бесперспективность которой для многих была очевидна (это было чревато взрывом недовольства), либо продолжать расширение свобод национальных окраин в различных сферах, что могло в более или менее близкой перспективе привести к их автономизации.

В условиях стремительной поляризации и радикализации общественных сил в начале XX в., происходивших как в центре империи, так и на ее национальных окраинах, придерживаться компромиссной «серединной» линии в отношении периферии и центра было практически невозможно. Империя столкнулась с новым вызовом революционного национализма, от адекватного ответа которому напрямую зависела ее будущность.

Раздел VII «Дебаты об окраинном вопросе в эпоху публичности (начало XX в.)» представлен дискуссиями об автономии национальных окраин в российском публичном пространстве 1905-1906 гг. Именно в период 1905—1906 гг. была сформулирована в правовом отношении типология форм административно-территориального устройства государства,

критериями которой выступали формы распределения власти между имперским центром и национальными окраинами. Вариант национально-государственного устройства России, предложенный представителями либерально ориентированного сектора российского общественного движения, предполагал компромисс и взаимопонимание между различными национальностями, предоставляя реальную возможность избежать насильственного решения национального вопроса, а, следовательно, и распада Российской империи (Урушадзе, 2020, стр.541).

Авторы весьма детально раскрывают новую для России тему - выборы в Государственную Думу и дебаты в окраинном районе.

Сравнительный анализ документов по выборному производству и материалов официальной и оппозиционной печати позволил увидеть в полной мере сложную картину процесса избрания депутатов среди инородческого населения в диапазоне от полного игнорирования, как в Дагестане и Астраханской губернии, до острого политического противостояния за голоса выборщиков, как в Тифлисе и Кутаиси. Правила о применении к губерниямиобластям Кавказскогокрая Положения о выборах позволили людям, несвязанным с местной администрацией, победить и представлять интересы своего народа в центре метрополии. Выборное производство в Тифлисе и Баку и в одноименных губерниях продемонстрировало важность этнического фактора, когда происхождение потенциальных депутатов приобретало значение, равное их политическим позициям. Яркий этому пример — триумфальная победа грузинских меньшевиков.

В заключение сделаем некоторые замечания, которые, несомненно «утяжелили» бы очень доработанный научный труд. Авторы проигнорировали картографический материал и одна (!) карта на весь труд в 50 п.л. слабое утешение. Каждый раздел нуждается в подробных картах соответствующего периода. Статистические таблицы нуждаются в виде приложений. Перепись населения 1897 года дает огромный материал по этнической, религиозной, социальной статистике всей империи.

Стоит поблагодарить авторов за огромный по объему и ценный по научной составляющей труд, который пополнит книжные полки историков, элитологов, политологов, социологов и представителей других общественных наук.

Неспособность российской империи директивно управлять окраинами приводила к формированию региональных центров

власти, которые самостоятельно отвечали на местные вызовы. Эта особенность российского империостроительства спровоцировала популярное в историографии мнение об отсутствии у Романовых общего плана этнокофессиональной политики. С этим трудно согласиться. Опыт Российской империи скорее показывает противоречивость государственной теории и практики. Деятельность многочисленных профильных «окраинных» комитетов (Польского, Кавказского, Сибирского, Западного) была направлена на встраивание региональной практики в имперскую теорию. Это позволяет говорить о том, что окраины были не только объектом имперской политики, но и субъектом развития самой империи (Урушадзе, 2020, стр. 581).

Постижение Российской империи через канон разнообразия остается главенствующей интеллектуальной стратегией в современной отечественной историографии. Это позволяет исследователям углублять представления об отдельных регионах и региональных механизмах властвования, расширять пантеон героев «имперского периметра», анализировать особенности отношений между частями периферии и имперским центром. Можно сказать, что история Российской империи сегодня – это в некоторой степени сумма региональных историй, которые написаны с разных методологических позиций и в разной степени фундаментированы в документальном измерении.

Российская империя действительно являла собой пример уникального историко-культурного разнообразия. Вместе с тем это разнообразие приобретало черты единства и упорядоченности или хотя бы иллюзии таковых. История Российской империи – это не только суммарная история ее разнообразных окраин / регионов, но в не меньшей степени история управления разнообразием, а иногда и история его преодоления. Поэтому перспективным направлением развития империологических исследований видится рассмотрение связей между различными частями государства Романовых, исследование проблемы внутри имперского трансфера управленческих идей и технологий, анализ передвижения бюрократов из одной окраины и/или губернии в другую, выявление формальных и неформальных административных практик, определение роли представителей общественности в борьбе за выбор политического курса империи на окраинах. Поиск ответов на эти исследовательские вызовы потенциально способен открыть качественно новый этап в изучении прошлого Российской империи.

Спасибо авторам за профессионализм и современное прочтение постимперских традиций нынешней Российской Федерации.

Список литературы

Урушадзе, А. Т. (Ed.). (2020). *Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли*. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН.

References

Urushadze, A. T. (Ed.). (2020). *National Margin in the Politics of the Russian Empire and Russian Social Thought*. Rostov-on-Don: UNTS RAS Publishing House (In Russian).

ANGLOSAXON HISTORIOGRAPHY OF MODERN US IMPERIAL AMBITIONS (ANALYSIS OF CONCEPTUAL MOMENTS)

Irene R. Upir

Astrakhan State University. Astrakhan, Russian. E-mail: [ireneupir\[at\]mail.ru](mailto:ireneupir[at]mail.ru)

Abstract

This review examines the positions of modern researchers regarding the hegemonic orientation of the US political course. Many theorists agree that at present the United States has lost its position as a leading power in the world arena, and some researchers adhere to the position that in modern conditions it is impossible to talk about the hegemony of this or that state. However, the opinion about the growing and prevailing role of the China in international relations, especially in the context of the COVID-19 pandemic, is becoming more and more widespread. With advanced technology, economic growth, military power, and a huge population, China is the second most powerful global player after the United States. On a broader global scale, if the world's first two largest economies become rivals, many countries will have to view the competition between China and the United States as a factor in shaping future economic development policies. In connection with the totality of these facts, it is relevant to consider modern literature that studies the imperial ambitions of both states in the framework of their relationship.

Keywords

hegemony; imperial ambitions; USA; China; global balance of power; stability; political leadership; geopolitics; multipolarity; COVID-19.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

АНГЛОСАКСОНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ ИМПЕРСКИХ АМБИЦИЯХ США (АНАЛИЗ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МОМЕНТОВ)

Упир Ирина Романовна.

Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия. E-mail: [ireneupir\[at\]mail.ru](mailto:ireneupir[at]mail.ru)

Аннотация

В данной рецензии рассматриваются позиции современных исследователей относительно гегемонистской направленности политического курса США. Многие теоретики сходятся во мнении, что в настоящее время Соединенные Штаты утратили свое положение ведущей державы на мировой арене, а некоторые исследователи придерживаются позиции, что в современных условиях нельзя говорить о гегемонии того или иного государства. Однако все большее распространение получает мнение о возрастающей и преобладающей роли КНР в международных отношениях, в особенности в условиях пандемии COVID-19. Благодаря передовым технологиям, экономическому росту, военной мощи и огромному населению Китай является вторым по влиянию глобальным игроком после США. На более широком глобальном уровне, если две первые крупнейшие экономики мира станут соперниками, многим странам придется рассматривать конкуренцию между Китаем и США как фактор при выработке политики будущего экономического развития. В связи с совокупностью данных фактов, актуальным представляется рассмотрение современной литературы, изучающей имперские амбиции обоих государств в рамках их взаимоотношений.

Ключевые слова

гегемония; имперские амбиции; США; КНР; глобальный баланс сил; стабильность; политическое лидерство; геополитика; многополярность; COVID-19.

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Современный мир переживает всеобъемлющий переходный период, вызвавший к жизни глубокий системный кризис. Выживание, продолжительность и устойчивость существующих международных союзов, их соперничество и конфликтный потенциал находятся под вопросом. В политическом сообществе начинают осознавать, что ни конфликтные, ни кооперативные отношения не могут быть устойчивыми в долгосрочной перспективе - направление и темп любых отношений могут измениться в любой момент.

В связи с этим, при анализе текущего глобального баланса сил необходимо учитывать все эти многочисленные условия, которые постоянно видоизменяются. Приходится констатировать, что в настоящий момент ни одна мировая держава не придерживается принципиальной внешнеполитической ориентации, поскольку большинство стран проводят эклектическую, секторальную и разрозненную внешнюю политику.

Несмотря на то, что Соединенные Штаты продолжают оставаться одним из наиболее могущественных, влиятельных и важных игроков на международной арене, они сталкиваются с трудностями в сохранении своего глобального лидерства. Очевидно, что США не устраивают нынешние темпы глобальных отношений, и они не в состоянии изменить темп этих событий в соответствии со своими национальными интересами. В этом контексте интересен анализ современной политической литературы, которая демонстрирует отношение США, как государства с имперскими амбициями, с другими влиятельными игроками, в том числе с таким крупным международным актором, как Китайская Народная Республика.

Известный американский аналитик Франсис Фукуяма в августе 2021 г. разразился статьей по поводу конца мировой гегемонии США. Его резонансное заявление для журнала «Экономист» о конце гегемонии США, вызвало живое обсуждение по всему миру. Фукуяма в частности заявил, что Штаты в погоне за мировым лидерством, уже подорвали свои ресурсы и исчерпали их возможности; что пик их могущества уже прошел и, судя по всему, им вряд ли удастся вернуться на свой прежний уровень. Падение гегемона во многом предрешило раскол его правящих элит, которые утратили консенсус и вошли в фазу открытого конфликта. По мнению Ф. Фукуямы, «на протяжении холодной войны и до начала 2000-х среди американской элиты существовал устойчивый консенсус о сохранении лидирующей позиции в мировой политике. Изнурительные и бесконечные войны в Афганистане и Ираке отвадили многих американцев не только от проблемных

мест вроде Ближнего Востока, но от международного вмешательства в принципе» (Fukuyama, 2021).

В своём заявлении, Ф. Фукуяма даже признает, что долгосрочные источники слабости и рецессии США являются «внутренними, а не международными». Ученый пытается убедить своих читателей, что Америка «останется великой державой на долгие годы, но ее влияние будет больше зависеть от ее способности решать свои внутренние проблемы, чем от ее внешней политики» (Fukuyama, 2021).

В конце концов, период расцвета американской гегемонии длился менее 20 лет, «от падения Берлинской стены в 1989 году до финансового кризиса 2007-2009 годов». Соединенные Штаты неоднократно переоценивали эффективность военной силы в достижении фундаментальных политических изменений. Международный экономический кризис также высветил неравенство, созданное глобализацией под руководством США.

Однополярность этого периода теперь закончилась, и мир вернулся к более нормальному состоянию многополярности, «когда Китай, Россия, Индия, Европа и другие центры увеличивают свою мощь по сравнению с Америкой» (Fukuyama, 2021).

По мнению Ф. Фукуямы, Соединенные Штаты сталкиваются с серьезными внутренними проблемами. Американское общество глубоко поляризовано, и ему трудно достичь консенсуса практически по любому вопросу. Подобная поляризация началась с местных американских политических проблем, однако с тех пор постепенно переросла в ожесточенную борьбу за культурную идентичность.

Даже внешняя угроза, такая как распространение вируса COVID-19, не заставила американцев сплотиться. Скорее, утверждает Ф. Фукуяма, кризис усилил раскол и социальную дистанцию США. Вопросы вакцинации и средств индивидуальной защиты стали политическими проблемами, а не мерами общественного здравоохранения (Fukuyama, 2021).

По-прежнему существует устойчивый консенсус элиты в отношении Китая, который превратился в соперника США: и республиканцы, и демократы согласны с тем, что КНР представляет собой «угрозу демократическим ценностям». В сегодняшнем менее поляризованном мире после «холодной войны» режимы, которые долгое время сопротивлялись усилиям США по демократизации, теперь ощущают смелость и молчаливую поддержку со стороны государства, ориентированного на подъем Китая.

Внутренняя поляризация уже нанесла ущерб глобальному влиянию Соединенных Штатов, как утверждает аналитик. Привлекатель-

ность США значительно уменьшилась, поскольку американские демократические институты в последние годы не работали должным образом.

Ф. Фукуяма утверждает, что США вряд ли вернутся к своему прежнему гегемонистскому положению, и не должны даже пытаться это сделать, поскольку в лучшем случае государству остается только надеяться на «поддержание мирового порядка, основанного на демократических ценностях, вместе со странами-единомышленниками» (Fukuyama, 2021).

Некоторые современные исследователи, такие как, например, Оливер Тернер, утверждают, что так как дипломатические отношения и приверженность безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе развиваются, Соединенные Штаты также должны адаптироваться, однако остаются вопросы относительно того, в какой степени они готовы это сделать, и как они будут понимать первые долгосрочные ослабления своей региональной власти над идеями и физической мощью.

Помимо этого, многие теоретики, изучающие имперские амбиции США на современном этапе, сходятся во мнении, что сменявшие друг друга правительства США не определились, какой политике следует придерживаться в отношении Китая.

Благодаря передовым технологиям, экономическому росту, военной мощи и огромному населению Китай является вторым по влиянию глобальным игроком после США. С одной стороны, Китай позиционирует себя против западной гегемонии. По этой причине он возглавил создание Шанхайской организации сотрудничества, которая считается новым партнером НАТО.

С другой стороны, Китай пытается создать экономические институты в качестве альтернативы специализированным организациям ООН, таким как Всемирный банк и Международный валютный фонд. Теперь он готов предоставить финансовые ресурсы другим странам для различных проектов. Китай арендовал или купил множество морских портов по всему миру, чтобы укрепить свои позиции на глобальном уровне. Многие страны, близкие к США, такие как европейские государства и Израиль, начали улучшать свои отношения с Китаем. Многие африканские и ближневосточные страны считают КНР одним из своих ближайших экономических и политических партнеров.

Таким образом, можно легко предположить, что китайский вызов глобальной гегемонии находится в процессе становления. Единственная причина, по которой Китай не заявил о своей глобальной гегемонии, – это время. Другими словами, по мнению китайского руководства, Китай еще не готов к глобальной гегемонии. Когда Китай на-

chnet вмешиваться в политические и экономические дела других стран и уводить их от США, глобальная конфронтация станет неизбежной. В то же время США не уверены, сколько стран будут продолжать оставаться на их стороне. Многие европейские страны могут остаться равнодушными к возможному противостоянию США и Китая в Индо-Тихоокеанском регионе.

Позиция некоторых мировых держав, таких как Индия, в отношении глобального могущества Китая ясна, в то время как многие другие могут остаться нейтральными в случае усиления конфронтации. Хотя Россия кажется ближе к Китаю, а европейские страны – к США, их позиция со временем может измениться, поскольку положение многих мировых и региональных держав не фиксировано.

Следуя отраслевой политике, каждое государство поддерживает парадоксальные отношения друг к другу. Следовательно, хотя стоит принимать во внимание общие тенденции, в настоящее время можно сосредоточиться на конкретных проблемных областях, чтобы делать выводы из отдельных случаев.

Как утверждает М. Кларк, Китай считает себя способным обеспечить стабильность в регионе за счет компенсации несбалансированного экономического развития и постепенного смягчения геополитической мощи США (Clarke, 2019).

Примечательно, что кризис COVID-19 выявил не только недостатки антикризисного управления США, но и их взаимосвязь с либерально-демократическим порядком. Так, согласно М. Кларку, отсутствие ясного американского руководства на разных этапах пандемии было настолько распространенным, что «вся идея трансатлантического сотрудничества стала спорной».

Как описывает автор, наиболее заметным провалом системы было то, что США во главе с Д. Трампом отказались от своей роли международного лидера во время пандемии. Более того, он подчеркивает роль Китая в подрыве международной системы, объясняя это тем, что в течение многих лет Китай прилагал явные усилия, пытаясь интегрироваться и прививать свои авторитарные ценности многосторонним организациям (Clarke, 2019).

Партнерские отношения, которые КНР стремится установить, основаны на принципе «беспроясненности», что способствует растущему признанию Китая в международных кругах. Действительно, поскольку администрация Д. Трампа неоднократно игнорировала международные организации, в частности, Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ), Китай все активнее сотрудничал с ними (Clarke, 2019).

Анализируя данные работы, становится очевидным, что ученые приходят к единому мнению, что Китай находится на подъеме, постепенно интегрируясь в международные институты и поэтапно утверждая свое экономическое господство. При этом, хотя авторские концептуальные представления о формирующемся мировом порядке признают усиление позиций Китая, они не могут адекватно объяснить растущую привлекательность китайской модели.

Сегодня ученые понимают, что экономическая и геополитическая мощь Китая, проявленная во время пандемии вируса COVID-19, может способствовать наращиванию международной мощи, что потребует стратегического внимания США. Однако они редко задумываются о том, как китайская модель управления и особый стиль лидерства потенциально оказались более подходящими для управления глобальными кризисами, чем модели либеральных демократий.

Как пишет Найл Фергюсон, замечательная скорость, с которой Китай смог сдержать вирус, позволила ему продемонстрировать сильные стороны своей модели и сформировать повествование о пандемии в свою пользу. Постепенно американское превосходство на Ближнем Востоке стало рассматриваться Китаем как основное препятствие для его дипломатических и стратегических региональных перспектив (Ferguson, 2020).

Теперь, хотя Китай по-прежнему зависит от цен на нефть, которые частично регулируются США, Н. Фергюсон и некоторые исследователи считают, что зависимость КНР от нефти ближневосточных стран не дает ей рисковать их отношениями, даже ценой неприемлемости по отношению к Соединенным Штатам (Ferguson, 2020). Понимая, что контроль США над ближневосточной нефтью и важнейшими военноморскими путями дает им глобальное превосходство, которое представляет собой стратегический риск для Китая, страна начала конкретно взаимодействовать с Ираком, Ираном и Саудовской Аравией. Связи между Ираном и Китаем еще больше укрепились после подписания соглашения о военном сотрудничестве, и китайские ракеты и технологии к настоящему времени даже попали в Йемен и Ливан, а стратегическое сотрудничество, как ожидается, будет только расти по мере роста военного потенциала Китая.

Как утверждает Н. Фергюсон, Китай считает себя способным обеспечить стабильность в регионе за счет компенсации несбалансированного экономического развития и постепенного смягчения геополитической мощи США (Ferguson, 2020).

Руководство Дж. Байдена расширяет траекторию политики Вашингтона, определяя «более напористый и авторитарный Китай» как

«единственного конкурента, потенциально способного объединить свою экономическую, дипломатическую, военную и технологическую мощь, чтобы бросить устойчивый вызов стабильной и открытой международной системе» (See-Won, 2021).

С исторической циклической точки зрения власть, интересы и правила определяют формирование международного порядка, включая «долгосрочную конкуренцию и краткосрочный компромисс в поисках общих ценностей». Положение Китая в существующем порядке рассматривается через призму гегемонии США как «высшая форма западной исторической гегемонии» (See-Won, 2021).

Политические элиты США продвигали «гегемонистскую» Бреттон-Вудскую систему, представляя свои предпочтения, успешно управляя внутренней изоляционистской традицией и иностранным сопротивлением. С падением относительной мощи США их политика перешла от «принятия» Китая к этому господствующему порядку к «отказу от него» (See-Won, 2021).

В частности, Соединенные Штаты больше не могут принимать растущий Китай в качестве стратегического партнера или члена международной системы, поскольку «демократическая дисциплина» там потерпела неудачу. Переход Китая на рынок с 1978 г. привел к примирению между США и Китаем и, в конечном итоге, к разногласиям, поскольку Китай продвигал свою собственную экономическую и политическую повестку дня.

Как отмечают китайские наблюдатели, несмотря на некоторые возможности для сотрудничества, политика Дж. Байдена в отношении Китая склоняется к «стратегической конкуренции и даже конфронтации». Отвергая односторонний подход Д. Трампа и явные нападки на Коммунистическую партию Китая (КПК), Дж. Байден выбрал альтернативные инструменты многосторонности и взаимодействия с союзниками для постоянной цели ограничения влияния Китая.

Как утверждает Ван Цзи, «в сегодняшней китайско-американской конкуренции и сотрудничестве почти все связано с вопросом правил». Этот вопрос будет самым большим предметом споров в будущем, не потому, что Соединенные Штаты опасаются быть вытесненными Китаем экономически, а потому, что «они обеспокоены тем, как они будут справляться, когда их настигнут» (Wang, 2017).

С точки зрения китайских теоретиков международных отношений, таких как Цинь Яцин, одно из самых больших изменений XX в. – это конец не только глобальной гегемонии США, но и самой гегемонии как мирового порядка. Текущий переход к более плюралистическому миру «инклюзивной многосторонности» указывает на «много-

полярную структуру власти, многоуровневые институциональные механизмы и многомерные идеи». Альтернативному биполярному порядку «один мир, две системы» не хватает материальных и институциональных условий для его формирования, а также поддержки со стороны США и Китая (Qin, 2021).

ВЫВОДЫ

В результате рассмотрения имперских амбиций и гегемонистской направленности США, многие исследователи сходятся во мнении, что Соединенные Штаты постепенно теряют позиции в международной политике, и они не знают, как повернуть вспять или даже остановить этот разрушительный курс. Более того, США продолжает проводить одностороннюю политику, заставляя союзников терять к себе доверие.

Как отмечают современные теоретики, США с опозданием примирятся с подобной реальностью, и результатом становится наиболее значимая переоценка своей политики в отношении Китая более чем за целое поколение. Аналитики все больше соглашаются с идеей о том, что недавняя напористость Китая является продуктом личности китайского руководителя Си Цзиньпина. Тот факт, что современные дебаты по-прежнему расходятся по многим фундаментальным вопросам, связанным с великой стратегией Китая, вызывает беспокойство, особенно с учетом того, что каждый вопрос имеет совершенно разные политические последствия.

References

- Clarke, M. (2019). China's Foray into the Middle East: From Ambivalence to Ambition? In *Routledge Handbook of International Relations in the Middle East* (pp. 164–183). London; New York: Taylor & Francis Ltd.
- Ferguson, N. (2020). From COVID War to Cold War: The New Three-Body Problem. In *COVID-19 and World Order: The Future of Conflict, Competition, and Cooperation* (pp. 419–437). Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Fukuyama, F. (2021, August 18). Francis Fukuyama on the End of American Hegemony. *The Economist*. Retrieved from <https://www.economist.com/by-invitation/2021/08/18/francis-fukuyama-on-the-end-of-american-hegemony>
- Qin, Y. (2021). Changes in the world order: From hegemony to inclusive multilateralism. *Yatai Anquanyu Haiyang Yanjiu*, (2), 1–15.
- See-Won, B. (2021). Chinese Views of Hegemony and Multilateralism in the Biden Era. *The Asian Forum*, 9, 2.

Wang, J. (2017). How China and the US Will Co-Evolve Under “Two Orders.” In *Reconstructing China’s Participation in the Global Order* (pp. 68–81). London: BRILL.

Учредитель: Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие "Генезис.Фронтир.Наука". ИНН/ОГРН: 3 019 005 706/1 123 019 003 678

Юр. Адрес: Российская Федерация, 414 056, г. Астрахань, ул. Савушкина, д. 24, кв. 88

Адрес редакции: 414 056, Россия, Астрахань, Татищева 16ж, кв. 40

Главный редактор: д.ф.н. Павел Леонидович Карабущенко

По всем вопросам сотрудничества и публикации материалов обращаться по e-mail: elitologyjournal[at]gmail.com

Телефон: +7 (927) 559-92-40

Опубликованные в сетевом издании материалы предназначены для лиц старше 18 лет

Сетевое издание доступно по лицензии
Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Международная

© 2020 Вопросы элитологии. E-ISSN: 2712-8415

Founder: Limited Liability Company Scientific Industrial Enterprise "Genesis. Frontier. Science"

Address: 24, Savushkina St. apt. 88, Astrakhan, Russia, 414 056

Address of Editorial board: 16zh, Tatischeva St. apt 40, Astrakhan, Russia, 414 056

Editor-in-Chief: Dr. Pavel L. Karabuschenko

In case you have any questions about co-operation please write an e-mail the following address:
elitologyjournal[at]gmail.com

Phone: +7 (927) 559-92-40

Materials are intended for persons over 18 years old

This journal is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International

© 2020 Issues in Elitology. E-ISSN: 2712-8415